

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. Vol. (16). Is. 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor-in-Chief)

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Google Scholar** (USA), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000, Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 17.12.2015.
Format 21 × 29,7.

Typeface Georgia.
Accounting sheets 7,9.
Printing sheets 10,2.
Order № 16

© Russkaya Starina, 2015

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. № 4 (16). Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Джандугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в **CrossRef** (США), **Google Scholar** (США), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Научная электронная библиотека** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 17.12.2015.
Формат 21 × 29,7.

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 7,9. Усл. печ. л. 10,2.
Заказ № 16

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом «Исследователь»» –
Academic Publishing House *Researcher*

© Русская старина, 2015

CONTENTS

Relevant Topic: Death and Commemoration in the Slavic Traditions

Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements Maria A. Andrunina	232
Role of the Orthodox Church Services in the Forming of Folk Attitudes Towards the Dead Irina A. Kuznetsova	242
City Cemetery as a Ritual Space for the Victory Day Celebrations Natalya A. Arkhipenko	251

Articles and Statements

Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR Artyom Y. Peretyatko	258
Trade and Market Position of the Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries Igor S. Tomilov	283
Trading Interconnections of Podillia and Kherson Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries (The Case of Stone Cutting Production) Vitaliy R. Ivanchyshen	296
The Tragedy of the Soviet Prisoners of War in the Big Bend of the Don River (1942–1943) Tatyana G. Kurbat	303

Casus: The History of Russia in the Small Peas

Duels Between Officers of the Kuban Cossack Host (The Late 19th – Early 20th Centuries) Aleksandra V. Gayvoronskaya	309
---	-----

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 232–241, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.232
www.ejournal15.com

Relevant Topic: Death and Commemoration in the Slavic Traditions

UDC 393.05(47)

Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements

Maria A. Andrunina

Moscow State University Named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
1, Leninskie Gory Street, Moscow, 199991
E-mail: mary-andr@mail.ru

Abstract

The article analyzes innovations and changes in Slavic funeral and remembrance rites, the most unchanging and archaic branch of tradition culture. The paper deals mostly with two ways of their modification: *loss* of some elements or *accommodation* of them to modern circumstances. Elimination of different ritual parts concerns mostly funerals of special group of dead, so called *unclean* (suicidal, killed, children etc.). Customs of their burial and remembrance, believes and taboo concerning their graves preserve a lot of ancient traits. Traditionally for their inhumation places beyond the sacred ground of cemetery were chosen, often in wilderness: woods, fields, road sides and crossroads, sometimes even marshes. Some were buried in estates or houses (mostly children); this practice persisted for some time in the Eastern Polesye. These rituals and corresponding beliefs are dying away now.

Another option of changes is accommodation to a new way of life. Example of this was recently found in field in Mogilevsky region. Mobility of new generations, when people work far from home, endangers well known spring remembrance practice held in cemeteries. That is why they put a tablecloth over the coffin during burial in order to have it there if nobody comes in spring to cover the grave and commemorate the deceased. Of course, there are other ways of alteration: giving new meaning to old customs, adaptation from neighboring regions and nations etc. So, even the strictest and unyielding tradition can change with the tide of time. And the weakest links are proved to be those connected with the archaic notions of traditional culture that in general might be referred to as mythological worldview.

Keywords: custom, funeral, grave, remembrance, traditional culture, transformation.

Введение

Среди всего многообразия ритуальных форм традиционной культуры связанная со смертью обрядность оказывается в числе наиболее устойчивых к изменениям элементов. Погребальный обряд сохраняет глубокую архаику, что связано с определенной табуизацией сферы смерти и страхом перед ней, заставляющим с особым вниманием относиться ко всем действиям, ритуально оформляющим переход человека в мир иной, следить за

правильностью их исполнения, чтобы не помешать душе уйти на тот свет, предотвратить дальнейшие смерти в семье. Однако даже такие устойчивые к новациям области традиционной культуры подвержены ряду изменений с течением времени в ответ на его вызовы и требования.

В статье рассматриваются два варианта модернизации традиционной погребальной и поминальной обрядности: *утрата* некоторых элементов в связи со стиранием их мифологического значения и *аккомодация* обряда под влиянием современной эпохи. В качестве примеров для иллюстрации подобных изменений избраны похороны покойников особой категории («нечистых», по терминологии Д.К. Зеленина [1], «заложных» – *утрата*) и распространенный в Полесье, Белоруссии, на Украине и в западной части России обычай застилания могилы скатертью во время весенне-летних поминальных обрядов на кладбище (*приспособление*).

Материалы и методы

Материалом для статьи послужили данные, собранные на Украине, в Полесье, Белоруссии и Смоленской области в XIX и XX вв., сведения из Полесского архива Института славяноведения РАН и полевые материалы недавних (2010, 2012 гг.) белорусских экспедиций автора. В некоторых случаях для сравнения привлекается польский и севернорусский материал. В основу анализа материала были положены методы Московской этнолингвистической школы, постулирующей изучение народной культуры в теснейшей связи с языком, психологией, мифологией, фольклором и обрядностью; широко использующей в работе лингвистические методы и подходы для реконструкции символического языка традиционной духовной культуры.

Обсуждение и результаты

Утрата элементов. Разделение умерших на две аксиологически противоположные группы было признано одной из важнейших особенностей традиционной культуры. Покойники делятся на «чистых» (умерших естественной смертью, с соблюдением всех положенных ритуальных норм) и «нечистых», к которым преимущественно относили самоубийц, некрещеных детей, колдунов, опойц, убитых и пр. В основе данного деления, помимо всего прочего, лежат поверья об их неодинаковой посмертной судьбе: души «чистых» умерших получают упокоевание на том свете, а души грешников не могут туда уйти, застревают на границе двух миров, где вынуждены «доживать» отпущенное им время жизни, искупать грехи, просить о поминовении и крещении. Их души оказываются тесно связанными с метеорологией, они населяют стихии, летают в вихрях, тучах, становятся падающими звездами, блуждающими огнями, могут населять отдельные локусы природного пространства (места своей гибели или захоронения на месте своей смерти), появляться там в виде животных, вредить прохожим, пугать их и сбивать с пути.

В соответствии с представлениями о ритуальной «чистоте» или «нечистоте» умерших и с разными посмертными судьбами их душ, можно условно выделить два типа погребального обряда. Первый, более христианизированный вариант, относится к «чистым» умершим, включает в себя церковное отпевание, захоронение на кладбище, ритуальные формы церковного и домашнего поминовения. Второй обслуживает ситуацию похорон «нечистых» покойников и сохраняет большое количество архаических черт. Например, у восточных славян существовал обычай выносить из дома через окно некрещеных детей и людей, умерших от горячки [2]; у восточных славян и в Польше иногда для переноса «нечистых» покойников на кладбище (висельников или утопленников) использовали другую дорогу, а не ту, которой пользовались обычно [3]. Это объясняли негативным влиянием «нечистых» покойников на фертильность полей и погоду: «<...> Топляныка за сэлom нэсуть – кажуть, для дошчу и для граду, кажуть, цило лито суша будэ, нэ будэ дошчу» [4].

Похороны «заложных» покойников лишены ряда элементов традиционного христианского обряда: в Полесье часто на их могилах запрещали ставить крест; в Ровненской области кресты на могилах некрещеных младенцев не «збивали гвоздиком, а звязывали тряпочкой» [5]; в Гомельской области на их могилах ставили палочку, сделанную

из осины [6]. «Нечистых» покойников не поминали, но запрет снимался только раз в году во время весенне-летнего периода: на их могилы ходили в *Духовскую субботу, на Семик¹, на Троицу, на Навьи проводы*. «Топлеников, давлеников паминаюць на Траецкие деды (самые главные). И им пасвятлее зделает Гасподь» [7]; «Только на Троицу можно поминать ўдавленника, втопленника» [8]; «Ва ўторник послі Пасхі бываюць Навіі провады. Ента усе ходюць на пагост, радитилей паминаюць. На агні пагараўшы, на ваде патапаўшы, етих заусигда паминаюць. Удавленника – тока пад Духау день» [9].

Иногда единственным локусом поминания умерших этой группы становился перекресток: «На Гряной, перад Троицай паминаюць даўленнікаў, каторыя вешаюцца. На перахросных дарогах сыпляць зярон і кажаць: “Нябесныя пціцы, сабірайце, такую-то душу памінайце”. Эта і ўвесь іх памінак, а так па іх не чытаюць нічога». Так же поминали некрещеных младенцев [10].

Ряд особых элементов убранства могил «заложных» служил целям защиты живых от опасного покойника: общеславянской считается практика помещения на их могилы камней, а на западе Полесья — деревянных колод, чтобы помешать умершему выйти наружу [11]; с той же целью на таких могилах высаживали колючие растения [12], в Подлясье на них сыпали соль [13]. В Белорусии иногда в изголовье могилы клали решето в качестве оберега [14]. В Польше (в Лодзинском и Силезском воеводствах) [15], Белоруссии [16] и Полесье над могилами «нечистых» покойников насыпали кучи камней и веток.

Однако главной чертой похорон «нечистого» покойника можно назвать запрет на его захоронение на кладбище вместе с другими членами семьи, для их могил выбирали места, использовавшиеся для захоронений в дохристианскую эпоху. К ним, прежде всего, относятся локусы на территории дома и усадьбы и в природном пространстве.

В пределах жилища и усадьбы часто погребали некрещеных детей: для этого избирались места под иконами (под *святым, красным углом*), под печью, в подызбице, в сенях, под порогом, под фундаментом дома, под окном, во дворе, в саду (особенно под плодовым деревом — яблоней, грушей, вишней, под калиной или акацией), в огороде, в клуне, под сараем, на гумне. «Рябёнка харонюць, сорок дней служат. Гаваряць: “Ангил ужэ на неби, палятел”. Никряшнёных дятэй на пагосьти ни харонюць. У хати ямачьку пад святымі выруюць, там харонюць» [17]; «Найбольше ховалы пэрэд порогом, шоп пэрэкрышчывалы их»; «ў города, шоп ходыли ўсе и ногами хрестылы йих»; «ховалы под дэрэвцем, ў садике, шоп не ходыли там» [18]. В некоторых областях данный обычай сохранялся вплоть до недавнего времени и относился, кроме детей, к другим умершим членам семьи, например, к старикам, особенно если они сами завещали такой способ погребения [19].

Но чаще всего для похорон «нечистых» умерших избирались локусы в природе: леса, поля, дороги, перекрестки, границы (межи, лесные просеки, границы между угодьями соседних сел); никому не принадлежащие участки земли; возвышенности, болота, берега водоемов; их хоронили также под деревьями, в местах произрастания определенных пород деревьев (осин, можжевельника), под выворотнями. В полесском селе Малые Автюки повесившихся хоронили в осиннике [20]; в Заонежье — на возвышенном месте, поросшем можжевельником; там же самоубийц и утопленников погребали на ничейной, вымороченной земле; на «скотских кладбищах»; иногда гроб не закапывали в землю, а выбрасывали в глубокое болото, где обычно топили туши павшей скотины [21].

Среди всех покойников, принадлежащих к категории «заложных», погребение в природном пространстве чаще всего относилось к самоубийцам, и особенно — к висельникам и утопленникам, считавшимся в народной культуре самыми «демоническими» и вредоносными из всех. «Вешальников закапываюць ў лес, далеко — на кладбище не моно было. Як везли одного ў лес, то лес трещал, ломило, не могли увезти» [22]; «Оно висельныка хаваюць на граньци, гдэ сходыца зэмля камэнэцкая и наша [т.е. где сходятся поля села Каменного и села Чудель]» [23]; «Вэшалникоў от гдэ дэрэво витэр вывалит в лисе, тут и хоронат» [24]; «У нас раньше ж було, шо вешальников не ложкили [на кладбище], а де-то серед дороги де разъезжаются, на поли, чы ещэ де» [25].

¹ *Духовская суббота* — суббота перед Троицей, *Семик* — седьмой четверг после Пасхи.

Особенно часто для похорон висельников (и других самоубийц) избирались перекрестки, дороги, а также границы и межи, в чем выражалось крайне негативное восприятие данной группы покойников и локусов их захоронения: «по той границе чорт ходит, бо вешалника закопуют», висельника хоронят «на розходніх дорогах, бо там чорти водзяца [26]; «на хрестовой дорози, шоп вса видэлы и боялысе» [27]; «На дорози — хто повисэвся (висэвник) [...] — за их молитвы нэма, ему чэсть, як змердящему псу» [28].

Среди других покойников, похороненных на перекрестках, оказываются также люди, убитые громом, и некрещенные дети: «Як гром убье, на росходных дорогах хоронили» [29]. Символизм перекрестка как креста оказывается главным в мотивировках похорон некрещенных детей в данном локусе, этим достигается их символическое крещение: «раз нэ хрыштшены, так на хресту нада хараныть» [30].

Соблюдение в отношении «заложных» покойников традиционных обрядовых норм (в первую очередь запрета хоронить их на кладбище) обеспечивало природное равновесие и правильный порядок вещей; в противоположном случае это сулило различные бедствия: засухи, ливни, бури, градобитие, неурожай, смерти в селе и другие несчастья. «Особенно трошки упрякали висельникаў на кладбищах, ўроде як долго дождю няма да засуха» [31]; «топленик да самоўбийца, шо утапиўсь, то не клали на могілках — не буде даждя» [32]; «То ужэ як этые ветры, то через то [похороны висельника на кладбище], кажуть» [33]; «Як кака беда у селе зробицца, то кажущь, то через то, што вишельника на кладбишчи похоронили» [34]; «Если вешальника похоронить на кладбище, будут вешаца крэпко люды. Если топленька похоронить на кладбище, топыца будут люды» [35]; «[Шептунью] не можно занэсти на кладбишче — то дошч буде» [36].

Однако вместе со стиранием мифологической связи между душами умерших (особенно «нечистых» покойников) и атмосферными явлениями постепенно утрачивалась перечисленная выше особая специфика их похорон, призванная поддерживать равновесие в мире, и заменялась христианской формой обрядности. «Заложных» покойников все чаще начинали хоронить на кладбище, хотя еще в последней трети XX в. это расценивалось носителями традиции как нарушение общепринятых норм: «Расказвали, шчо раньшэ их, потопленикоў и висельникоў (ето ужэ сами себе смерть налажывае) не ховали со ўсими на кладбишчэ», «Колись топленика и вишельника не ховали на кладбишчэ. Ў куточку ховали, а тиепер не разбираюца — ўсе ў пиень [без разбору] идуць» [37].

В ряде случаев разрешение похоронить «заложного» покойника на кладбище давалось в соответствии с народными представлениями о степени его греховности. Самыми «чистыми» могли считаться дети: «няхрышчаных дзяцей хавалі на могілках разам з усімі, бо яны, у адрознение ад самазабойцаў, ні ў чым не вінаватыя, ніякога грэха не ўчынілі» [38]; «они безгрешные, их хоронили на кладбище» [39]. То же касалось и людей, убитых громом: «Это ж так, як и утопленик, што вин унечай [нечаянно] — на кладбишчах хоронить» [40]. Снисходительно могли относиться к опойцам, колдунам, утопленникам и убитым: «А утоплэныков и видьмаров ховалы разам з усими. Бо люды не знають, хто видьмар, а хто не» [41]; «Е што утопица с поневоли и кого насильно вешали — те не считаюца. Тех на кладбишчэ кладуць» [42]; «Апился — на пагосьти [хоронили], но ни служатъ» [43].

Как показывает материал Полесского архива, в восточной зоне Полесья отмечается высокая сохранность обычая погребать детей в домах и садах, иногда там же вспоминают о захоронении в домах и старых людей; при движении на запад все более проявляется тенденция замены домашней сферы погребения для некрещенных детей на периферийные места кладбища. В западных областях Полесья (Брестская область) туда уже перенесено основное количество захоронений умерших данной категории.

Более устойчивыми к новациям оказываются обычаи погребать в природном пространстве (чаще всего на перекрестках) висельников и других самоубийц, поскольку еще сохраняются представления об особой вредоносности, демонизированности этой группы умерших, а также осуждение их греховного ухода из жизни. Похороны «нечистых» покойников в природном пространстве дольше всего сохранялись в Черниговской, Гомельской, Житомирской областях Полесья; в Житомирской и Гомельской областях зафиксировано наибольшее количество ответов информантов о том, что совсем недавно места похорон «нечистых» покойников сменились с природных на кладбищенские, что

воспринимается как грубое нарушение установленных норм и грозит селянам различными бедствиями.

Постепенно утрачиваются и другие особенности погребального обряда «заложных»: как и другим умершим, им ставят кресты на могилы, поминают в домах и в церквях; две разновидности похоронного обряда унифицируются. «[В духовскую субботу] ходили [на кладбище] — кто залился, кто задавился. А сейчас ко всем идут. А раньше только кто...» (рус. смол.) [44]; «Раньше на кладбишча удавленника не пушчали [...] А нонечо всех валят. [Можно ли удавленников поминать?] Раньше не поминали, а ноне поминают» [45]. Само архаическое деление покойников на «чистых» и «заложных» все более утрачивается, рамки категорий размываются, а кое-где это уже забыто.

Приспособление элементов обряда. Важной чертой весенней поминальной обрядности на кладбище в западных областях России, в Полесье, на Украине и в Белоруссии является обычай застилать могилу скатертью, на которую складывали принесенную с собой еду, садились вокруг могилы, ели и поминали умершего. «На Проводы просле Паски тыждэнь, у понэдилок берэм яичко сьвашчное, емо и пьем там [на кладбище]. Засьвитымо сьвичку, простэлэм настыльныка на могилу, помолимса Богу»; «Идуть строить могилы, вароное яйцэ занесе. А це ужэ на Проводы несуть гарилку, вино, полну могилу настановлять. Покрывають настольником, рушником, чым хто. И однэ другога кличуть, да пьют, да едят» [46]; «Бэруть сумки, идуть на могилки, бэром бутылку — и кожны на свою [могилу] растилае скатерку и пирuem ужэ» [47].

Для этой цели могли использовать пасхальную или особую, отдельную скатерть, которую обычно хранили во дворе дома: «Мне в наследство скатерть отставалась, дак я всё хожу на кладбище з ею, когда Радушный день бываить. И бяру тую скатерть и стелю на могилочку» [48]; «Эта скатерть гадуе ў дваре — сколько хто умрэ, як хажу — на могилки застилаю» [49].

Застилание могилы скатертью или большим полотенцем во многих случаях считалось обязательным, иногда говорили, что священник, служащий на кладбище поминальный молебен, помянет только тех умерших, чья могила окажется застеленной: «На Наськи великдзень¹ ишли на кладбишча, на кладбишчах поминаюць; бацюшка поминае умерших, коле своих близких, чья могила будзе заслана полотном [там батюшка поминает]» [50].

Однако увеличивающаяся мобильность населения в современных условиях и, как ее следствие, невозможность для родственников в некоторых случаях посетить могилы близких на Радуницу привели к модификации данного обычая: в Могилевской области Белоруссии появилась практика застилать гроб скатертью на похоронах перед опусканием его в могилу: «Ужэ коли ў ямку пакойника апускали, так ну, не каждый жэ живёць ў етай дяревне и их дети вон далёка паехали, [...] ну засцэлиць скацэрць на крышку на гроб, гавариць, ну можэ я не приеду на Радуницу, на кладбишчэ к тебе, дак нехай буде засцэляно. [...] Галава и ноги не накрыты. Есьли на Радуницу мы не приедем сюды, значиць, мы ужэ послали скацэрць. Все так рабили» [51]; «Закрываюць гроб, апускаюць, пакрываюць да груди. Ну чтобы он мог видець. И ставюць ў магилку [гроб]» [52]; «Апустили ў яму и скацэрць бяреца [...] сцэляць па грабу. Пасцялили и апусцили. Есьли никога радных, есьли никто не придець [на Радуницу], вечна будець. Вечна будець заслано» [53].

Другие пути изменений. Приведенные выше примеры отнюдь не исчерпывают всех возможных путей изменения погребальной и поминальной обрядности в настоящее время. Помимо *утраты* элементов обряда и *аккомодации* его к современным условиям широко идет *замена* традиционных ритуальных форм церковными нормами, что более всего видно в материалах, относящихся к западным славянам. Например, у поляков практически все традиционные поминальные обряды вытеснились церковными, костел запретил все обычаи, связанные с едой на кладбище, поэтому такие практики либо остались маргинальными, либо о них помнят лишь самые пожилые информанты [54]. Обычай поминания покойного на могиле сразу после погребения характерен только для восточнославянской территории; в Польше фиксируются лишь единичные случаи такого

¹ Четверг на пасхальной неделе.

ритуального поведения: например, в горной Силезии участники похорон садились на могиле, ели хлеб с сыром, пили пиво и пели религиозные песни [55].

Другим путем развития погребальной и поминальной обрядности является изменение ряда ее форм, связанное с *переосмыслением* обряда носителями традиционной культуры. Так, в Заонежье во время погребения было принято бросать в могилу полотенца и холсты, на которых спускали гроб в могильную яму, воспринимаемые в культуре как символ дороги, пути в потусторонний мир. Однако данный обычай иногда понимался информантами как нововведение, традиционно же полотенца следовало дарить тем, кто опускал гроб, чтобы они молились о благополучной переправе умершего на тот свет. Запрет на бросание данных предметов вслед за покойником мотивировался тем, что полотенце символически спутает ноги душе, помешает добраться на тот свет: «Полотенце туда не бросят, чтобы покойнику ноги не спутать»; «Полотенце – это дорога. По широкой дороге покойнику легче туда перейти. А в могилу полотенце не бросали» [56].

В некоторых случаях развитие погребального обряда осуществлялось через *заимствование* некоторых обычаев: «Ето сейчас, хто лапку, хто цветы [бросают по дороге на кладбище на похоронах], а раньше, какую тебе лапку? Ето сейчас ужэ такое паверье пашло» [57]. На польско-белорусском пограничье зафиксирована практика оставлять на могилах яблоки, конфеты, пасхальные яйца, ветки вербы, что, по мнению исследователей, может быть вторичным заимствованием католиками у православных обычая оставлять еду для умерших [58].

Выводы

Проанализированный в статье материал нововведений в комплексе погребально-поминальной обрядности показывает, что даже такая архаическая и устойчивая к новациям область традиционной культуры неизбежно претерпевает изменения с течением времени. Постепенно отмирают представления о делении умерших на «чистых» и «нечистых», утрачиваются старые формы похорон и поминок «заложных» покойников: их хоронят обычным способом на кладбищах и поминают вместе со всеми, их могилы ничем не отличаются от остальных.

С другой стороны, стремление сохранить ряд обычаев (например, поминальных) ведет к их приспособлению к меняющимся условиям современной жизни. Появляется практика заранее исполнять некоторые из них: например, через покрывание скатертью гроба на похоронах формально исполнялась часть обрядности весенних поминок на кладбище. Другие возможные варианты изменений погребальной и поминальной обрядности, рассмотренные в статье, связаны с переосмыслением обычаев, заимствованием их из других районов или у этнических соседей. Все это также свидетельствует о приспособляемости погребального обряда к современности и о потенциальной изменчивости ряда форм традиционной культуры.

Однако среди всех отмеченных нами новаций прослеживается общая тенденция: быстрее всего изменению, забвению или переосмыслению подвергаются те части обряда, которые теснее всего связаны с древними, во многом уже утраченными мифологическими представлениями. Например, почти стерто представление о том, что души «заложных» покойников влияют на погоду и урожай, которое когда-то играло основополагающую роль в связанной с ними обрядности и объясняло запрет хоронить их на кладбище; а исчезновение запрета бросать полотенца в могилу на похоронах связано с постепенным забвением мифологических представлений о посмертном пути души на тот свет.

Примечания:

1. Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 230–298.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С. 141.
3. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 355.

4. Село Чудель Сарненского района Ровненской области // Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.
5. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
6. Полесский архив...
7. Село Грабовка Гомельского района Гомельской области // Полесский архив...
8. Село Челхов Климовского района Брянской области // Полесский архив...
9. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
10. Лопатин Г.И. «Похараны есць похараны...» (похоронно-поминальный обряд в Ветковском районе Гомельской области) // Живая старина. 2012. № 3. С. 41.
11. Плотникова А.А. Могила // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). С. 271.
12. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 347.
13. Matus I. Zwyczaje pogrzebowe na północnym Podlasiu // Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. S. 165.
14. Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. С. 269.
15. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 355.
16. Пахаванні, памінкі, галашэнні... С. 104.
17. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
18. Село Олбин Козелецкого района Черниговской области // Полесский архив...
19. Кабакова Г.И. Дети, умершие до крещения // Проблеми сучасної ареалогії / відп. ред. П.Ю. Гриценко. Київ: Наукова думка, 1994. С. 313.
20. Село Малые Автюки Калинковичского района Гомельской области // Полесский архив...
21. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. С. 166.
22. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
23. Село Чудель Сарненского района Ровненской области // Полесский архив...
24. Деревня Радеж Малоритского района Брестской области // Полесский архив...
25. Село Вышевичи Радомышльского района Черниговской области // Полесский архив...
26. Конобродська В. Поліський поховальний і поминальні обряди // Етнолінгвістичні студії. Т. 1. Житомир: Полісся, 2007. С. 210.
27. Деревня Радеж Малоритского района Брестской области // Полесский архив...
28. Село Мощенка Городнянского района Черниговской области // Полесский архив...
29. Село Курчица Новоград-Волынского района Житомирской области // Полесский архив...
30. Село Ковчин Куликовского района Черниговской области // Полесский архив...
31. Село Стодоличи Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
32. Село Мощенка Городнянского района Черниговской области // Полесский архив...
33. Село Тхорин Овручского района Житомирской области // Полесский архив...
34. Село Боровое Рокитновского района Ровненской области // Полесский архив...
35. Село Курчица Новоград-Волынского района Житомирской области // Полесский архив...
36. Село Червоная Волока Лугинского района Житомирской области // Полесский архив...
37. Деревня Замощье Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
38. Гавораць чарнобыльцы (з мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі). Мінск: ЦНБ АН РБ, 1994. С. 210.
39. Деревня Тихманьга Каргопольского района Архангельской области // Архив лаборатории фольклористики РГГУ, Москва.
40. Деревня Онисковичи Кобринского района Брестской области // Полесский архив...
41. Деревня Спорово Березовского района Брестской области // Полесский архив...
42. Деревня Замощье Лельчицкого района Гомельской области // Полесский архив...
43. Село Доброводье Севского района Брянской области // Полесский архив...
44. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. С. 119.
45. Деревня Тихманьга Каргопольского района Архангельской области // Архив лаборатории фольклористики РГГУ, Москва.
46. Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005, с. 198–199.
47. Деревня Барбаров Мозырского района Гомельской области // Полесский архив...
48. Смоленский музыкально-этнографический сборник... С. 115.
49. Село Челхов Климовского района Брянской области // Полесский архив...
50. Толстая С.М. Полесский народный календарь... С. 153.

51. Деревня Прусино Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
52. Деревня Теханичи Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
53. Поселок Журбин Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
54. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. S. 86, 112.
55. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 379–380.
56. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья... С. 163–164.
57. Деревня Самотевицы Костюковичского района Могилевской области // Полевые материалы М.А. Андруниной.
58. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi... S. 88.

References:

1. Zelenin D.K. K voprosu o rusalkakh (Kult pokoynikov, umershikh neestestvennoy smertyu, u russkikh i u finnov) // Izbrannyye trudy. Statyi po dukhovnoy kulture. 1901–1913. M.: Indrik, 1994. S. 230–298.
2. Bayburin A. K. Zhilische v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan. L.: Nauka, 1983. S. 141.
3. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 355.
4. Selo Chudel Sarnenskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv sektora etnolingvistiki i folklora Instituta slavyanovedeniya RAN. Moskva.
5. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
6. Polesskiy arkhiv...
7. Selo Grabovka Gomelskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
8. Selo Chelkhov Klimovskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
9. Selo Dobrovodye Sevskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
10. Lopatin G.I. "Pokharany ests pokharany..." (pokhoronno-pominalnyy obryad v Vetkovskom rayone Gomelskoj oblasti) // Zhivaya starina. 2012. № 3. S. 41.
11. Plotnikova A.A. Mogila // Slavyanskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar: v 5 t. / pod obschey red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. T. 3. K (Krug) – P (Perepelka). S. 271.
12. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 347.
13. Matus I. Zwyczaje pogrzebowe na północnym Podlasiu // Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, L. Frolak. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011. S. 165.
14. Pakhavanni, paminki, galashenni / gal. red. A.S. Fyadosik. Minsk: Navuka i tekhnika, 1986. S. 269.
15. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 355.
16. Pakhavanni, paminki, galashenni... S. 104.
17. Selo Dobrovodye Sevskogo rayona Bryanskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
18. Selo Olbin Kozeletskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
19. Kabakova G.I. Deti, umershie do kreshcheniya // Problemi suchasnoï arealogii / vidp. red. P.Yu. Gritsenko. Kiiiv: Naukova dumka, 1994. S. 313.
20. Selo Malye Avtyuki Kalinkovichskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
21. Loginov K.K. Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezhya. Petrozavodsk: KNTs RAN, 1993. S. 166.
22. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
23. Selo Chudel Sarnenskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
24. Derevnya Radezh Maloritskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
25. Selo Vyshevichi Radomyshl'skogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
26. Konobrodska V. Poliskiy pokhovalniy i pominalni obryadi // Etnolingvistichni studii. T. 1. Zhitomir: Policcyia, 2007. S. 210.
27. Derevnya Radezh Maloritskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
28. Selo Moshchenka Gorodnyanskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
29. Selo Kurchitsa Novograd-Volynskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
30. Selo Kovchin Kulikovskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
31. Selo Stodolichi Lelchitskogo rayona Gomelskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...
32. Selo Moshchenka Gorodnyanskogo rayona Chernigovskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
33. Selo Tkhorin Ovručskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
34. Selo Borovoe Rokitnovskogo rayona Rovnenskoj oblasti // Polesskiy arkhiv...

35. Selo Kurchitsa Novograd-Volynskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
36. Selo Chervonaya Voloka Luginskogo rayona Zhitomirskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
37. Derevnya Zamoshye Lelchitskogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
38. Gavorats charnobylytsy (z myastsovykh gavorak charnobylyskay zony ŷ Belarusi). Minsk: TsNB AN RB, 1994. S. 210.
39. Derevnya Tikhmanga Kargopolskogo rayona Arkhangelskoy oblasti // Arkhiv laboratorii folkloristiki RGGU, Moskva.
40. Derevnya Oniskovichi Kobrinskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
41. Derevnya Sporovo Berezovskogo rayona Brestskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
42. Derevnya Zamoshye Sevsikogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
43. Selo Dobrovodye Sevsikogo rayona Bryanskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
44. Smolenskiy muzykalno-etnograficheskiy sbornik. T. 2. Pokhoronnyy obryad. Plachi i pominalnye stikhi / otv. red. O.A. Pashina, M.A. Engovatova. M.: Indrik, 2003. S. 119.
45. Derevnya Tikhmanga Kargopolskogo rayona Arkhangelskoy oblasti // Arkhiv laboratorii folkloristiki RGGU, Moskva.
46. Tolstaya S.M. Polesskiy narodnyy kalendar. M.: Indrik, 2005, s. 198–199.
47. Derevnya Barbarov Mozyrskogo rayona Gomelskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
48. Smolenskiy muzykalno-etnograficheskiy sbornik... S. 115.
49. Selo Chelkhov Klimovskogo rayona Bryanskoy oblasti // Polesskiy arkhiv...
50. Tolstaya S.M. Polesskiy narodnyy kalendar... S. 153.
51. Derevnya Prusino Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
52. Derevnya Tekhanichi Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
53. Poselok Zhurbin Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
54. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. S. 86, 112.
55. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego... S. 379–380.
56. Loginov K.K. Semeynye obryady i verovaniya russkikh Zaonezhya... S. 163–164.
57. Derevnya Samotevichi Kostyukovichskogo rayona Mogilevskoy oblasti // Polevye materialy M.A. Andryuninoy.
58. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi... S. 88.

УДК 393.05(47)

Трансформация традиционных форм обрядности, связанной со смертью: утрата элементов и их приспособление

Мария Александровна Андрюнина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
119991, Москва, улица Ленинские горы, 1
E-mail: mary-andr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изменениям в традиционной славянской погребальной и поминальной обрядности, консервативной и сохраняющей большое количество архаизмов части традиционной культуры. В статье рассмотрены два варианта модификаций похоронно-поминального комплекса: утрата элементов и их приспособление к современным условиям. Для иллюстрации утраты обрядовых элементов послужили похороны особой группы умерших («нечистых», «заложенных» покойников), к которым чаще всего относили самоубийц, убитых, некрещеных детей и пр. Погребальная и поминальная обрядность, осуществляемая по отношению к этим умершим, сохраняет множество архаических черт. Для их могил традиционно избирались места за пределами кладбищ, в лесах, полях, возле дорог и перекрестков, иногда даже болота. Некоторых (преимущественно некрещеных детей) хоронили в усадьбе или в доме, эта практика дольше всего сохранялась в восточном Полесье. В последнее время многочисленные особенности

обряда погребения и поминовения «зложных» покойников все более утрачиваются вместе с их мифологическими мотивировками.

Другим вариантом изменений в похороно-поминальном комплексе является аккомодация обрядности к новым условиям. В Могилевской области Белоруссии был записан обычай покрывать скатертью гроб перед опусканием в могилу. Такая практика возникла в связи с увеличившейся мобильностью населения в данном регионе и невозможностью для многих посетить могилы предков на Радунцу, покрыть ее скатертью и помянуть покойных. Таким образом, через застиланье гроба скатертью на похоронах заранее осуществляется часть поминальной обрядности и сохраняется широко распространенный обычай покрывать могилы во время весенних поминок на кладбище. Среди других вариантов изменений похоронно-поминальной обрядности можно назвать переосмысление элементов обряда, заимствования обычаев из других регионов или от соседних этносов и пр. Таким образом, даже наиболее древние и консервативные части традиционной культуры подвергаются изменению с течением времени, а прежде всего исчезают и размываются те ее части, которые более всего связаны с восприятием мифологической картины мира.

Ключевые слова: традиционная культура, погребальный обряд, поминки, трансформация, могила, обычай.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 242–250, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.242
www.ejournal15.com

UDC 393(470.620)

Role of the Orthodox Church Services in the Forming of Folk Attitudes Towards the Dead

Irina A. Kuznetsova

Research Centre for Traditional Culture Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Kray Kuban Cossack Choir, Russian Federation
16, Klubnaya Street, Krasnodar, 350051
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Abstract

The paper characterizes the influence of the divine services to the Kuban Cossack's notions of death and to the contents of the funeral and memorial rites. The author consequently examines several aspects of this influence. The divine services are analyzed as a source of the texts, terms, and modus operandi, as means of forming the attitude to dead, the communication with the deceased, and attitude to the personal death. The author also briefly touches upon the cases of folk customs influencing divine services.

Keywords: church, commemoration, death, deceased, divine worship, Kuban Cossacks, order of service.

Введение

Степень влияния богослужебной практики на формирование обычаев похоронно-поминального комплекса остается одним из малоизученных аспектов традиционной культуры русских. Причина не только в идеологических установках советской эпохи. Погребально-поминальный комплекс считается наиболее устойчивым, поэтому в ряде исследований акцент делался на поиск архаики. Так, при анализе содержательного плана погребального обряда О.А. Седакова оставляла в стороне позднейший пласт народно-христианских представлений об адских муках, рае, Страшном суде, воскресении, считая, что обряд в своем составе не связан с ними [1]. Ранее В.И. Ерёмкина, рассматривая семейный ритуал «в пору его продуктивного функционирования», пришла к выводу о том, что «христианизация именно в этой области не принесла сколько-нибудь существенных результатов. В центре погребального ритуала оказался страх... перед мертвым, он-то и поддерживал строгость соблюдения и поразительную устойчивость данного ритуала в течение многих веков» [2]. Подобные выводы делались и на основе анализа кубанского материала. Н.И. Кирей и Е.В. Моряхина, исследуя похоронную обрядность славянского населения Кубани, отмечали, что «в составе религиозно-магической субструктуры [похоронной обрядности. – И.К.] основное место занимали элементы дохристианских, языческих верований, тогда как основа, опирающаяся на христианские (православные) культуры, была сравнительно мала, и значение ее в ритуалах относительно невелико» [3].

Однако, как показала позже И.А. Кремлёва, в основе похоронно-поминального комплекса обряда русских лежит христианский (православный) похоронный ритуал [4]. Исследователь ввела огромный пласт материала, доказывающего, что хоронили не в соответствии «со страхом перед усопшим и перед смертью», а исходя из «проводов тела и души в мир иной», исходя из понимания суда, из четкого представления о том, что грех сделал тело смертным.

В данной публикации будет предпринята попытка, обратившись к материалу представлений о смерти и погребально-поминальных обрядов восточнославянского населения Кубани, выявить и охарактеризовать те компоненты повседневности и представлений жителей кубанских станиц, бытование которых можно считать обусловленным влиянием богослужебной практики.

Материалы

В настоящей статье эмпирическим материалом служит многолетняя работа Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубани, проводимая в рамках Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. Запись сведений о похоронно-поминальном комплексе происходила в ходе полуструктурированных интервью с жителями кубанских станиц старшей возрастной категории. Говоря о богослужебных практиках, мы опираемся на фундаментальный труд святителя Афанасия Сахарова «О поминовении усопших по уставу православной церкви» [5].

Обсуждение и результаты

Для христианина временная жизнь – это период духовных подвигов и подготовка к жизни вечной. После смерти душу ждет временный суд и воздаяние, а после второго пришествия Христа тело будет восстановлено и соединится с душой для вечного блаженства, если человек прошел жизненный путь в согласии с заповедями, либо вечных мук. Христиане верят, что до второго пришествия Христа и воскресения мертвых молитвами и добрыми делами в память об усопшем можно изменить определение временного суда.

Церковь вводит поминовение усопших в общественное, частное поминовение и домашнюю молитву. Отношение к умершим сродникам так же, как и отношение к вероисповеданию, формируется в семье. В церкви верующий получает основную информацию о поминовении усопших, сведения о жизни души после смерти, здесь же находятся основные возможности и пути помощи усопшему. Верующие уповают на освобождение усопшего от грехов в результате церковной молитвы и церковных таинств. Формирование мифологии загробной участи во многом обусловлено церковной составляющей, поэтому народная культура поминовения лежит в русле церковной догматики, хотя и имеет народную мифологическую форму выражения, которая в чем-то может не согласоваться с церковным пониманием. Но эти отклонения не догматические, вероучительные, а бытовые, обрядовые.

В этнографической литературе заупокойные богослужения уже становились предметом научного внимания. В частности, рассматривая возрастной символизм смерти и посмертных переходов, Т.А. Бернштам подробно описывала требы, связанные с переходом в иной мир, начиная с таинства елеосвящения – соборования. Далее исследователь описывала чин отпевания, в том числе младенческий чин, чин погребения, а также поминовения общественные и частные. Сравнивая полевой материал с богослужебной практикой, исследователь пришла к выводу, что «народная погребально-поминальная обрядность вполне органично взаимодействовала с церковным учением и требами, являясь как бы дополнением последних» [6]. О совершении заупокойных литургий и панихид в дни поминовения усопших как о широко распространенном явлении писала И.А. Кремлёва [7]. Как показывают современные исследования, взаимовлияние практического богослужения и традиционной культуры не ограничивалось участием носителей традиционной культуры в церковных службах. Рассматривая полесские обычаи «печатать покойника»¹ и «поднимать

¹ Переосмысленный народным сознанием фрагмент церковного чина погребения, во время которого священник крестообразно лопатой посыпает землю на опущенный в могилу гроб, помяная имя покойного со словами молитвы «Господня земля...».

воздух»¹ в погребальной обрядности Е.Е. Левкиевская делает вывод, что в основе обоих обрядов лежит семантическое и структурное переосмысление формы православного церковного богослужения (в одном случае – погребального чина, в другом – литургии), преобразование которых в элементы народной погребальной и поминальной практики было абсолютно невозможно без участия (активного или пассивного) в этом процессе самого духовенства. Исследователь отмечает, что процесс «обработки» православных канонических форм по народным моделям «народного православия» продолжался и в XX в., когда целенаправленного влияния церкви уже не было [8].

Богослужения, связанные со смертью христианина, не ограничиваются нарочито заупокойными последованиями. Помимо богослужений, специально посвященных усопшим (панихиды и заупокойной литии), молитва об умерших возносится во время суточного богослужения. Самым важным и самым действенным поминовением является поминовение живых и усопших на проскомидии (предварительной части божественной литургии) при изъятии частиц из просфор. Позже на литургии эти частицы соединяются в чаше с Божественной кровью. В заключении произносится: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих» как свидетельство совершающегося факта омовения грехов.

Молитвы об усопших, о прощении их грехов и об их блаженстве в загробном мире находятся в различных церковных чинопоследованиях. Суббота в христианской традиции считается поминальным днем. В Октоихе каждый глас имеет в субботу на утрени особый канон об усопших. На вечерне же субботы имеются особые стихирьы на стиховне², посвященные усопшим. Точно так же они имеются в каждом гласе и на утрени субботы в стихирах на стиховне.

В череде суббот есть особо выделяемые вселенские родительские субботы: перед неделей мясопустной, в народе именуемой масляной, и Пятидесятницей. В эти дни в первую очередь поминаются все прежде почившие христиане. К родительским также относятся три субботы Великого поста – вторая, третья и четвертая. Вызвано это особым постовым богослужением. Усиленные заупокойные моления в это время установлены «как бы в возмещение не могущего быть в будничные дни поста литургического поминовения». Как особая поминальная выделяется так же Дмитриевская суббота. Ее появление предание связывает с князем Дмитрием Донским как день поминовения воинов, погибших на Куликовском поле. Молитвенная память о погибших в боях была частью казачьей воинской культуры. Панихида по убиенным воинам, так же как и литургия, была неотъемлемой честью войсковых торжеств [9].

Таким образом, посещение различных богослужений в течение года подталкивало верующего к постоянному памятованию о смерти. В конце XIX – начале XX вв. на территории Краснодарского края во всех станицах были построены храмы и велось богослужение. Однако к середине XX в. большинство храмов было закрыто, а приходы упразднены. В целом посещение суточных богослужений было затруднено, как правило, в районе оставался один храм. Традиция совершения отпевания усопших сохранялась, но носила заочный характер, т.е. совершалась не у тела покойного, а зачастую значительно позже погребения тела. Несмотря на то что православная церковь сузила сферу влияния, многие обрядовые действия и тексты носили явно христианский характер. Этому, на наш взгляд, способствовало активное участие носителей традиционной культуры в богослужениях в досоветский период.

Богослужение как источник текстов, терминов и образа действий.

Рассуждая о литургическом богословии смерти, О.А. Седакова отмечала свойство

¹ Отголосок действий священника с воздухом во время совершения евхаристии. Воздух – небольшой покров, которым покрывается чаша со святыми дарами. При чтении «Символа веры» священник поднимает воздух над чашей и колеблет его.

² Стихира или стихера – в православном богослужении гимнографический текст строфической формы, обычно приуроченный к стихам псалма. В стихирах проводится тема дня или воспоминаемого события. Стихиры на стиховне, иначе «стиховны» (греч. *στίχηρα εἰς τὸν στίχον*), т.е. на стихи разных псалмов, определяемых конкретным праздником; поются в конце вечерни, в середине бденной литии и в конце вседневной утрени.

практического богословия в православной традиции – «его богословский фундамент составляют преимущественно литургические тексты». Их, в отличие от доктринальных сочинений святых отцов, обыкновенно помнят наизусть [10]. Посещение воскресных и праздничных богослужений станичниками до революционных событий было обязательной практикой [11]. Каждый день кроме воскресения на полунощнице читаются тропари и стихиры об усопших. Во время литии на вечерне просят: «Ещё молимся... о успении, ослабе, блаженной памяти и оставлении грехов всех прежде отшедших отец и братии наших, zde лежащих и повсюду, православных». Октоих, Минея и Триодь – богослужебные книги, в которых содержатся тексты песнопений, совершающихся во время богослужений. Сквозной темой песнопений является утверждение о том, что после Спасительного подвига Христа рай снова стал доступен людям.

В наши дни мы не можем судить, насколько хорошо были знакомы станичники с богослужебными текстами. Тем не менее при описании современных обрядов погребения в речи собеседников встречаем богослужебную лексику. Например, бодрствование ночью рядом с телом усопшего могли назвать *всеношной*: «Ну всеношная – пять человек, шесть человек до самого рассвета [сидят около усопшего. – И.К.]» [12]. В домашних молитвах в словах поминовения сродников прослеживаются мотивы заупокойных молитв. «“Царство небесное всем моим сродникам по плоти и по крови, и прости им, Господи, все согрешения вольные и невольные и даруй им Царствие, причастие вечных Твоих благих и бесконечной жизни наслаждение”, – это я всегда за каждым разом поминаю» [13].

Помимо лексических заимствований в домашней обрядовой практике встречаем действия, напоминающие богослужебные. В ряде кубанских станиц бытует поминальный обычай, приуроченный к сороковому дню. В состав обрядовых действий входит приготовление чаши, подобной евхаристической. Приведем описание, зафиксированное в станице Ильинской. «Когда вот усопшего поминают сорок дней, на стол у нас, то же ж самое не везде, вот в Покровке я была, на поминках, у них эту чашу не ставят, а у нас это заведено спокон веков, сколько я помню, и мама наша. [...] Раньше приходили все вечером и молились, все от работы свободные, и на стол ставили так же хлеб-соль, и еще готовили чашу. Обыкновенный наш русский компот, и туда добавляли лишь только сто грамм вина кагора, наливали сверху. И вот он стоял, пока отмолились, канон отчитали, кутья стоит, кто что-то приносит, на столе стоит. И когда канон отчитают, заканчивается канон, и родственники, помолясь, прилаживаются к Псалтыри, наливают эту чашу, чашу спасения души, и кутью, вышили этого компотика и кутью ложечку скушали – вот так у нас положено. На сорок дней только кутья. Вот это и есть проводы души. Вот это как чаша спасения, и когда мы канон читаем, ну вот не знаю, у меня всегда становятся на колени, молятся о душе усопшей, и потом она радостная идет к своему ангелу и говорит радостная, что меня оправдали, помолились за меня. И вот потом они распивают эту чашу, они прощаются с душой, я открываю Псалтырь, где Царь Давид, который писал Псалтырь, они целуют образ, и прощаются с душой. Так заканчивается наша молитва на сороковой день» [14]. В станице Успенской также на сороковой день готовится чаша с компотом и вином, но дополнительно печется лесенка. Лесенка и компот могут приноситься в церковь на панихиду об усопшем. После панихиды лесенка ломается и частично раздается вместе с компотом пришедшим в храм. Оставшееся приносится в дом, в котором устраиваются поминки. После чтения Псалтыри присутствующие также употребляют компот и оставшиеся кусочки испеченной лесенки, желая Царства Небесного покойному. После в 12 часов ночи садятся за поминальный стол. Здесь так, же как в первом примере, компот с вином называют «чашей» [15].

Повсеместно на Кубани, описывая движение и очередность похоронной процессии, респонденты вспоминают похороны «с выносом» или «со святостью». Во время существования приходов и до их запрещения впереди похоронной процессии несли запрестольный крест, хоругви, фонарь, взятые в церкви. То, что телу умершего христианина оказывался почет, как святыне, – молящиеся держат в руках свечи, как при больших торжествах, совершается обильное воскурение фимиама – говорит об особом отношении к останкам. Святитель Афанасий Сахаров напоминает, что они действительно святыня, ибо неоднократно освящались таинствами церковными [16]. Однако несение хоругвей не является обязательным и не оговаривается в описаниях совершения православного обряда

погребения. Подобную процессию мы можем наблюдать в праздник Успения Богородицы. Во время совершения чина погребения Богородицы священнослужители в сопровождении прихожан износят из храма плащаницу с изображением Пресвятой Девы, впереди несут фонарь, хоругви и запрестольный крест.

Богослужение как явление, формирующее отношение к умершим и опыт общения с умершими. Церковь в православии понимается как сообщество живых и уже перешедших в иной мир христиан. Святитель Афанасий Сахаров напоминает о том, что «не только душам мученическим от Бога дается zde бываемая разумно зрети и веселится и ликовать, вместе с живыми, собравшимися в храме, не только святые невидимо приходят в среду молящихся, запечатая пение и предначиная торжество и в лике церковном поют песни с поющими, но и вообще все усопшие <выделено И.К.>, по верованию Церкви, во время молитвы соприисутствуют молящимся, невидимо лишь для телесных очей». Поэтому в богослужении не только нередки обращения к небожителям с приглашением прийти в среду молящихся, но и частое, почти ежедневное обращение к усопшим, как к непосредственно присутствующем в храме: «Вечная память достоблаженным отцы и братья наши, приснопоминаемые» [17]. Таким образом, богослужение не только напоминает о жизни душ усопших после смертного перехода, но формирует и поддерживает ощущение близости духовного мира. В связи с этим вполне естественно в рамках православной культуры выглядят осознание присутствия душ усопших сродников в дни Пасхи, характерное для традиционной народной культуры.

Среди людей воцерковленных сохраняется понимание особой значимости для умерших поминовения во время литургии. «... Вот когда на престол подаешь о здравии, об упокоении, это вони прямо все радуются, которых ты пописала, все» [18].

Описывая обычаи и нравы жителей станицы Троицкой в конце XIX в., А.В. Липинский сообщал: «Поминовение преставившихся почитается одною из главных христианских обязанностей, оно совершается в первый день погребения, третий, девятый и сороковой дни по смерти ближнего, через полгода и год. Даже человек бедный, состояние которого не позволяет совершать поминки в тех размерах, как оне обыкновенно устраиваются, не преминет отслужить панихиду в церкви и помолиться о спасении души умершего. Кроме того, население поминает преставившихся еще в другие определенные, установленные церковью дни, или так называемые родительские субботы» [19].

В наши дни память о поминальных субботах сохраняется прежде всего в тех станицах, в которых в советский период сохранялось либо в последние годы было восстановлено богослужение. Именно в этих станицах в ходе интервью в качестве поминальных не забудут упомянуть родительские поминальные субботы Великого поста и Дмитриевскую субботу.

В современной народной традиции самым почитаемым родительским днем является Радоница (вторник второй недели после Пасхи по церковному уставу). В Краснодарском крае по давней традиции этот день приходится на понедельник следующей после пасхальной недели. В наши дни в этот день вспоминают об усопших сродниках и неверующие.

Особо выделяет народная традиция поминовение в *Троецкую субботу* – субботу Пятидесятницы. Это один из двух вселенских поминальных дней. В эти дни церковь молится прежде всего о тех, о ком не кому молиться, а личные поминовения уходят как бы на второй план. На вечерне Духова дня в коленопреклоненных молитвах молятся и о пребывающих в аду. В народе считается, что в этот день поминаются те усопшие, о которых нельзя молиться в церкви: *удушельники* и утопленники.

В станице Владимирской Лабинского района в качестве поминального дня выделяют 11 сентября – день Усекновения главы Иоанна Предтечи. В этот день в качестве поминального блюда пекутся и раздаются пышки. Верующие станичники устраивают поминание в храме [20]. Необходимо отметить, что этот день относится к тем немногим дням, когда по уставу церкви заупокойные моления устраняются из всех служб. Поминовение православных воинов в этот день было введено в 1796 г. по распоряжению императрицы Екатерины II в память о русско-турецких войнах.

Богослужение, формирующее отношение к личной смерти. Обращаясь к суточному богослужению, отметим, что конце вечерни пение «Ныне отпускаеши» напоминает молящимся о последних днях нашей жизни. Подобно старцу Симеону,

верующие надеются отойти ко Господу с миром, уповая на милосердие Божие, явленное через Избавителя и Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

В традиционной культуре неотъемлемым сценарием «нормальной» смерти является подготовка к ней. Под этим понималось не только накопление предметов, необходимых для проведения похорон, но и готовность, зрелость души для перехода в иной мир. По мнению станичников, необходимо *крепко* молиться, соблюдать посты и уклоняться от греха. Участие в таинствах церкви – одно из важнейших условий, подготавливающих переход в другой мир. «Ну как готовится: вот это кается, на исповедь ходит у священника, ходит причащается, молится постоянно, просишь: “Прости мене Господи, прости мене грешную – имя всегда надо [называть. – И.А.], – прости чад моих”. Все просишь. Если человек верующий и постоянно ходит на исповедование, причащается и тогда легшее ему и умирать, потому что Господь очищает его все грехи исповедованием. Надо чистую исповедь» [21]. Исповедь и покаяние, по мнению станичников, не только облегчали непосредственный уход из жизни, но и помогали душе в ее посмертных странствиях проходить мытарства [22].

Незнание сроков наступления смерти подталкивает к постоянной молитве. «Человек должный лягать спать и каждый день думать, шо это не знаешь, колы, може ты завтра не встанешь. Ты должный каждую быть минуту, каждую минуту под молитвою, все время. Человек не зна, колы ему конец» [23]. Терпеливое перенесение болезни и страдания также воспринимается как подготовка к будущей жизни. В представлениях верующего болезнь перед смертью – это повод принести покаяние и искупить грехи. «А хорошая смерть – как тебе сказать. Говорят так: если умер, как вот и не болел. Нет. Это, говорят, нужно помучиться, пострадать... а когда человек болеет, он когда лежить, он раскаивается: “Госпади, прости”. Или там ещё что-нибудь прощения просит» [24]. «Вот человек внезапно умирает – это плохо. А вот если поболит, поскорбит, это хорошо. Именно надо поскорбеть, потому что мы великие грешники» [25].

Влияние народных обычаев на богослужение. Необходимо отметить, что не только богослужебные нормы влияли на народную традицию. Наблюдается и обратный процесс, когда в богослужебную практику вносятся элементы по инициативе прихожан. В станице Успенской Белоглинского района перед Великим постом в воскресенье приносят сахар в баночках, сверху на крышечку прикрепляют большую свечу. Баночки устанавливаются на столе в пространстве храма. В первую неделю служат литии по покойному и зажигают свечи. Потом служат в течение поста литии по субботам – тоже зажигаются свечи. Перед страстной неделей сахар сыпается и оставляется на храм [26]. Другой пример: уступая настойчивому желанию поминать усопших сродников, во многих приходских храмах служат панихиды и литии в воскресные и праздничные дни – тогда, когда по уставу церкви могут совершаться лишь негласные поминовения.

Выводы

Исследуя трансформационные процессы похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв., А.Д. Соколова делает вывод, что основные изменения в содержательной и формальной части похоронного обряда происходят в конце XX в. Исследователь связывает их с конкретными экономическими факторами, изменениями социальной организации общества, снятием религиозных запретов и идеологической неопределенностью пост-тоталитарного периода [27]. Действительно, изменения, произошедшие в этот период, наиболее наглядны. Однако прежде чем они приобрели явные формы, изменилось сознание станичников. Трансформации похоронно-поминальной обрядности способствует и естественный уход из жизни представителей традиционной культуры, чье мировоззрение сформировалось под непосредственным влиянием православной церкви.

Примечания:

1. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индик, 2004. 320 с.
2. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. С. 14, 40.
3. Кирей Н.И., Моряхина Е.В. Структура традиционной похоронной обрядности славянского населения Кубани в конце XIX – в 30-е гг. XX в. (реконструкция по материалам этнографических

экспедиций) // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: сб. науч. тр. / под ред. В.Б. Виноградова и др. Краснодар: КГУ, 1988. С. 133.

4. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1999. С. 517.

5. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви. СПб.: Сатис, 2008. 329 с.

6. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 178.

7. Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований / под ред. Т.А. Листовой и др. М.: Наука, 2001. С. 84–85.

8. Левкиевская Е.Е. Обычай «печатать покойника» и «поднимать воздух» в погребальной обрядности Полесья // Живая старина. 2011. № 4. С. 37–40.

9. Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2011. С. 376.

10. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян... С. 283.

11. Кузнецова И.А. Православный храм в жизни станичников // Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар: Православный Екатеринбург; Традиция, 2009. С. 285–286.

12. Респондент: Назаренко А.С., 1914 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Линейная Апшеронского района Краснодарского края. Запись 2003 г. // Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Аудиокассета (далее – а/к) 2905.

13. Респондент: Шумакова В.А., 1937 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Успенская Белоглинского района Краснодарского края. Запись 2012 г. // ПМ КФЭЭ.

14. Респондент: Прокопенко Е.П., 1941 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Ильинская Новопокровского района Краснодарского края. Запись 2005 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3269.

15. Респондент: Сидорова Л.В., 1938 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Успенская Белоглинского района Краснодарского края. Запись 2012 г. // ПМ КФЭЭ. Полевой дневник И.А. Кузнецовой.

16. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви... С. 214.

17. Афанасий (Сахаров; свт.). О поминовении усопших по уставу православной церкви... С. 157.

18. Респондент: Хилько А.П., 1927 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Дядьковская Кореновского района Краснодарского края. Запись 2007 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3718.

19. Липинский А.В. Троицкая станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринбург: Кубанский областной статистический комитет, 1883. Т. 1. С. 699–700.

20. Респондент: С.Н., 1951 г.р. Интервьюер: С.Н. Рыбко. Место проведения: станица Владимирская Лабинского района Краснодарского края. Запись 2009 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 4115.

21. Респондент: Конокова Р.А., 1930 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Раздольная Кореновского района Краснодарского края. Запись 2007 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3759.

22. Респондент: Шумакова В.А.

23. Респондент: Ленник М.Н., 1929 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Староджерелиевская Красноармейского района Краснодарского края. Запись 2004 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 3039.

24. Респондент: Козьменко М.Ф., 1916 г.р. Интервьюер: Г.В. Румянцева. Место проведения: станица Преградная Урупского района Карачаево-Черкесской Республики. Запись 1998 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 1434.

25. Респондент: Фомичева М.В., 1936 г.р. Интервьюер: И.А. Кузнецова. Место проведения: станица Барсуковская Кочубеевского района Ставропольского края. Запись 2001 г. // ПМ КФЭЭ. А/к 2454.

26. Респондент: Сидорова Л.В.

27. Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке (на материалах Владимирской области): автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013. С. 15.

References:

1. Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan. M.: Indrik, 2004. 320 s.

2. Eremina V.I. Ritual i folklor. L.: Nauka, 1991. S. 14, 40.

3. Kirey N.I., Moryakhina E.V. Struktura traditsionnoy pokhoronnoy obryadnosti slavyanskogo naseleniya Kubani v kontse 19 – v 30-e gg. 20 v. (rekonstruktsiya po materialam etnograficheskikh ekspeditsiy) // Problemy arkheologii i etnografii Severnogo Kavkaza: sb. nauch. tr. / pod red. V.B. Vinogradova i dr. Krasnodar: KGU, 1988. S. 133.
4. Kremleva I.A. Pokhoronno-pominalnye obychai i obryady // Russkie. M.: Nauka, 1999. S. 517.
5. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi. SPb.: Satis, 2008. 329 s.
6. Bernshtam T.A. Molodost v simbolizme perekhodnykh obryadov vostochnykh slavyan. Uchenie i opyt Tserkvi v narodnom khristianstve. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000. S. 178.
7. Kremleva I.A. Pokhoronno-pominalnye obryady u russkikh: svyaz zhivyykh i umershykh // Pravoslavnyaya zhizn russkikh krestyan 19–20 vekov: itogi etnograficheskikh issledovaniy / pod red. T.A. Listovoy i dr. M.: Nauka, 2001. S. 84–85.
8. Levkievskaya E.E. Obychai “pechatat pokoynika” i “podnimat vozdukh” v pogrebalnoy obryadnosti Polesya // Zhivaya starina. 2011. № 4. S. 37–40.
9. Bondar N.I. Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva. Krasnodar: Traditsiya, 2011. S. 376.
10. Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan... S. 283.
11. Kuznetsova I.A. Pravoslavnyy khram v zhizni stanichnikov // Delo mira i lyubvi: ocherki istorii i kultury pravoslaviya na Kubani / nauch. red. O.V. Matveev. Krasnodar: Pravoslavnyy Ekaterinodar; Traditsiya, 2009. S. 285–286.
12. Respondent: Nazarenko A.S., 1914 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Lineynaya Apsheronnogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2003 g. // Polevye materialy Kubanskoy folklorno-etnograficheskoy ekspeditsii (dalee – PM KFEE). Audiokasseta (dalee – a/k) 2905.
13. Respondent: Shumakova V.A., 1937 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Uspenskaya Beloglinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2012 g. // PM KFEE.
14. Respondent: Prokopenko E.P., 1941 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Ilnskaya Novopokrovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2005 g. // PM KFEE. A/k 3269.
15. Respondent: Sidorova L.V., 1938 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Uspenskaya Beloglinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2012 g. // PM KFEE. Polevoy dnevnik I.A. Kuznetsovoy.
16. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi... S. 214.
17. Afanasiy (Sakharov; svt.). O pominovenii usopshikh po ustavu pravoslavnoy tserkvi... S. 157.
18. Respondent: Khilko A.P., 1927 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Dyadkovskaya Korenovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2007 g. // PM KFEE. A/k 3718.
19. Lipinskiy A.V. Troitskaya stanitsa. Statistiko-etnograficheskoe opisanie // Kubanskiy sbornik: Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Ekaterinodar: Kubanskiy oblastnoy statisticheskoy komitet, 1883. T. 1. S. 699–700.
20. Respondent: S.N., 1951 g.r. Intervyuer: S.N. Rybko. Mesto provedeniya: stanitsa Vladimirovskaya Labinskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2009 g. // PM KFEE. A/k 4115.
21. Respondent: Konokova R.A., 1930 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Razdolnaya Korenovskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2007 g. // PM KFEE. A/k 3759.
22. Respondent: Shumakova V.A.
23. Respondent: Lennik M.N., 1929 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Starodzherelievskaya Krasnoarmeyskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Zapis 2004 g. // PM KFEE. A/k 3039.
24. Respondent: Kozmenko M.F., 1916 g.r. Intervyuer: G.V. Rummyantseva. Mesto provedeniya: stanitsa Pregradnaya Urupskogo rayona Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki. Zapis 1998 g. // PM KFEE. A/k 1434.
25. Respondent: Fomicheva M.V., 1936 g.r. Intervyuer: I.A. Kuznetsova. Mesto provedeniya: stanitsa Barsukovskaya Kochubeevskogo rayona Stavropolskogo kraya. Zapis 2001 g. // PM KFEE. A/k 2454.
26. Respondent: Sidorova L.V.
27. Sokolova A.D. Transformatsii pokhoronnoy obryadnosti u russkikh v KhKh–KhKhI veke (na materialakh Vladimirovskoy oblasti): avtoref. dis... kand. ist. nauk. M., 2013. S. 15.

УДК 393(470.620)

**Роль православного богослужения в формировании
народного отношения к умершим**

Ирина Анатольевна Кузнецова

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350051, Краснодар, улица Клубная, 16
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена характеристике влияния богослужения на формирование представлений кубанских казаков о смерти и бытование погребально-поминальной обрядности. Автор последовательно рассматривает несколько аспектов такого влияния. Богослужение анализируется как источник текстов, терминов и образа действий, как явление, формирующее отношение к умершим, опыт общения с умершими а также отношение к личной смерти. Также автор коротко останавливается на тех случаях, когда можно наблюдать влияние народных обычаев на богослужение.

Ключевые слова: богослужение, кубанское казачество, поминовение, смерть, усопший, церковь, чинопоследование.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 251–257, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.251
www.ejournal15.com

UDC 393(470.61)

City Cemetery as a Ritual Space for the Victory Day Celebrations

Natalya A. Arkhipenko

Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University, Russian Federation
93, Universitetsky Lane, Rostov-on-Don, 344006
Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
PhD (Philology)
E-mail: kuzdra2000@mail.ru

Abstract

The paper analyzes private commemorative actions of the Rostovites timed to the celebration of the Victory Day. The author systematizes the data received while conducting participant observation during the visits to city cemeteries, photographing, holding surveys with the visitors of the Northern Cemetery of Rostov-on-Don. The paper reveals the ways of the visual designating the private remembrance participants on the 9th of May, the types of actions performed on the graves of the relative veterans, versions of the texts regularly used in case of annual remembrance.

Keywords: cemetery, city, May 9, remembrance, St. George's ribbon, veterans, Victory Day.

Введение

День Победы – государственный праздник Российской Федерации, посвященный победе Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне (установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г., отмечается 9 мая). Государственные праздники являются официально объявленными выходными праздничными днями. В современной России перечень государственных праздников закреплен в ст. 112 Трудового кодекса РФ и включает в себя Новый год и новогодние каникулы, Рождество, День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда, День Победы, День России и День народного единства.

В праздничной культуре государственные праздники играют особую роль. Помимо присущих всем праздникам функций коммуникации, социализации и воспитания, государственные праздники также обладают другими специфическими функциями – легитимации/делегитимации существующего режима, формирования коллективной идентичности, планирования будущего и др. [1]. Реализация этих функций, как правило, достигается путем конструирования семантики праздника, закрепления идеологически выверенных форм празднования, вызывания определенного типа социальных эмоций.

День Победы в ряду государственных праздников занимает особое место, на что не раз обращали внимание исследователи: он имеет одну из самых длительных историй в системе

сегодняшних государственных праздников [2], связан с таким идеологически устойчивым во времени событием, как Великая Отечественная война [3], имеет серьезный ресурс воздействия не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику [4], обеспечен местами памяти, поддерживающими коммеморацию [5], имеет два пласта коммеморативных практик – официальные и частные, два актора – государство и гражданское общество [6, 7].

Эти два пласта коммеморации, инициируемые различными акторами, на протяжении истории празднования Дня Победы имели разное соотношение, наполнение и семантику. Современная культурно-историческая ситуация (значительный временной разрыв между современностью и событиями Великой Отечественной войны, уход ветеранов, сокращение социально-возрастных групп, которых спланивала память о войне) позволяет говорить о том, что День Победы становится «местом памяти», т.е. таким ступком культуры, где «память кристаллизуется и находит свое убежище» [8]. Это такой момент (поворотный пункт, по словам П. Нора), когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве «сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [9].

Особого интереса заслуживает вопрос о соотношении официальных и частных практик празднования Дня Победы. Государство, осознавая мощный идеологический потенциал этого праздника, активно включается в конструирование и актуализацию его семантики. Среди знаковых действий – подготовка военных парадов, концертов, городских гуляний, федеральных законов (например, закона о городах воинской славы), участие в популярных акциях первых лиц государства (участие В.В. Путина в акции «Бессмертный полк»). В связи с этим возникает ряд исследовательских вопросов: какое место в коммеморативных акциях занимают частные практики? Кем они инициированы и как выглядят? Какова семантика этих практик?

Материалы и методы

В данной статье мы обращаемся к исследованию отдельного случая частных коммеморативных практик в городе Ростове-на-Дону методом case-study, направленным на изучение социальных феноменов в контексте реальных событий, когда границы между феноменом и контекстом расплывчаты [10].

Нами были изучены такие неформальные практики, в которых горожане проявляют личную активность в организации, устройении, привлечении участников, используя социальные сети и другие способы объединения. Кроме того, выбор был ограничен такими ритуальными действиями, в которых участвует семья или семьи, т.е. способами празднования, в которых субъектом выступает семья.

При помощи включенного наблюдения, интервьюирования, анкетирования, фотофиксации, анализа комментариев интернет-пользователей на городских новостных порталах мы изучили практики, связанные с акцией «Бессмертный полк», народным авторалли, посвященным Дню Победы, и посещением кладбищ 9 мая. В данной статье мы охарактеризуем частные практики, связанные с посещением ростовского городского Северного кладбища.

Материалом для данного исследования послужили:

- описание результатов включенного наблюдения за посещением кладбища 9 мая в течение 2013–2015 гг.;
- фотографии (более 200);
- интервью с посетителями Северного кладбища города Ростова-на-Дону (12 интервью);
- анкетирование жителей города Ростова-на-Дону (50 анкет).

Обсуждение и результаты

Участниками ритуального посещения кладбища в День Победы являются, как правило, члены одной семьи или нескольких семей, находящихся в родстве. Несмотря на то что поход на кладбище приурочен к 9 мая, самому посещению предшествует подготовительный этап (от одного дня до одного месяца). В течение этого времени могут осуществляться следующие действия: подготовка одежды военного образца и ее элементов, приобретение георгиевских ленточек, украшение автомобилей тематическими наклейками

(«Спасибо деду за победу!», «Помним и гордимся» и т.п.) и фотографиями родственников-ветеранов, заготовка материалов и орудий труда для уборки могил, покупка венков, искусственных цветов для украшения могил, обсуждение порядка посещения могил всех родственников (выработка маршрута с планированием поминального обеда около одной из могил, обычно последней в списке посещения).

Наиболее массовое посещение могил родственников-ветеранов 9 мая происходит во временном промежутке между 10.00 и 14.00. Посетители передвигаются пешком, на рейсовом автобусе, перевозящем пассажиров внутри кладбища (Северное кладбище одно из самых больших в Европе), на такси, на собственных автомобилях. Во всех перечисленных случаях внешний вид участников и/или их транспортных средств маркирован. Нами были зафиксированы 1) георгиевские ленточки на одежде, букетах (сирень, тюльпаны, реже гвоздики), венках (стандартные ритуальные венки для украшения надгробий), автомобилях; 2) красные сувенирные флаги в руках и на машинах; 3) одежда военных лет или ее элементы (в основном на детях; если используется один элемент, то чаще всего пилотка); 4) тематические наклейки на автомобилях, содержащие: а) символические изображения, например, ордена Победы, пятиконечной красной звезды и др.; б) вербальные тексты («На Берлин!», «Немецкий трофей», «За Родину», «70 лет Победе» и др.); в) комбинированные композиции, объединяющие изображение и текст (плакаты военного времени – «Родина-мать зовет», «А ты записался добровольцем?», а также современные варианты – «Я помню, я горжусь» рядом с изображением ордена Отечественной войны и др.); г) портреты родственников-ветеранов, часто выполненные в узнаваемом стиле акции «Бессмертный полк».

Нами были зафиксированы следующие действия на могилах родственников-ветеранов.

1) Благоустройство могил: уборка мусора, сухой травы, стеблей прошлогодних растений; покраска оградок, памятников, ритуальных столиков. Помимо вполне обычной работы по приведению в порядок могилы, могут выполняться и давно запланированные, но по какой-то причине откладывавшиеся или требующие коллективного участия работы: спил больших деревьев, которые причиняют неудобство или могут упасть; установка оградки; укрепление фрагментов надгробия; досыпание земли на могильный холм. Кроме того, может производиться благоустройство и соседних неухоженных, часто уже заброшенных могил, особенно если известно, что там похоронен участник войны.

2) Украшение могил родственников – участников войны: повязывание георгиевских ленточек на надгробиях (рис. 1, 3); укрепление красных флагов (рис. 2); установка ритуальных венков и букетов живых (редко искусственных) цветов.

Рис. 1–2. Георгиевская ленточка и флаг в украшении могил на Северном кладбище города Ростова-на-Дону, 9 мая 2015 г., фото Н.А. Архипенко

3) поминальный семейный обед со спиртным и простым меню. Спиртное может выбираться в соответствии с предпочтениями умершего родственника: «Мама моя до старости коньяк любила, вот и мы стараемся ее коньяком поминать, ну кто не за рулем» [11], или в соответствии с представлениями о том, как нужно поминать фронтовика: «Фронтовиков только водкой нужно поминать, больше ничем. Они во время войны только ею и спасались от холода, от страха, от смерти даже. Мне дед рассказывал. Я только водку беру – “Русскую»» [12]. Простота меню поминального семейного обеда особенно подчеркивается информантами (хлеб, сыр, колбаса) и мотивируется стремлением разделить те лишения, которые перенесли участники войны: «Вот мы, к примеру, с собой жратвы не набираем, только все самое простое. А как же? Они [фронтовики. – Н.А.] тогда голодали, это не то что сейчас. Это вот как память им тоже такая от нас, что мы помним и знаем, как трудно им пришлось. Не дай бог» [13].

5) пересказ воспоминаний родственников-ветеранов: поминальный обед сопровождается рассказом о том, где и в каком качестве воевал умерший родственник, упоминанием боевых заслуг, а также пересказом его воспоминаний: «Она у нас была связисткой <обращаясь к детям>, я не помню, в каком полку воевала, но знаю, что прошла всю войну и закончила ее в Германии, а полк ее формировался в Одессе. И вот она говорила, что самое тяжелое время было в сорок втором году. И она, когда ее послали ну как чинить эту линию связи, ну там разбомбило прямо кусок целый, то она на морозе минус тридцать два часа лежала и держала этот провод – не могла бросить. А вот вы бы так смогли сейчас? Чуть что – не хочу, не буду» [14]. При этом слушающие могут дополнять и исправлять основного рассказчика.

6) Рассказывание историй о последнем праздновании Дня Победы родственника-ветерана. Как показывают наши наблюдения, поминальные обеды происходят в основном на могилах тех участников войны, которые умерли не так давно и до недавнего времени принимали участие в праздновании Дня Победы. Нами были зафиксированы рассказы о том, как обычно проходило празднование этой даты, пока родственник-ветеран был еще жив, или как он отметил День Победы в последний раз. Такие истории являются частью общего разговора во время поминального обеда: «Помните, он всегда ходил к памятнику, где самолет, около аэропорта, потому что там собирались его однополчане, которые из Ростова, а до этого он в Николаев каждый год ездил, пока не заболел. И там три или четыре дня был, потом приедет – довольный, всех увидел, а кто-то умер, кто-то заболел и не приехал, тому письма писал. А потом и сам уже не стал ездить, говорит – тяжело» [15]; «Я помню, что мы, как обычно, парад посмотрели, потом вы все пришли, все родственники, мы за стол сели. А ей позвонил ее боевой товарищ из Казани, ну чтобы поздравить. Они только вдвоем и остались в живых к этому времени – моя мама и он. А она и говорит ему: “Да не знаю, еще придется праздник встречать или нет”. А я ей говорю: “Мама, да ты что, еще не один раз встретишь”. А она 12 мая и умерла вот так неожиданно – сердце» [16].

7) Исполнение военных песен: поминальные обеды в День Победы допускают коллективное (но не громкое, а сдержанное) пение военных песен. Нами было зафиксировано исполнение двух песен – «День Победы» и «Катюша».

8) Оставление на могилах рюмки спиртного, хлеба (с салом), выпечки, конфет. Рюмка со спиртным и хлеб с салом, по словам информантов, оставляется для покойного как его «фронтовые 100 грамм», выпечка и конфеты для того, чтобы его могли помянуть другие: «Мы стаканчик вина оставили и кусочек хлеба рядом положили. Это еще так моя бабушка в деревне делала. А мы тут так не делали. А теперь оставляем, это как, знаете, на фронте сто грамм наливали, вот и мы ему тоже <плачет>. Он хотя и не пил почти, но хочется же как-то помянуть, как-то ему показать, что мы помним. Вот и сын, и дочка, оба с семьями пришли. Ну не знаю, правильно или нет сделали. Мы же не знаем, есть душа или нет. А если есть? Тогда лучше ставить» [17]; «Тут я конфетки положу, вчера купила. Он эти конфетки [ириски. – Н.А.] до последнего любил. Он уже лежал, а я говорю: “Папа, что тебе дать?” А он: “Ириску дай”. А ему же нельзя. А я все равно давала. Вот положу конфетку, чтобы помянули. Соседка моя говорит, что не надо оставлять, что эти бомжи да цыгане тут шляются, собирают. А я так думаю: пусть и они берут, это же не важно, кто взял, может, и ему так захочется этой ириски, что съест и помянет как раз. Так что я оставляю» [18].

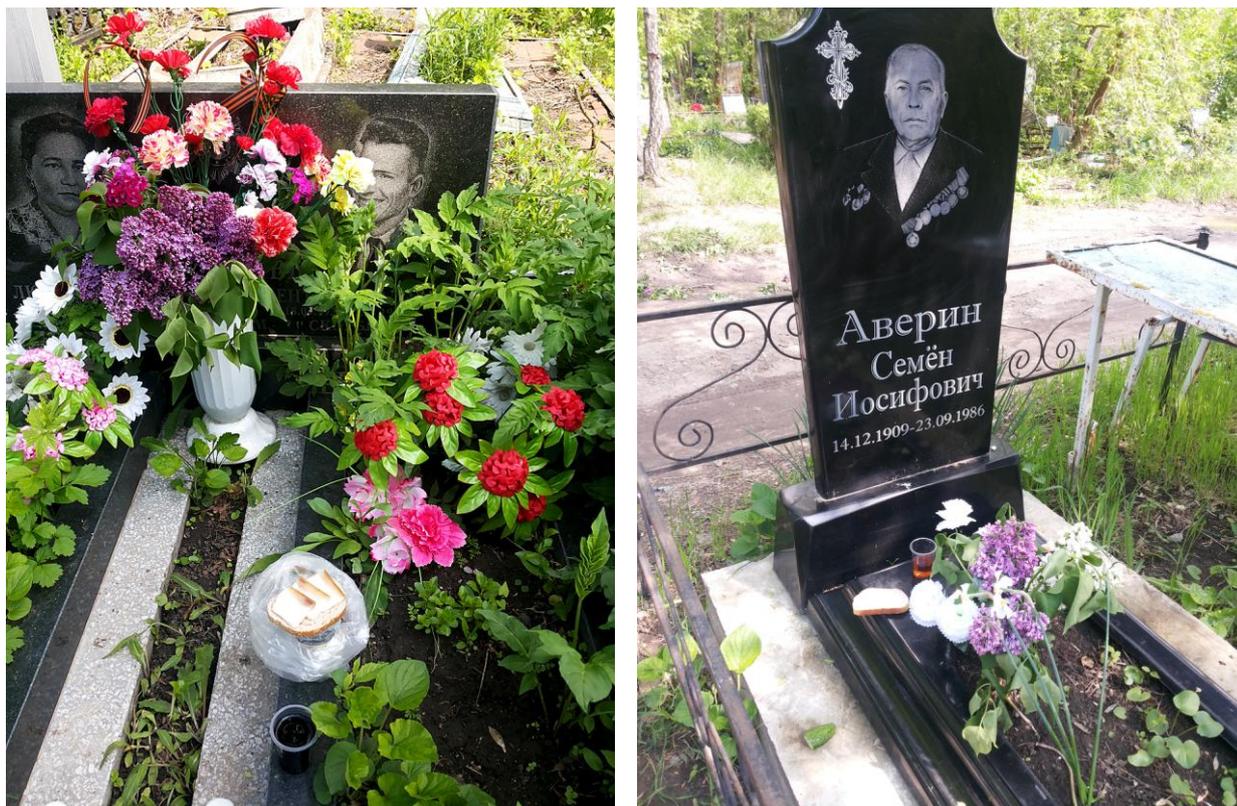

Рис. 3–4. Поминальная еда на могилах Северного кладбища города Ростова-на-Дону, 9 мая 2015 г., фото Н.А. Архипенко

Выводы

Таким образом, кладбище становится особым ритуальным пространством в неофициальных практиках празднования Дня Победы. Совокупность этих практик говорит о сочетании в них элементов традиционной и городской погребально-поминальной обрядности (поминальные обеды, оставление на могилах помина и т.д.), сложившихся семейных традиций празднования Дня Победы (сбор за семейным обедом, слушание воспоминаний участников войны, пение военных песен и т.д.), а также новейших атрибутов празднования 9 мая (георгиевская ленточка, наклейки на автомобили).

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование ИСЭГИ ЮНЦ РАН, № государственной регистрации 01201368164).

Примечания:

1. Ефремова В.Н. Государственные праздники как элементы символической политики в современной России: автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2015. С. 16.
2. Калачева О. Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 1. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=22&id=218 (дата обращения: 10.12.2015).
3. Kangaspuro M. The Victory Day in History Politics // Kahla E. (ed.). Between Utopia and Apocalypse. Essays on Social Theory and Russia. Helsinki: Kikimora Publications, 2011. P. 292–305.
4. Onken E.-K. The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59, No. 1, January. P. 23–46.
5. Ваньке А., Полухина Е. Политика памяти и военные мемориалы в России: сравнивая Поклонную гору в Москве и Мамаев Курган в Волгограде // XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества». Полные тексты докладов. URL:

<http://regconf.hse.ru/uploads/f3cbf5b66175e368e68b34427ade378daf25a2fc.docx> (дата обращения: 10.12.2015).

6. Brown J. Performing Cultural Memory: 9 May Victory Day Celebrations in Sevastopol, Crimea // War and Memory. Artistic and Cultural Representations of Individual, Collective and National Memories in Twentieth-Century Europe at War. International Conference 7th September – 9th September 2012, Warsaw. URL: <http://www.qub.ac.uk/sites/WarandMemoryConference/Abstracts/Fileupload,295146.en.docx>.

7. Лейн К. Ритуал военно-патриотической традиции // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/5le.html> (дата обращения: 10.12.2015).

8. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17.

9. Нора П. Проблематика мест памяти... С. 17.

10. Yin R. Case Study Research Design and Methods. London, New Dehli: Sage, 1994. P. 13.

11. Респондент: Ирина Ивановна Д., 1951 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

12. Респондент: Андрей Викторович С., 1971 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

13. Респондент: Анна Петровна И., 1974 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

14. Респондент: Ольга Олеговна Н., 1955 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

15. Респондент: Игорь Сергеевич Ж., 1956 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

16. Респондент: Светлана Ивановна А., 1946 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

17. Респондент: Анна Георгиевна Г., 1953 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

18. Тамара Петровна Т., 1947 г.р. Интервьюер: Н.А. Архипенко. Место проведения: город Ростов-на-Дону. Запись 9 мая 2015 г.

References:

1. Efremova V.N. Gosudarstvennye prazdniki kak elementy simbolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii: avtoref. dis... kand. polit. nauk. M., 2015. S. 16.

2. Kalacheva O. Prazdnovanie kak indikator sotsialnykh izmeneniy: starye i novye prazdniki postsovetskoy Rossii // Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhiznyu peterburzhtsev. 2003. № 1. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=22&id=218 (дата обращения: 10.12.2015).

3. Kangaspuro M. The Victory Day in History Politics // Kahla E. (ed.). Between Utopia and Apocalypse. Essays on Social Theory and Russia. Helsinki: Kikimora Publications, 2011. P. 292–305.

4. Onken E.-K. The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59, No. 1, January. P. 23–46.

5. Vanke A., Polukhina E. Politika pamyati i voennye memorialy v Rossii: sravnivaya Poklonnuyu goru v Moskve i Mamaev Kurgan v Volgograde // 16 Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva". Polnye teksty dokladov. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/f3cbf5b66175e368e68b34427ade378daf25a2fc.docx> (дата обращения: 10.12.2015).

6. Brown J. Performing Cultural Memory: 9 May Victory Day Celebrations in Sevastopol, Crimea // War and Memory. Artistic and Cultural Representations of Individual, Collective and National Memories in Twentieth-Century Europe at War. International Conference 7th September – 9th September 2012, Warsaw. URL: <http://www.qub.ac.uk/sites/WarandMemoryConference/Abstracts/Fileupload,295146.en.docx>.

7. Leyn K. Ritual voenno-patrioticheskoy traditsii // Neprikosnovenny zapas. 2015. № 3 (101). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/5le.html> (дата обращения: 10.12.2015).

8. Nora P. Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat / pod red. P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 17.

9. Nora P. Problematika mest pamyati... S. 17.

10. Yin R. Sase Study Research Design and Methods. London, New Dehli: Sage, 1994. P. 13.

11. Respondent: Irina Ivanovna D., 1951 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.

12. Respondent: Andrey Viktorovich S., 1971 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.

13. Respondent: Anna Petrovna I., 1974 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.

14. Respondent: Olga Olegovna N., 1955 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.
15. Respondent: Igor Sergeevich Zh., 1956 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.
16. Respondent: Svetlana Ivanovna A., 1946 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.
17. Respondent: Anna Georgievna G., 1953 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.
18. Tamara Petrovna T., 1947 g.r. Intervyuer: N.A. Arkhipenko. Mesto provedeniya: gorod Rostov-na-Donu. Zapis 9 maya 2015 g.

УДК 393(470.61)

Городское кладбище как ритуальное пространство празднования Дня Победы

Наталья Анатольевна Архипенко

Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, переулок Университетский, 93
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: kuzdra2000@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются частные коммеморативные практики жителей Ростова-на-Дону, приуроченные к празднованию Дня Победы. Систематизация данных, полученных в ходе включенного наблюдения за посещением кладбища, фотографирования, проведения интервью с посетителями Северного кладбища и анкетирования ростовчан, позволила автору выявить способы визуального маркирования участников частного поминовения в день 9 мая, типы действий на могилах родственников-ветеранов, варианты текстов, регулярно воспроизводимых в ситуации городского календарно приуроченного поминовения.

Ключевые слова: 9 мая, ветераны, георгиевская ленточка, город, День Победы, кладбище, поминовение.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 258–282, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.258
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR

Artyom Y. Peretyatko

Children's Creativity Center of the Railway District of Rostov-on-Don, Russia
10, Vereschagina Street, Rostov-on-Don, 344101
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article considers the history of the transmission of the western districts of the Don Cossack Oblast to the UkSSR in the 1920s. On the basis of numerous testimonies of contemporaries, as well as literature on the peasant colonization of the Don region, the author concludes that in these territories from the 18th century Little Russian population prevailed. Little Russians were largely assimilated, and the term "Little Russian" has come to mean not only the ethnonym, but an estate accessory to the indigenous peasantry, including the Great Russian. The article analyzes those aspects of Russian-Ukrainian relations in the Don region, which were more general, in particular, about the reasons of a more positive attitude Cossacks to Little Russians, than the Great Russians. The results of the study are the findings that the Don Host Oblast was characterized by the confusion of ethnic and estate markers and that aggravation of interethnic relations in the Don region occurred only in 1870. The territory of the western districts was mastered in the previous period under the close cooperation of the Cossacks and the Ukrainians. The author argues that historically undisputed border between Russia and Ukraine in the former territory of the Don Host Oblast is impossible in principle.

Keywords: Cossack nationalism, Cossacks, Don Host Oblast, Donetsk District, ethnic relations, Little Russians, Miussky District, Russian, Taganrog District.

Введение

Оценка значения исторических событий порой зависит не только от них самих, но и от дальнейшего хода истории. Факты, казавшиеся достоянием учебников и архивов, могут неожиданно приобрести новую актуальность, в том числе и политическую, стать ценным уроком или предостережением на будущее. Могут существенно измениться и их оценки. Так, передача УССР бывших западных территорий Области Войска Донского (далее – ОВД) (до 1870 г. – Земли Войска Донского (далее – ЗВД)) с распадом Советского Союза и в условиях возрождения казачества стала рассматриваться некоторыми авторами как акт антиказачьей направленности. В частности, Р.Г. Тикиджьян позиционировал это событие как

«искусственное расчленение» казачьих земель [1]. В настоящее время, в условиях конфликта на востоке Украины, вопрос об исторической принадлежности бывших территорий ОВД приобретает особую актуальность. Документы, связанные с передачей части земель Донецкого, Черкасского и Таганрогского округов в состав УССР в настоящее время уже опубликованы [2–4], а сам процесс этой передачи проанализирован Е.Ф. Кринко [5]. Однако относительно малоисследованной остается предыстория этих событий, процесс формирования на территории казачьих земель района с преобладанием украинского населения. Наша статья представляет собой попытку заполнить данную лауну путем анализа русско-украинских отношений на территории ОВД. Кем были малороссы на Дону – пришельцами или коренными жителями, как утверждали сторонники передачи донских земель Украине [6]? Почему казаки, по свидетельству современников, хуже относились к пришельцам из великорусских губерний, чем к крестьянам-малороссам¹ [7]? Наконец, насколько передача донских земель в состав УССР была оправдана историческими и этнографическими факторами?

Материалы и методы

Изучение демографии и этнографии ОВД XIX в. существенно осложнено крайней неточностью донской статистики. Проводившиеся разными организациями подсчеты давали на выходе для одних и тех же округов разницу в десятки процентов (например, по данным 10-й ревизии в Миусском округе в 1858 г. проживало 583 помещика [8], по информации Донского статистического комитета, в 1870 г. их количество равнялось всего 84 [9], а донская перепись 1873 г. в одной Новониколаевской станице выявила 190 помещиков [10]). Войсковые власти прямо указывали на неточность статистики, порой расходящейся с наблюдениями очевидцев [11]. Кроме того, в регионе не проводилось переписей, в которых бы напрямую указывалась национальность. В частности, в опросный лист первой всероссийской переписи 1897 г. был включен вопрос о родном языке, но не национальной принадлежности [12]. Поэтому при оценке численного соотношения великороссов и малороссов ОВД мы будем вынуждены в основном опираться на свидетельства современников. Информация на этот счет содержится во многих книгах дореволюционных авторов, лично наблюдавших ситуацию в донских станицах и волостях [13–16].

Трудно переоценить значение данных работ и для характеристики межэтнических отношений на Дону. Дело в том, что в станицах зачастую скрывали нарушения имперского законодательства, а местные власти сквозь пальцы смотрели на подобные прегрешения [17]. Поскольку при межэтнических контактах, как мы покажем ниже, имперское законодательство регулярно нарушалось, официальные документы могут использоваться для их характеристики в достаточно ограниченной степени. Поэтому, эпизодически используя архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) и Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА), в большей степени мы будем опираться на периодическую и непериодическую печать, в том случае, если ее данные подтверждаются независимыми друг от друга источниками.

Что касается современной литературы, то, поскольку большую часть малороссов составляли крестьяне, переселившиеся и переселенные на территорию ЗВД до 1861 г., отдельно следует упомянуть монографию И.А. Ревина, хотя она посвящена межсословным, а не межэтническим проблемам [18]. Мы использовали работы и других авторов, содержащие ценный фактический и концептуальный материал по истории ОВД, прежде всего А.А. Волвенко [19–21] и Б.С. Корниенко [22].

Чтобы на основе этих разнородных источников в общих чертах воссоздать картину русско-украинских отношений на территории ОВД, мы применяли историко-системный, историко-сравнительный и историко-генетический методы. При этом особое внимание мы

¹ Имеет смысл сразу обговорить то, что мы используем этнонимы *украинец/малоросс* и *русский/великоросс* в соответствии с их употреблением в официальных документах и свидетельствах современников. Если первые два понятия для Дона XIX в. были в общем синонимичны, то термины *великоросс* и *русский*, как мы покажем ниже, могли нести различный смысл.

уделяли последовательному применению принципа историзма, поскольку и русско-украинские взаимоотношения на Дону, и тот контекст, в котором они существовали, достаточно динамично менялись.

Обсуждение и результаты

Западные округа ОВД представляли собой совершенно особое территориальное образование, исторически, экономически, демографически и социально отличавшееся от основного ядра казачьих земель. Хотя в XVIII в. эти земли были переданы Войску Донскому, донские казаки не составляли там сколько-либо сплошного населения. Так, первая станица на территории Миусского округа была основана только в 1849 г. [23]. Обширные необрабатываемые участки на западе были переданы донской старшине в конце XVIII в., и начиная с периода 1782–1795 гг. шел активный процесс привлечения малороссов для сельскохозяйственного освоения этих земель [24]. Мы не будем подробно останавливаться на истории донского крестьянства, детально изложенной в монографии И.А. Ревина [25], однако обратим внимание на несколько сюжетов, принципиально значимых для понимания интересующей нас темы.

Во-первых, западные территории ОВД до XVIII в. тяготели не к донскому, но к запорожскому казачеству. С данным фактом соглашались даже явно политически ангажированные казачьи авторы [26]. После передачи этих территорий Донскому войску малороссийское население не только не ушло, но и постепенно увеличивало свою численность. Так, первая перепись «малороссийских черкас» на Дону, проведенная в 1763 г., определила их количество в 20 422 человека [27]. Уже А.А. Карасев отмечал, что из этой цифры следует: приход малороссов на Дон начался задолго до 1760-х гг., причем, по свидетельствам современников, в их числе были как потомки местных запорожских казаков, так и выходцы с других запорожских территорий, и беглые крестьяне-малороссы [28]. Во-вторых, войсковое начальство в течение длительного времени только приветствовало привлечение старшиной малороссов, поскольку они заселяли неосвоенные земли на западе ЗВД, что способствовало улучшению дорог, облегчению повинностей и развитию сельского хозяйства [29]. В-третьих, И.А. Ревиным был предложен термин «агроколонизация» для характеристики того процесса, в ходе которого малороссы привлекались на Дон. По мнению современного исследователя, классическая колонизация подразумевает под собой «освоение свободных земель и культурную экспансию на местное население, находящееся на более низкой стадии развития общества». Обычно обе эти функции выполняет одна социальная группа, однако на Дону произошло разделение ролей: донское казачество, ликвидировав угрозу набегов на переданные ему земли, не смогло хозяйственно освоить освободившиеся территории и начало привлечение для этого этнически родственных малороссов и, в меньшей степени, великороссов [30]. Таким образом, донское казачество выступало в качестве собственника земель, а главную роль в их хозяйственном освоении играли малороссы.

Но, возможно, наиболее любопытный сюжет связан с возникшей путаницей сословных и этнических маркеров. Хотя в 1750-е гг. донская старшина предпринимала попытки покупать крестьян-великороссов [31], при переписи 1763 г. они были отнесены к «малороссийским черкасам» [32]. И в дальнейшем в ходе крестьянских ревизий термины «малоросс/малороссийский черкас» и «крестьянин» рассматривались как синонимичные [33]. По мнению Н.И. Краснова, причиной подобного смешения этнических и сословных маркеров стало как численное преобладание крестьян-малороссов, так и официальные документы, в которых «малороссами» в течение длительного периода называли всех приходящих на Дон неказаков [34]. Фактически это было не вполне верно, поскольку, по свидетельству А.А. Карасева, существовала и небольшая группа крестьян великорусского происхождения, не ассимилированная вплоть до отмены крепостного права (он лично наблюдал их и отмечал отличия даже во внешнем виде домов) [35]. Тем не менее у некоторых позднейших авторов данная ошибка создала впечатление, что все крестьянское население Дона в дореформенный период было малороссийским либо было ассимилировано малороссами. Подобной позиции придерживался, в частности, Е.П. Савельев [36]. В действительности великорусское меньшинство существовало, но

этноним «малоросс» в качестве сословного обозначения применялся и к малороссийским, и к великорусским крестьянам.

Любопытно отметить, что, по мнению И.А. Ревина, в XVIII в. большее значение имела именно этническая маркировка *казак – малороссиянин*, а в XIX в., с закрепощением донских крестьян, большую роль начала играть маркировка сословная, *казак – крестьянин* [37]. До начала XIX в. процесс ассимиляции малороссиян казаками шел достаточно активно. Крестьяне часто приглашались казаками в качестве крестных [38], а также просто принимались в казачье сословие [39]. Донские крестьяне-малороссы были разделены на две категории: крестьяне помещичьи, принадлежащие старшине и часто изолированные от казачьих поселений, и крестьяне станичные, приписанные к казачьим станицам. Последние ассимилировались значительно быстрее, и уже к 1811 г. большая их часть была включена в казачье сословие (остальные по решению станиц были переданы донским помещикам) [40].

Итак, район с преобладанием малороссийского населения сложился на западных территориях Донского войска еще в XVIII в. Хотя значительная часть малороссов была привлечена в эти земли донской старшиной из сопредельных губерний, в определенном смысле пришельцы были наследниками запорожских казаков, исторически претендовавших на данные территории. В свою очередь, донские станицы в этих местах отсутствовали, и малороссийское население не конкурировало из-за земли с донским казачеством. Впрочем, даже те малороссы, которые прошли дальше на восток и были приписаны к казачьим станицам, сами по себе не вызывали у казаков негативной реакции. Та часть малороссийского населения, которая контактировала с казаками, успешно ассимилировалась последними.

Не следует считать, что отношения казаков и малороссиян до начала XIX в. были безоблачными, однако конфликты носили ситуационный характер и были спровоцированы действиями старшины. Например, в 1795–1796 гг. крестьяне хутора Высокая Дубровка захватили земли Филоновской и Березовской станиц, причем благодаря связям их покровителя, подполковника С. Курнакова, все жалобы казаков были проигнорированы [41]. Однако важно отметить, что само поселение малороссиян на формально принадлежащих станицам землях было встречено казаками равнодушно, и жалобы начались только после того, как начался захват используемых ими угодий [42]. Число подобных злоупотреблений, когда донские помещики захватывали станичные земли, поселяя на них своих крестьян, было достаточным, чтобы обратить на себя внимание войсковой администрации.

В результате этого в 1802 г. канцелярией Войска Донского был подготовлен рапорт «по вопросу о малороссиянах, людях другого звания и крестьянах, поселенных на войсковых землях». На этом документе есть смысл остановиться более подробно, поскольку в нем отражены некоторые важные представления казаков о малороссийском населении и донской земле, не утратившие актуальности и в дальнейшем. Прежде всего, в нем игнорировалось существование исторических запорожских поселений на западе региона, и утверждалось, что малороссияне являются пришлым элементом, хотя и издавна принимавшимся и поселявшимся на Дону [43]. Но при этом всячески подчеркивалось, что малороссийское население не только полезно, но и необходимо казакам, например, потому что в случае ухода взрослых мужчин в поход казачьи хозяйства сохраняют экономическую устойчивость только благодаря найму малороссиян [44]. В то же время указывалось, что, вопреки мнению некоторых лиц, малороссийские поселенцы не имеют права даже на ту землю, на которой стоят их дома и церкви: вся донская земля принадлежит казакам, войску или станицам, а крестьяне только допускаются на нее, если их пребывание выгодно войску [45]. Наконец, в этом документе была озвучена мысль о том, что казачество не может быть сколько-либо открытым сословием. С 1774 по 1802 гг. в состав войска было включено 4453 пришельца, которые показали Войсковой канцелярии годными к казачьей службе. Однако на практике они плохо проявили себя в ходе военных действий, допуская различные провинности, вплоть до дерзостности. Это привело к формулированию идеи, в дальнейшем ставшей весьма популярной у многих донских авторов: в соответствии с ней особые способности казаков к военной службе передавались по наследству, и любые инородные элементы подобными способностями не обладали [46].

В результате утверждения подобных представлений в Войсковой канцелярии, а также распространения на Дон крепостного права, социальный статус крестьян-малороссов начал снижаться. И.А. Ревин отмечает, что если этническая разни́ца между казаками и крестьянами не мешала возникновению между ними родственных связей, то усиление сословных различий оказалось существенным препятствием для заключения браков. Соответственно, по мере того как на смену этнической оппозиции *казак – малоросс* приходила оппозиция сословная, *казак – крестьянин*, число новых межэтнических родственных связей постепенно уменьшалось, особенно резко сократившись после принятия Положения 1835 г. [47]. В то же время с 1802 г. было разрешено полное выселение крестьян со станичных юртов на свободные земли, если казаки сталкивались с проблемой малоземелья, с целью ликвидировать описанные выше конфликты с крестьянами [48]. Однако серьезного эффекта данное решение не принесло: количество конфликтов между казаками и крестьянами только возрастало [49]. Главной их причиной было то, что зачастую крестьяне имели существенно большие наделы, чем казаки, а попытки сокращения их участков блокировались помещиками [50]. С целью исправления данной ситуации при принятии Положения 1835 г. было предусмотрено, что выселению подлежат все крестьяне, живущие в пределах юртов [51].

Но в полной мере достичь своей цели и разделить казачье и крестьянское население властям не удалось. Обратимся к некоторым наблюдениям А.А. Карасева, крайне значимым для понимания того, как выглядела жизнь донских крестьян-малороссов в период перед отменой крепостного права. В своих предыдущих работах мы отмечали, что в XIX в. многие правительственные решения на практике сильно корректировались в соответствии с обычаями и мнениями местных чиновников [52]. Поскольку во многих станицах серьезных конфликтов с крестьянами не было, а помещики не хотели оставлять обработанные земли, выселение крестьян с юртов растянулось на десятилетия [53], и нет ничего удивительного, что задерживались главным образом те крестьяне, которые успели сродниться с казачьей средой, вступили с казаками в родственные и дружеские связи [54]. Как отмечал А.А. Карасев, в результате крепостное право среди крестьян казачьего ядра донских земель оказалось ограничено местными обычаями, и как казаки, так и помещики этих мест выступали против унижения крепостных [55]. Несмотря на понижение статуса крестьян и закрытие для них формального вступления в казачье сословие, та их часть, которая сумела остаться на казачьих землях, перенимала местные обычаи, вступала в родственные связи с казаками, хотя и реже, чем в более ранние годы, и продолжала ассимилироваться. Более того, вопреки имперскому законодательству, отдельным крестьянам удавалось вступать в казачье сословие, пользуясь хорошим отношением к ним станичных органов власти [56].

Тем не менее с 1840-х гг. процесс переселения все-таки начался, причем переселялись крестьяне в основном в Миусский и Донецкий округа, в свободные от станиц земли, где и так было сконцентрировано большинство помещичьих имений [57]. На середину XIX в. в Миусском округе (площадь 11 382 кв. версты) была всего одна казачья станица, а в Донецком (площадь 17 484 кв. версты) – семь. Для сравнения, в Первом Донском округе (площадь 12 210 кв. верст) насчитывалось 19 станиц, а в Хоперском (площадь 15 872 кв. версты) – 25 [58]. Вследствие многочисленности помещичьих крестьян, к началу 1860-х гг. над этими территориями уже нависла угроза малоземелья [59], что, в свою очередь, сделало невозможным создание новых казачьих станиц.

Как мы видим, в течение 1800–1860-х гг. войсковые власти проводили все более и более жесткую политику разделения казаков и крестьян: от переселения малороссов с юртовых земель на любые свободные в случае конфликта они постепенно перешли к требованиям об обязательном выселении крестьян с юртовых участков главным образом в западные округа. Не только не предпринималось никаких мер по расселению стихийно сложившегося района с преобладанием малороссийского населения, но и, напротив, на его территорию перемещались крестьяне-малороссы из других округов. При этом полностью игнорировалось как то, что ассимиляция малороссиян даже без принятия их в войсковое сословие в это время была весьма успешна, так и то, что конфликты между казаками и малороссиянами носили главным образом ситуационный характер и их было возможно решить менее радикальными мерами. В результате было окончательно закреплено четкое разделение ЗВД на две части: основное ядро казачьих земель и районы со сплошным

крестьянским/малороссийским населением (фактически существовала еще третья часть, которую составляли калмыцкие кочевья). Сложившаяся ситуация имела плюсы не только для войсковых властей, но и для казаков. Для казачьих помещиков наиболее выгодными были три фактора: во-первых, в условиях отсутствия железных дорог Миусский округ больше всего подходил для производства товарного зерна в силу близости к таганрогскому порту [60], во-вторых, на западе области находились самые плодородные земли [61], а в-третьих, крестьяне этих районов не могли вступить в казацкое сословие, используя хорошие отношения со станичными чиновниками [62]. Для рядовых казаков принципиально значимым стало сокращение числа конфликтов с крестьянами. Чтобы понять степень концентрации крестьян и помещиков в западных округах, приведем несколько графиков (рис. 1–3).

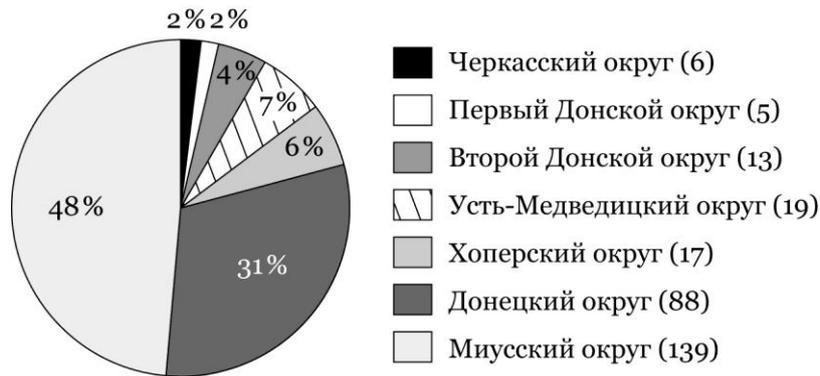

Рис. 1. Распределение по территории ЗВД крупных помещичьих хозяйств (более 100 крестьян) по данным 10-й ревизии [63]

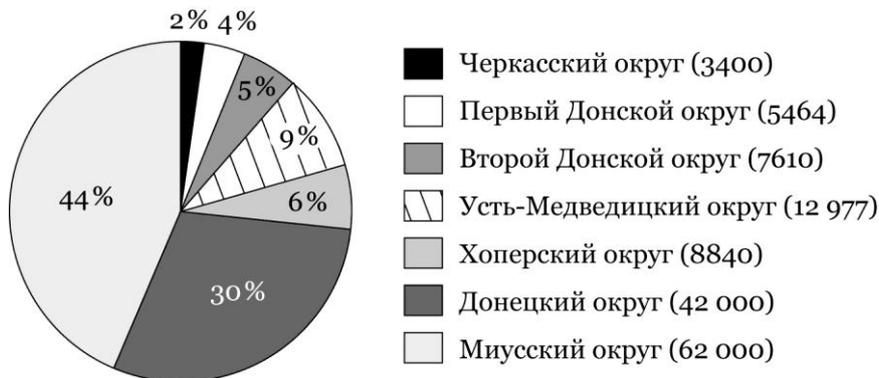

Рис. 2. Распределение по территории ЗВД крестьян по данным 10-й ревизии [64]

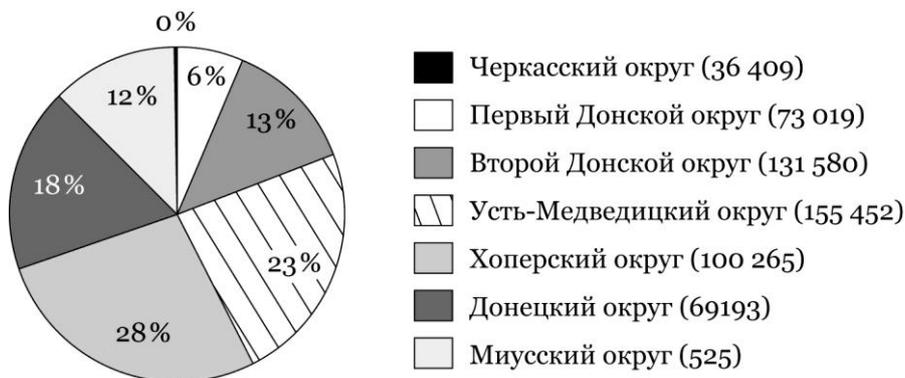

Рис. 3. Распределение по территории ЗВД казаков по данным отчета войскового атамана за 1859 г. [65]

Оговоримся, что приведенные цифры не представляются нам точными, по причинам, указанным в начале статьи. Те данные по численности населения, которые мы будем приводить ниже, также являются только ориентировочными. Тем не менее сам факт абсолютного преобладания крестьян-малороссов над казаками в Миусском и некоторых районах Донецкого округов получил отражение и у Н.И. Краснова, и у С.Ф. Номикосова, и у Е.П. Савельева, и в многочисленных данных переписей и ревизий. Поэтому, признавая неточность отдельных цифр, мы считаем данные графики, как и те, что будут приведены ниже, в целом достаточно репрезентативными.

В течение XIX в. продолжал действовать и один из тех факторов, которые изначально привели к складыванию территории со сплошным малороссийским населением на западе Войска Донского: географическая близость западных округов к Малороссии не утрачивала своей актуальности. Хотя в 1816 г. донским дворянам было запрещено покупать крепостных крестьян для переселения их в пределы ЗВД [66], в 1835 г. данное запрещение было снято [67]. Крепостных на донские ярмарки привозили и из достаточно отдаленных регионов (Е.П. Савельев упоминает даже «невольников из Азии»), но основной их приток шел из ближайших губерний [68]. Таким образом, главным источником для внешнего пополнения крестьянства Миусского и Донецкого округов были Харьковская и Екатеринославская губернии, где преобладало малороссийское население. Важно отметить, что эти две губернии входили в число наиболее плотно населенных территорий, граничивших с Донским войском [69], что, разумеется, положительно влияло на возможности закупать крестьян там. Кроме того, как в период запрета на покупку крестьян, так и после его отмены донские помещики не брезговали укрывательством беглых крепостных, причем большинство из них также составляли малороссы [70].

Следовательно, в течение первой половины XIX в. на территорию уже заселенных преимущественно малороссами Миусского и Донецкого округов шло два потока внешних мигрантов – с запада и с востока, причем в обоих также преобладали малороссы. Однако специфика этих потоков отличалась принципиально: если покупные и беглые крестьяне из Харьковской и Екатеринославской губерний не имели опыта взаимодействия с казаками, то переселенцы с территорий Донского войска прежде долго жили бок о бок с войсковым сословием. В соответствии с уже упоминавшимися наблюдениями А.А. Карасева, в условиях отсутствия казачьих станиц именно переселенцы с основного ядра казачьих земель выступали в качестве носителей донских традиций. Если в поселениях, где жили только местные крестьяне и пришельцы с запада, бесконтрольно господствовало крепостное право, то в тех поселениях, где эти категории были разбавлены выходцами с юртовых земель, положение крестьян было значительно лучше, приближаясь к их положению на остальной территории войска [71]. Некоторые более поздние авторы, в частности, Е.П. Савельев, считали, что крестьянство Миусского и Донецкого округов не испытывало казачьего влияния вовсе [72]. Как видно из свидетельств лично наблюдавшего ситуацию А.А. Карасева, это было не совсем так, и, хотя в этом регионе казачество и крестьянство были географически разделены, носителем казачьего влияния выступала та часть крестьян, которая успела частично ассимилироваться. Но, во-первых, как мы писали выше, крестьяне основного ядра казачьих земель выселялись на запад неохотно, и их число было не так велико, а во-вторых, без прямого контакта с казачеством местные малороссы не могли перенимать отдельные традиции Донского войска, но не ассимилироваться полностью.

Даже в 1860-х гг. взаимоотношения малороссийского крестьянства и донского казачества развивались в прежнем русле, хотя позже именно решения, принятые в эпоху великих реформ, привели к кардинальным изменениям межэтнических отношений в регионе. Уже во время подготовки крестьянской реформы стало понятно, что донские крестьяне, как и крестьяне российские, должны будут получить какие-то земельные участки в общинную собственность. Фактически подобное решение ставило их в привилегированное положение даже по отношению к их хозяевам, которые оставались только пользователями войсковой земли. В результате на Дону появилась достаточно многочисленная группа помещиков, выступающая за системную реформу казачества. Ее сторонники считали необходимым введение частной собственности на землю, а также свободный допуск переселенцев на территорию Войска Донского [73]. Последнее обосновывалось

необходимостью использования всех земельных ресурсов для ускорения экономического развития, что было невозможно без привлечения дополнительных рабочих рук [74]. Однако у большей части казачества подобные идеи вызвали крайне негативную реакцию, и в начале 1860-х гг. имперской властью даже рассматривалась возможность казачьего восстания на Дону [75]. Чтобы успокоить ситуацию, в 1863 г. Александр II подписал высочайшую грамоту, в которой подтверждалась «неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений» Донского войска [76].

В подобных условиях особенно остро вставал вопрос, что делать с теми крестьянами, которые, вопреки положению 1835 г., продолжали проживать на территории станичных юртов и теоретически могли претендовать на передачу в пользу их общин части казачьих земель. Войсковые власти в целом продолжая курс предыдущих десятилетий, требовали их переселения на свободные земли, в Миусский и в меньшей степени в Хоперский округа, где им и предоставлялись участки в частную собственность. Мы приводим небольшой график (рис. 4), чтобы показать, какую долю крестьян предполагалось переселять на запад ЗВД в связи с отменой крепостного права.

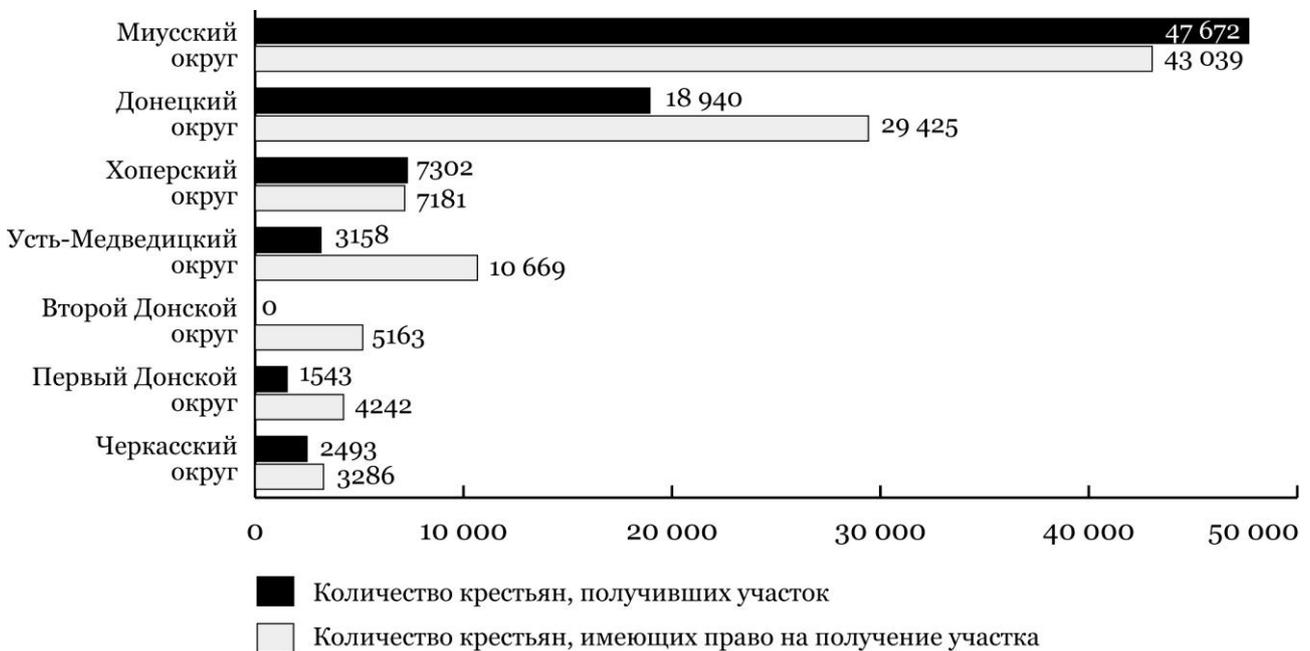

Рис. 4. Соотношение крестьян, имеющих право на получение наделов и реально получивших участки, по данным Войскового правления на 1866 г. [77]

Уже представивший эти цифры А.А. Карасев подсчитал, что при наделении донских крестьян землей «бесследно исчезли» около 21 тыс. человек или 1/5 от общей численности имевших на нее право [78]. Дело в том, что в условиях избыточного наделения станиц землей положение пользователей, а не хозяев участков было крайне выгодно для многих крестьян-малороссов. Те из них, кто имел хорошие отношения со станичными властями, запахивали столько земли, сколько могли, не внося за нее никакой платы, и переселение на четко ограниченные общинные участки означало для них уменьшение наделов в несколько раз [79]. Но войсковые власти, прежде смотревшие сквозь пальцы на то, что помещики сохраняли владения на юртовых землях, после 1861 г. перешли к политике насильственного выселения, с одной стороны, применяя меры вплоть до военных, а с другой – выплачивая переселенцам крупные суммы [80]. Однако и эти меры не увенчались успехом. Многие крестьяне даже пытались выйти из своего сословия, чтобы избежать как переселения, так и обязательного выкупа земли, которую можно было дешевле неофициально взять в аренду у казаков [81]. В конце концов войсковые власти были вынуждены уступить и разрешить тем крестьянам, которые проживали в юртах, расположенных возле неиспользуемых земель, отказаться от переселения [82].

Таким образом, большая часть казачества крайне остро реагировала на возможный приток пришельцев из-за пределов ЗВД, но по-прежнему позитивно относилась к местным малороссам. Негативной реакции не вызвала ни передача им в общинную собственность земель Миусского и Донецкого округов, ни нарезка с этой целью небольших участков в ядре казачьих земель. Благодаря поддержке казачества, значительная часть крестьян, которых должны были переселить в Миусский округ, сумела остаться на юртовых землях, и последняя попытка разделить казаков и крестьян-малороссов также не увенчалась полным успехом, хотя около 4 тыс. человек и удалось переселить [83].

Только к 1870-м гг. началось стремительное изменение этнической ситуации в ОВД. В 1870 г. Н.И. Краснов еще констатировал, что большую часть населения Дона составляют две этнические группы: казаки-великороссы и крестьяне-малороссы [84], – но в это время уже началась определенная корректировка казачьей идентичности. Сторонники системной реформы казачества сумели добиться части своих целей: лицам невойскового сословия было разрешено свободно селиться на территории ОВД и покупать землю, а помещики получили свои владения в частную собственность [85]. Результатом этих решений стал приток на казачьи земли выходцев из великорусских губерний, крайне интересные наблюдения о которых принадлежат М.Н. Харузину.

Прежде всего, доминирование великороссов в этом миграционном потоке, а также сложившаяся на Дону традиция смешения этнических и сословных маркеров привела к тому, что иногородних стали называть «русскими» или «русью» [86]. Выше мы показали, что большая часть казачества изначально негативно относилась к возможности свободного переселения на территорию ОВД. Уже одного этого было достаточно, чтобы объяснить крайне негативное отношение казаков к русским переселенцам. Однако и момент их допуска на территорию войска был выбран крайне неудачно: именно в 1870-е гг. из-за роста численности казачьего населения прежде избыточных юртовых наделов земли стало не хватать во все большем количестве станиц. На смену традиционному свободному пользованию землей приходил прописанный в законах правильный раздел [87]. В этих условиях часть казаков считала именно иногородних, получивших право владеть землей и массово переселяющихся на Дон, важной причиной обезземеливания [88].

На наш взгляд, подобное мнение никак не соответствовало действительности. Если крестьяне-малороссы к 1870-м гг. действительно обрели землю и возможность жить в собственных, не принадлежащих ни войску, ни станицам поселениях, то иногородние-«русские» в основной массе проживали в казачьих станицах, не имея собственной земли и выполняя различные работы [89]. По наблюдениям одного из членов Донского статистического комитета И. Тимощенко, в Урюпинской станице даже беднейшее казачье хозяйство нанимало работников, а общее количество последних простиралось до тысячи человек: 550 годовых работников и 450 поденщиков [90]. М.Н. Харузин приводит цитату, видимо, одного из казаков: «русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец» [91]. При этом собственной земли иногородние почти не имели: в 1882 г. только 2 458 852 десятины на Дону находились в частной собственности, из них на долю крестьян всех категорий (т.е. и коренных, и иногородних) приходилось 5 %, или 122 943 десятины. Для сравнения – юртовых земель было 7 721 496 десятин, а крестьянским обществам принадлежало 371 483 десятины [92]. Следовательно, на практике переселение иногородних способствовало увеличению числа наемных работников в казачьих хозяйствах, а не их обезземеливанию.

Несмотря на это, негативное отношение казаков к переселенцам оставалось стабильным. Положение иногородних в станицах было крайне шатким, а их социальный статус крайне низок. По наблюдениям М.Н. Харузина, дело доходило до того, что от «русских» (он использовал именно это слово) требовали кланяться казакам, избивали их, а станичные власти часто независимо от обстоятельств держали сторону казаков, исходя из принципа «казака на мужика не меняют» [93]. Более того, были случаи, когда станичные сходы принимали решение об изгнании иногородних с территории станицы вопреки имперскому законодательству [94]. Власти более высокого уровня пытались отстаивать права великорусского населения и даже достигли в этом направлении определенных успехов, однако рознь между казачьим и «русским» населением не прекратилась [95].

С ростом численности на Дону иногородних-«руси» вопрос о соотношении русской и казачьей самоидентификации стал актуальным для простых казаков. Путаница этнических и сословных маркеров привела к тому, что термин «русский», применяемый для обозначения иногородних, стал рассматриваться казаками как оскорбительный. М.Н. Харузин приводит лично наблюдавшуюся им историю, произошедшую в станице Аннинской, когда казак обозвал иногороднего «проклятой русью». Иногородний возразил казаку, что и тот является русским, за что едва не был избит его товарищами, впрочем, не сумевшими ответить на вопрос о том, кто они, если не русские. В конце концов, некоторые казаки признали себя русскими, но большая их часть пришла к выводу, что, хотя «земля одна [Россия. – А.П.], да фамилия то не одна: то – казак, то – русский, а то – и вовсе хохол» [96]. Неопределенность в вопросе о том, являются ли казаки частью русского народа, следует отметить и у некоторых донских авторов 1870–1880-х гг. В частности, С.Ф. Номикосов в разделе своей обстоятельной работы, посвященном этническому составу донского населения, фактически использовал термин «русский» в двух значениях этого слова. С одной стороны, он считал русским все славянское население Дона, включая южных славян и даже почему-то греков [97]. С другой – он разделял население ОВД на пять групп: русских крестьян, расселенных по всей его территории и не имеющих мест компактного проживания, крестьян-малороссов, преобладающих в Миусском и некоторых районах Черкасского и Донецкого округов, казаков с преобладанием великорусского типа в Хоперском и Усть-Медведицком округах, казаков с преобладанием малороссийского типа в Первом Донском и некоторых районах Черкасского и Донецкого округов и казаков с преобладанием монгольского типа во Втором Донском округе [98]. В первом случае казаки оказывались частью русского народа, а во втором – нет, составляя даже не одну, а три отдельные этнические группы. При этом понятию «народ» в его обычном понимании не соответствует ни категория «русских», в которую заносятся все славяне, ни небольшие «этнические» группы вроде казаков с преобладанием монгольского типа.

Можно констатировать, что во второй половине XIX в. путаница сословных и этнических маркеров на Дону только усиливалась, как и путаница в головах представителей интеллигенции и рядовых казаков. С одной стороны, даже казакманы (сторонники казачьей замкнутости) не отрицали теснейшей связи казачества и России (например, один из них, Х.И. Попов, определял донских казаков как русское племя с примесью других элементов [99]). С другой стороны, прогрессисты (сторонники полной открытости Донского войска) неосторожно использовали термины «народ» и «элементы народности» по отношению к казачеству (например, Н.И. Краснов в ранних работах называет народом совокупность донских и днепровских казаков [100]). На наш взгляд, именно в это время закладывался фундамент для возникновения казачьего национализма [101].

Но понятие о казачьем народе причудливо сплеталось с понятием о казачьем сословии, наделенном определенными привилегиями. Вышеприведенные факторы, а именно начало обезземеливания казачьих хозяйств, резко негативное отношение к русским, поток иногородних, хлынувших в ОВД, и первые проявления казачьего национализма привели к фактическому закрытию казачьего сословия на Дону для новых людей. Если в первой половине XIX в. законодательно закрепленные запреты на принятие малороссов обходились станичными властями даже вопреки желанию донских дворян, то во второй половине столетия, после отмены этих запретов, сколько-либо массового принятия в казаки на Дону уже не было. Принятие в казаки лиц невойскового сословия регламентировалось законом от 21 апреля 1869 г., согласно которому по решению станицы казакмном мог стать любой, имеющий на это уважительные причины: женившийся на казачке, усыновленный казакмном, долго проживающий в станице и т.п. [102]. Нетрудно понять, что формально он давал повод для принятия в войсковое сословие многих иногородних, постоянно живущих в станицах. На практике, однако, именно в Донском войске приток вступающих в казаки оказался крайне невелик: если в Семиреченском войске принятие новых членом обеспечивало 32 % от общего прироста численности, то на Дону принятие в казаки давало только 3 % прироста [103]. Таким образом, если малочисленное малороссийское население основного ядра казачьих земель до 1860-х гг. в целом успешно

ассимилировалось казачеством, то бурный приток русских казаки не пытались ассимилировать и принять в свои ряды.

В 1860–1870-е гг. произошло еще одно событие, оказавшее существенное влияние на взаимоотношения казаков, русских и малороссов. Речь идет о попытке введения на Дону земств. История этого процесса подробно описана в статьях А.А. Волвенко [104–105], нас же интересуют только некоторые его аспекты. Дело в том, что сначала комиссии по подготовке введения земств, а затем комиссии по их реформе стали своеобразной трибуной, на которой высказывали свою позицию представители различных донских сословий. Например, в первую комиссию по введению земств по инициативе донского дворянства были включены представители всех донских сословий, кроме иногородних [106]. И уже в этой комиссии раздались голоса, призывающие ввести «земства только для казаков» [107]. Военному министерству пришлось специально уточнить, что формат земств предусматривает включение представителей всех сословий и исключительно казачьим органом они быть не могут [108]. Этот спор стал своеобразным вступлением к дискуссии о том, какими правами пользуется на Дону невойсковое население и может ли оно быть допущено к земским органам.

Земства на Дону были введены в 1876 г., а уже в 1878 г. стало понятно, что казачье население не желает ими пользоваться [109]. В 1881 г. была создана наиболее представительная комиссия по реформе земств, заседания в которой велись по трем категориям: среди представителей станичных обществ, невойскового сословия и «владельцев шахт, землевладельцев, представителей администрации» [110]. Наиболее интересна, на наш взгляд, была позиция представителей станичных обществ. Они выступали против участия крестьян в земских органах, фактически вновь возвращаясь к лозунгу «земства только для казаков». Ссылаясь на историю донского региона, на тот факт, что донская земля была завоевана их предками, они требовали восстановления вместо земств войскового круга, в котором бы право голоса имели только казаки. Землевладельцы и чиновники заняли схожую позицию, требуя увеличения доли казаков в земствах, и только крестьяне настаивали на их сохранении в прежнем виде. В этих условиях правительство предпочло просто закрыть земские органы [111].

На наш взгляд, конфликт вокруг земств был первым конфликтом между казаками и крестьянами-малороссами, который носил не ситуационный, а принципиальный характер. В его ходе в донской печати звучала мысль о том, что ОВД принадлежит исключительно казакам по праву завоевания и пожалования [112]. Следовательно, даже коренные крестьяне-малороссы, не говоря уже об иногородних, не имеют права на представительство в органах местного самоуправления. Нетрудно заметить, что подобные идеи восходили к рапорту от 1802 г. по вопросу о малороссах, людях другого звания и крестьянах, поселенных на войсковых землях. Безусловно, его основная мысль о том, что малороссы являются пришлым элементом, к 1870-м гг. в фактографическом плане несколько устарела, поскольку потомки «малороссийских черкас» даже не запорожского происхождения к этому времени жили в Миусском округе более столетия. Однако в плане политическом с попыткой создания сословного органа на Дону данная мысль обрела новую актуальность, обосновывая исключительное право казачества быть представленным в земствах.

Таким образом, в 1870-е гг. начали портиться и отношения казаков с малороссами, и на смену ситуационным конфликтам из-за земли, конокрадства, семейных ссор и проч. приходил тот же принципиальный конфликт, который существовал между казаками и иногородними-«русью»: конфликт вокруг потери Донским войском закрытого статуса, усиленный проблемами обезземеливания казаков, вопросами допуска лиц невойскового сословия в выборные органы власти и пробуждающимся казачьим национализмом.

Дальнейшая эволюция взаимоотношений русских, казаков и малороссов продолжалась в рамках той новой ситуации, которая сложилась в 1870-е гг. Казачество замкнулось в себе, сосредоточившись на сохранении своих прав и привилегий, почти не ассимилируя и не принимая в состав новых членов. Напротив, значительная часть его представителей по-прежнему негативно относилась к иногородним-«русси», а отношения с крестьянами-малороссами продолжали ухудшаться. Хотя попыток изолировать казачье и малороссийское население больше не предпринималось, не предпринималось и попыток как-то разбавить казачьим населением малороссийской запад ОВД. Поэтому основной

конфликт происходил между казаками и русскими, проживающими в казачьих станицах. Казачье население четко отделяло себя от «руси», однако вопрос о том, насколько подобное разделение было связано с сословным, а насколько – с этническим признаком, какое-то время оставался некатализированным.

Мы остановимся на нескольких событиях периода 1880–1917 гг., которые представляются нам важными для понимания рассматриваемой темы. В самом начале своей работы мы приводили мнение Р.Г. Тикиджьяна об «искусственном расчленении» казачьих земель в 1920-е гг. На наш взгляд, подобное расчленение произошло уже в 1887 г., когда в составе ОВД были созданы 2 гражданских округа: Ростовский и Таганрогский. Для их создания Миусский округ и та часть Черкасского, на которой преобладало крестьянское население, были присоединены к переданным в состав ОВД землям Екатеринославской губернии [113]. В 1888 г. последовала реформа управления казачьими округами: теперь их начальники были не только высшими гражданскими чиновниками, но и отвечали за военную организацию вверенных им территорий [114]. Отметим, что получила распространение практика назначения на должность окружных начальников не чиновников, а строевых офицеров (считалось, что только они могут на должном уровне выполнять возложенные на них функции по военной части [115]). Таким образом, с 1888 г. земли ОВД, на которых преобладало коренное малороссийское крестьянство, были и формально отделены от основного ядра казачьих земель, и присоединены к территориям, исторически тяготевшим к Малороссии, а не к Донскому войску.

Относительно точные данные по национальному составу донских округов могла бы дать первая всероссийская перепись населения 1897 г., однако в ее опросном листе, как мы уже писали, отсутствовала графа «национальность». Крестьяне в ней подчитывались совокупно, как местные малороссы, так и иногородние великороссы. Таким образом, единственным критерием, соотносящимся с национальностью при проведении данной переписи, был язык. Но к началу XX в. многие малороссы, переселившиеся на Дон несколько поколений назад, уже утратили не только национальные обычаи и обряды, но и «говор» [116]. По наблюдениям В. Богачева, в полной мере традиции малороссийских губерний сохранили только те выходцы из них, которые переселялись позднее 1870-х гг. [117]. На наш взгляд, тут уместно напомнить свидетельства А.А. Карасева, относящиеся как раз к 1860-м гг., о том, что даже в тех крестьянских поселениях, которые не контактировали с казаками напрямую, но в которые переселяли крестьян с юртовых земель, чувствовалось определенное влияние казачьих традиций. Таким образом, крестьяне-малороссы донских земель хотя и не были ассимилированы казачеством, в результате его длительного опосредованного воздействия еще в ту эпоху, когда казаки положительно относились к пришельцам, обрели новые черты и стали отличаться от малороссов соседних губерний. Поскольку часть из них утратила «говор», но сохранила самоидентификацию в качестве «малороссов», реальная их численность могла быть выше, чем число людей, для которых родным был «малорусский язык».

Тем не менее многие цифры данной переписи представляются нам крайне интересными, особенно в сопоставлении с данными 1850-х и 1910-х гг. Мы позволим себе привести их чуть ниже в формате графика (рис. 5).

Подчеркнем, что цифры в таблицах крайне приблизительны. О переписи 1897 г. мы говорили выше. Для данных 1859 и 1916 гг. мы использовали оценочный метод, исходя из смешения на Дону сословных и этнических маркеров. Мы условно рассматривали крестьянское население как малороссийское, а казачье и иногороднее как русское. Тем не менее, как видно из таблиц, даже эти приблизительные цифры хорошо соотносятся между собой. Преобладание русских над малороссами в основном ядре казачьих земель не только сохранялось, но и возрастало, хотя и малороссийское меньшинство было стабильным с тенденцией к росту в абсолютных показателях. А вот преобладание малороссов в западных округах ОВД с открытием региона для иногородних-«руси» и отменой правительственных актов о разделении казачьего и крестьянского населения быстро сходило на нет. Если в Донецком округе в 1859 г. существенно преобладали крестьяне-малороссы, то к 1897 г. носители «малорусского языка» были в явном меньшинстве, а к 1916 г. потомки малороссов-крестьян составляли менее 1/3 населения. Миусский округ в 1859 г. был абсолютно малороссийской по этническому составу территорией, а к 1916 г. в Таганрогском округе,

включавшем его земли, численность великороссов и малороссов почти уравнилась. Таким образом, территория с преобладанием малороссийского населения, возникшая в XVIII в. и стабильная до 1860-х гг., начала быстро размываться.

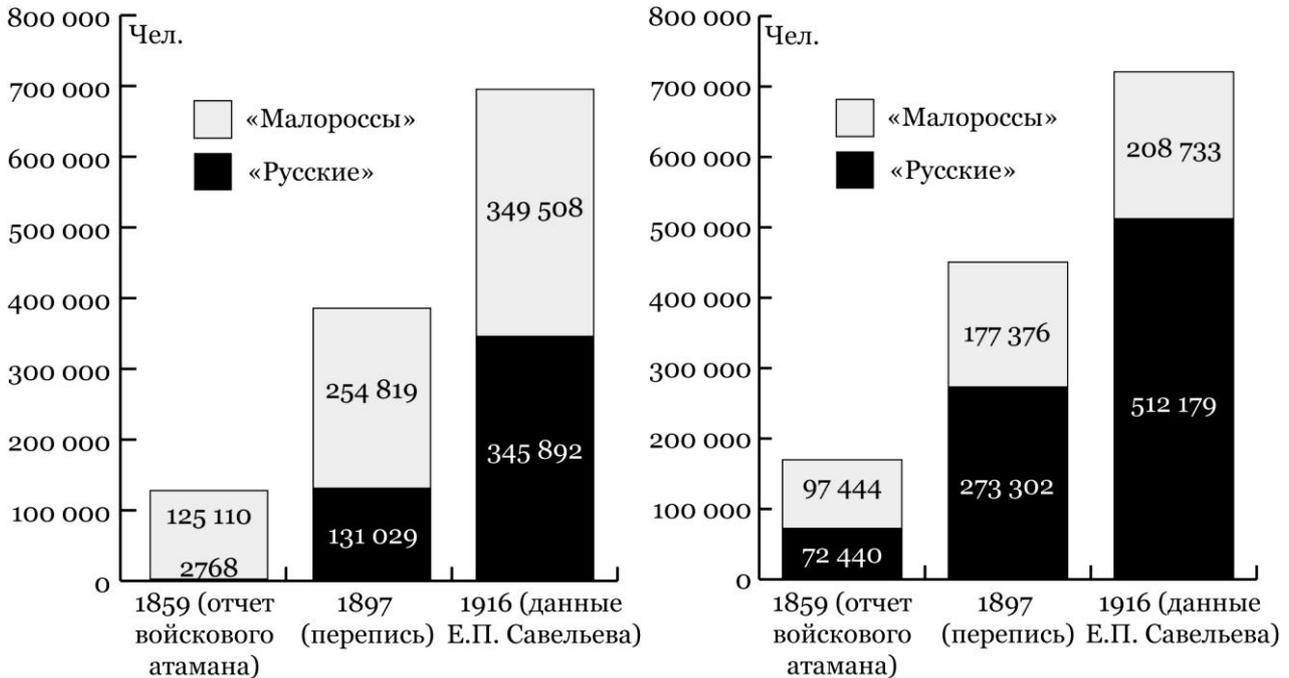
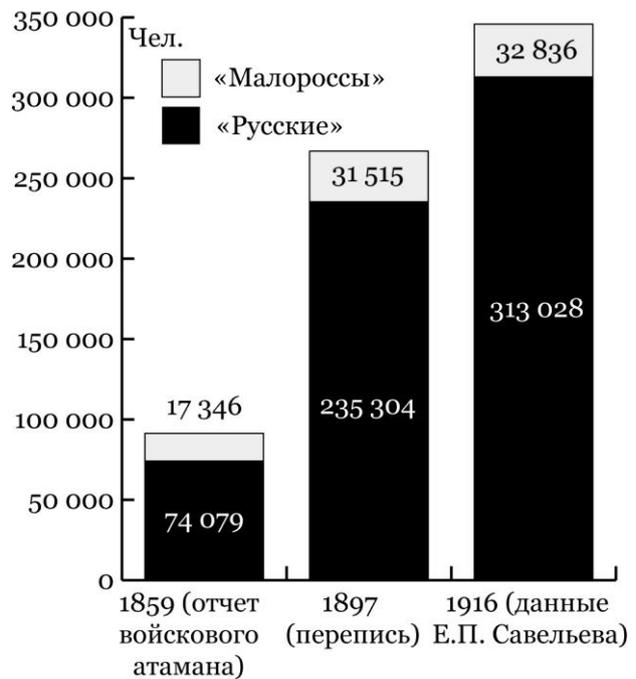
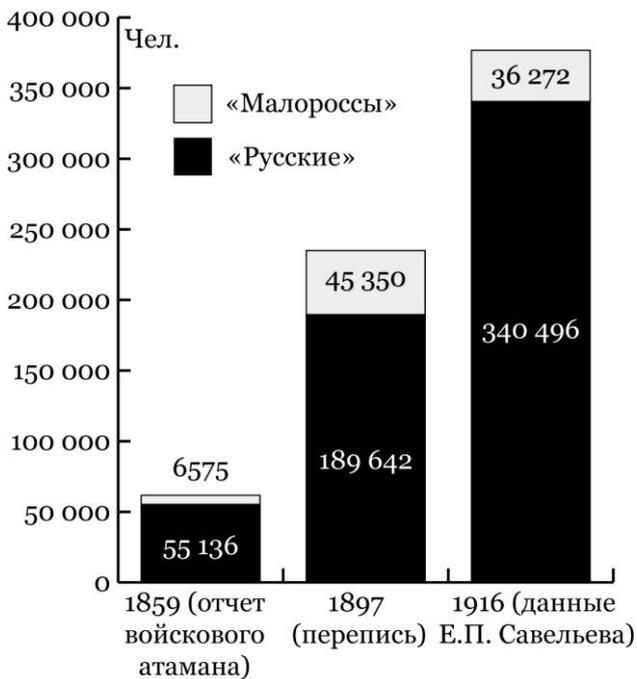

Рис. 5. Ориентировочные цифры национальной динамики населения по округам в 1850–1910-х гг. [118–120]

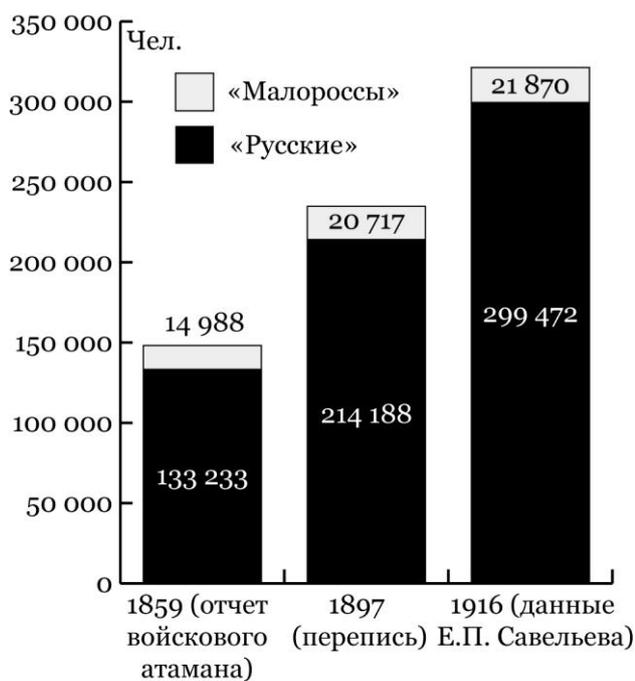
а) Миусский / Таганрогский округ

б) Донецкий округ

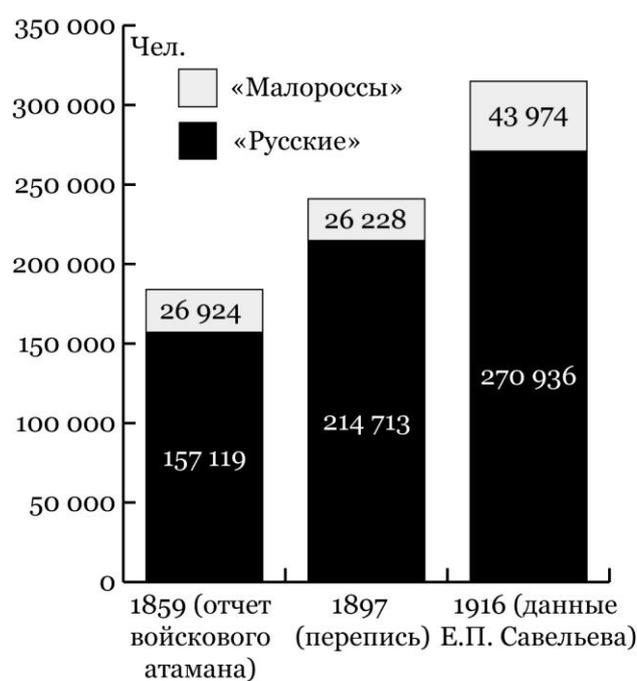

в) Черкасский округ

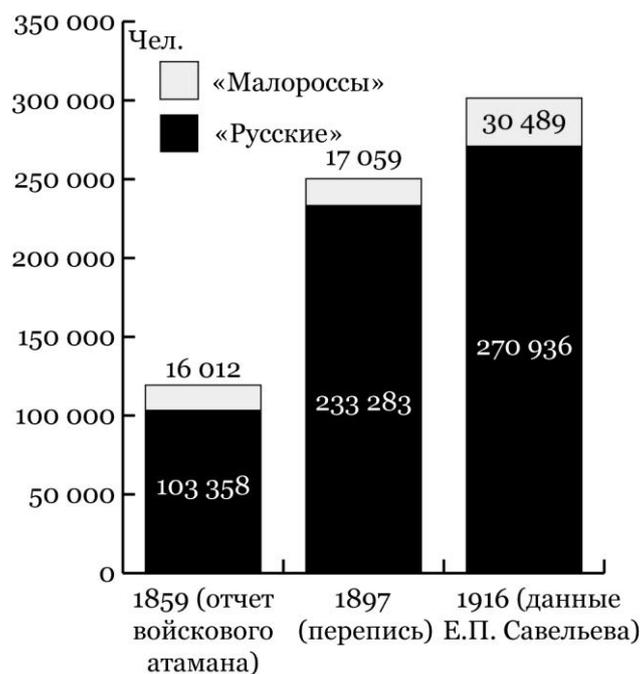
г) Первый Донской округ

д) Второй Донской округ

е) Усть-Медведицкий округ

ж) Хоперский округ

Главной движущей силой этого процесса выступали иногородние. Мы уже писали, что правительство не пыталось переселять казаков на западные территории. Позволим себе привести еще один небольшой график, демонстрирующий соотношение казаков, крестьян и иногородних в Донецком и Миусском / Таганрогском округах в 1859 и 1916 гг.

Как видно из графика (рис. 6), доля казаков и в Миусском/Таганрогском, и в Донецком округах между 1859 и 1916 гг. не претерпела существенных изменений. Зато стремительно возросло число иногородних. На территории округов основного ядра казачьих земель их численность к 1916 г. была заметно ниже в абсолютных цифрах, однако и там являлась достаточно значительной [121]. Тем не менее и в начале XX в. казаки сохранили численное преобладание на большей части территорий ядра казачьих земель: меньше 50 % от

населения они составляли только в гражданских Таганрогском и Ростовском округах, Донецком округе, в котором исторически преобладали малороссы, Сальском округе, в котором исторически преобладали калмыки, и исторически казачьем Черкасском округе [122].

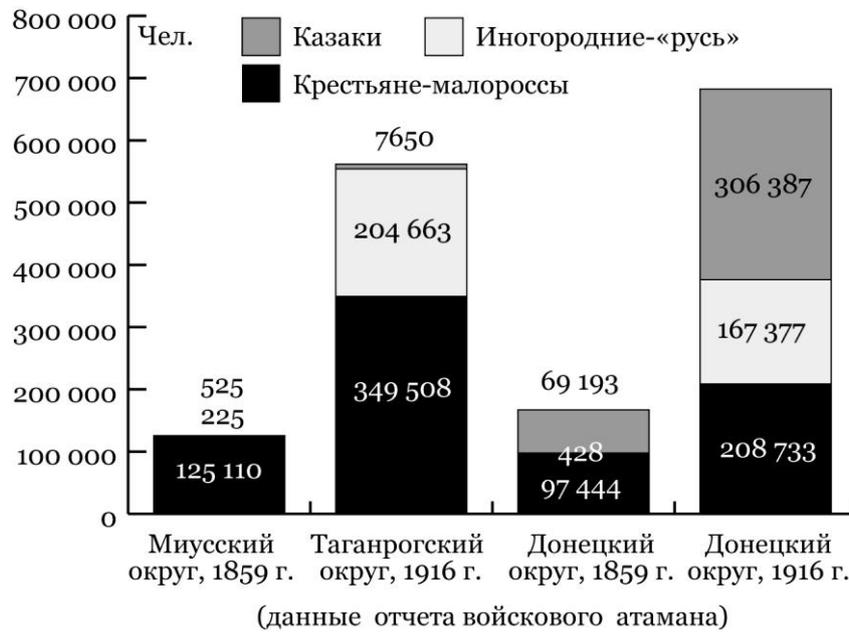

Рис. 6. Соотношение казаков, крестьян и иногородних в Донецком и Миусском / Таганрогском округах в 1859 и 1916 гг. [123–124]

В это время вследствие стремительного роста казачьего населения обезземеливание в станицах продолжалось. К началу XX в. ситуация обострилась настолько, что в Черкасском и Первом Донском округах началось изгнание с юртовых земель тех крестьян, которые «неофициально» проживали там еще с 1860-х гг. и более раннего периода. По свидетельству Е.П. Савельева, крестьяне искали защиты в судах, однако не находили там поддержки: юридически они не имели права на ту землю, которую их предки в обход закона получили от станиц [125]. В 1910 г. депутаты Государственной думы обвинили войскового атамана Ф.Ф. Таубе в попытке выселить с территории ОВД всех неказаков [126]. Хотя подобные утверждения основывались на слухах и являлись, по сути, политическими интригами, само их появление наглядно свидетельствует об обострении отношений между казачеством и прочими сословиями. Катализировали кризис и попытки восстановить на Дону земства, натыкающиеся все на то же сопротивление части казачества, не желающей создания на Дону всесословных органов [127].

Противостояние казаков как с крестьянами-малороссами, так и с иногородними-«русью» способствовало окончательному оформлению в начале XX в. казачьего национализма. Если в 1860–1880-х гг. различные авторы использовали термин «народ» по отношению к казачеству в рамках терминологической путаницы, то представители группы С.А. Холмского были вполне последовательны в своем выставлении донского казачества отдельным народом. Деятельность группы С.А. Холмского подробно разобрана в интереснейшей монографии Б.С. Корниенко [128], однако некоторых ее аспектов необходимо коснуться в рамках нашего исследования.

Прежде всего, С.А. Холмский и его сторонники парадоксальным образом сочетали любовь к России и русским с негативным отношением к иногородним-«руси». Возможно, ярчайший пример этого представляет собой статья «Казачий национализм», опубликованная в издаваемом С.А. Холмским «Голосе казачества». Сперва ее автор декларировал «очевидную истину», что земля, добытая казаками и «политая их кровью», может принадлежать только им и передача ее иногородним, т.е. в основной своей массе русским, недопустима. Однако затем он утверждал, что казаки, приобретя «казачье нечто»,

остались глубоко русскими, более того, у них с русскими один враг – «иностранцы», пытающиеся уничтожить славянские нации [129]. В итоге, несмотря на все реверансы в сторону русского народа, для казачьих националистов именно русские «мужики» стали одним из основных врагов [130]. Сам С.А. Холмский выражал возмущение той мыслью, что с «мужичками» уравниют «нас, гордящихся именем казака, омытым благороднейшей казацкой кровью рыцарей Дона и Сечи, прогремевших на весь мир своей храбростью, великодушием, христианским смирением и терпением без конца, качества, сохранившиеся вполне и в теперешнем казачьем населении всех войск» [131]. Таким образом, казаки-малороссы и их потомки оказывались в рассуждениях С.А. Холмского ближе к донским казакам, чем великороссы. Накануне революционных событий на Дону население все сильнее раскалывалось на казаков и неказаков, а не на великороссов и малороссов. Однако данный конфликт был не чисто сословным, но сословно-этническим, поскольку казачество в условиях путаницы сословных и этнических маркеров все явственнее выступало не только как сословное, но и как этническое единство.

Выводы

Прежде чем перейти к выводам о степени обоснованности передачи УССР части земель ОВД, отметим выявленные нами особенности межэтнического взаимодействия русских и малороссов на ее территории. Мы показали, что уже в XVIII в. донская земля не была мононациональным регионом: существовало украинское меньшинство, внесшее значительный вклад в сельскохозяйственное освоение будущих Таганрогского и Донецкого округов. Сосуществование различных народов на Дону обладало своей спецификой, важнейшей особенностью которой было смешение сословных и этнических маркеров: этноним «малоросс» стал синонимом сословного статуса «крестьянин», а этноним «русский» стал синонимом сословного статуса «иногородний». При этом ситуацию запутывало то, что этноним «великоросс» мог использоваться и для характеристики казачьего сословия, а этноним «русский» мог применяться и к совокупности казачьего, великоросского и малороссийского населения. Тем не менее, на наш взгляд, корректнее всего будет говорить о взаимодействии на Дону трех этносов: русского, украинского и не вполне сформировавшегося казачьего, который, в зависимости от обстоятельств, мог выступать как совместно с русским, так и самостоятельно.

До 1870-х гг. межэтнические отношения на Дону строились на безусловном признании абсолютного первенства казачества. Русского меньшинства еще не существовало, а малороссийское рассматривалось войсковыми властями начиная с рапорта 1802 г. как традиционный, но фактически бесправный элемент. Малороссы не имели возможности ни попасть в управляющие структуры войска, ни владеть землей. Однако их положение было лучше, чем в соседних губерниях, из-за относительной мягкости крепостного права на Дону, кроме того, те из них, что жили в основном ядре казачьих земель, постепенно ассимилировались казачеством и даже принимались в его состав. Главным фактором, тормозящим развитие межэтнических отношений, выступали войсковые власти, пытавшиеся разделить казачье и крестьянское население во избежание ситуационных конфликтов, возникавших чаще всего из-за земли. Именно политика изоляции крестьян-малороссов и их переселения с основного ядра казачьих земель в западные округа привела к консервации там территории с абсолютным преобладанием малороссийского населения.

Ситуацию, стабильную на протяжении столетия, взорвали реформы 1860-х гг. Были поставлены под сомнение те основы, на которых прежде строились взаимоотношения казаков и малороссов. Передача земли крестьянским общинам, введение на Дону частной собственности на землю и попытка создания земств поставили под угрозу абсолютно доминирующее положение казачества в регионе. Хотя на первый взгляд эти вопросы касались понижения его сословного статуса, на практике они обостряли межэтнические взаимоотношения как с малороссийским, так и с русским населением, с 1868 г. массово перемещающимся на Дон. Кроме того, именно эти вопросы в дальнейшем стали принципиально значимыми для казачьих националистов, пытавшихся сформировать национальное сознание казачества на основе проблем его сословного статуса. Особенно негативным было отношение казаков не к малороссийскому, а к русскому населению, которое не имело исторической традиции проживания на Дону. Противостояние казаков

и русских способствовало формированию особой казачьей идентичности, разрушало историческую традицию рассмотрения казачества как части великорусского народа.

В результате само казачество стало значительно более замкнутым, и ассимиляция им пришлых малороссов и русских почти прекратилась. А поскольку приток иногородних-«руси» был достаточно стабильным и многочисленным, доля казачьего населения в ОВД постепенно падала, хотя на территории основного ядра казачьих земель оно все еще численно преобладало к началу XX в. Подобная ситуация никак не могла быть устойчивой в длительной перспективе и не устраивала ни казаков, ни малороссов, ни русских. Можно констатировать, что реформы 1860-х гг. дестабилизировали межэтнические отношения на Дону, а найти адекватный ответ на этот вызов ни войсковым, ни имперским властям так и не удалось. При этом и русскому, и малороссийскому населению противостояло казачество, представители которого зачастую занимали крайне жесткую позицию по принципиальным вопросам. И то решение национального вопроса на Дону, которое предложили большевики (уничтожение казачества как сословия, признание его частью русского народа, раздел ОВД между РСФСР и УССР), было возможно не оптимальным, но вполне закономерным завершением длительных процессов.

Что касается самого проведения границы между УССР и РСФСР, то утверждения об «искусственном расчленении казачьих земель» и передаче части их территорий Украине не вполне соответствуют действительности. Мы показали, что западная часть ОВД представляла собой крайне специфическую территорию, исторически малороссийскую по этническому составу, но более столетия находившуюся под административным контролем донского дворянства. Рядовое казачество на территориях, переданных Украине, всегда составляло меньшинство. Однако упомянутая искусственная изоляция Миусского и частично Донецкого округов, приведшая к формированию там сплошного украинского населения, закончилась в 1860-м гг. После разрешения иногородним селиться на донской земле туда хлынул поток русского (неказачьего) населения, численность которого возрастала значительно быстрее, чем численность крестьян-малороссов. В то же время и коренные крестьяне, переселившиеся на Дон до 1861 г., были в значительной степени ассимилированы и частью утратили даже язык, хотя и продолжали считаться малороссами. В этом плане особенно показательны данные переписи 1923 г., согласно которой 72,3 % населения Таганрогского округа считали себя украинцами по национальности, но только 44,6 % населения владели украинским языком. Более того, по мнению проводивших перепись, «чистых» украинцев в Таганрогском округе почти не осталось, и «украинцами» записывали себя представители смешанного населения, фактически ассимилированного с русским [132]. На наш взгляд, это могло быть связано все с той же путаницей сословных и национальных маркеров, в рамках которой «малороссами» называли коренных крестьян, имевших более высокий статус, чем иногородние-«русь». Уже после присоединения Таганрогского округа к Украине жители некоторых поселений жаловались на незнание украинского языка, ставшего для них официальным [133].

Хотя сторонники присоединения Таганрогского и части Донецкого округов к Украине обращали большее внимание на политические и экономические факторы данного процесса, существовали и попытки обосновать его и историческими причинами. При этом наблюдались многочисленные искажения действительности. В частности, представители Таганрогского исполкома утверждали, что за период 1897–1923 гг. доля украинского населения в Таганрогском округе возросла на 24 % (с 53 % населения до 77 %) [134]. Однако ссылка делалась на всероссийскую перепись 1897 г., где указывалась не национальность, а родной язык. По данным переписи 1923 г., как мы упомянули выше, по-украински говорило только 44,6 % населения Таганрогского округа, т.е. доля украиноязычного населения в 1897–1923 гг. не только не возросла, но и существенно сократилась. Как мы показали, происходила не «естественная украинизация» Таганрогского округа, на которой настаивал Таганрогский исполком, а его «естественная русификация», происходившая помимо правительственных решений. Столь же некорректным являлось и утверждение о том, что коренное население Таганрогского округа составляют потомки запорожских казаков и только некоторые станицы заселялись русским казачеством [135]. Напомним, что и дореволюционные авторы, и современные исследователи сходятся в том, что Миусский округ осваивался в основном пришлыми малороссами, как казаками, так и беглыми

крестьянами, а не потомками местных запорожцев. Большая их часть пришла в эти земли уже после передачи их донской старшине, т.е. даже позже донских казаков.

На наш взгляд, попытки объявить территорию бывших Миусского и частично Донецкого округов как исконно украинской, так и исконно казачьей землей основываются на неверных предположениях. Казаки и малороссы осваивали их совместно, в рамках того процесса, который И.А. Ревин назвал «агроколонизацией». Сотрудничество русского и украинского народов при освоении этих земель было настолько тесным, что в настоящее время невозможно провести некую «исторически бесспорную» границу. Как мы показали, почти все коренное население этих земель являлось малороссийским, однако к началу XX в. было сильно русифицировано, а термин «малоросс» означал не только этническую, но и сословную категорию. Таким образом, в зависимости от методологических установок исследователя или политической конъюнктуры население Таганрогского и части Донецкого округов начала XX в. может рассматриваться и как русское, и как украинское. На наш взгляд, споры на этот счет бесперспективны, и более обоснованным представляется подход, признающий изначально смешанный характер освоения этих земель и тесной связи народов в ходе этого процесса.

Примечания:

1. Тикиджьян Р.Г. Система трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 546.
2. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М.: Щербинская типография, 2007. 60 с.
3. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9). Is. 3. P. 204–219.
4. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 (Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, *Russkii Arkhiv*) // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10). Is. 4. P. 288–295.
5. Кринок Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 44–48.
6. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
7. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М.: Типография М.П. Щепкина, 1885. С. XXVIII.
8. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Генерального штаба, 1863. С. 230.
9. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб.: Военная типография, 1870. С. 51.
10. Область войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1879. С. 420.
11. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 2–3.
12. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского. [Б.м.]: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1905. С. 78.
13. Карасев А.А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск: Тип. газеты «Донской вестник», 1867. С. 69–121.
14. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского...
15. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 80 с.
16. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права...
17. Краснов С.Ю. Наказание виновных по обычному праву донских казаков во второй половине XIX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 126–143.
18. Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. Ростов н/Д: Изд-во: СКНЦ ВШ, 2005. 188 с.

19. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882) // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 49–58.
20. Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882–1917 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. №4. С. 51–59.
21. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.) // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы всероссийской заочной научно-практической конференции. Краснодар: Традиция, 2012. С. 138–140.
22. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
23. О утверждении в войске Донском новой казачьей станицы на урочище кривой Косы на берегу Азовского моря. № 23 368, 4 июля 1849 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXIV. Отд. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. С. 368–369.
24. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 73.
25. Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г...
26. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: Типография управления артиллерии В.В.Д., 1919. С. 497.
27. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 72–74.
28. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 73.
29. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 25.
30. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2005. С. 15–21.
31. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 77.
32. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 193–194.
33. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 72–77.
34. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 193–194.
35. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 82.
36. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 32.
37. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 29. № 4. С. 18.
38. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 226. Оп. 19. Д. 691. Л. 28–35.
39. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов)... С. 17.
40. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 79.
41. Марков К.В. Крестьяне на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета. Вып. XIII. Новочеркасск: Войсковая типография, 1915. С. 87–89.
42. Марков К.В. Крестьяне на Дону...
43. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 3. Новочеркасск: тип. А.А. Карасева, 1894. С. 219.
44. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 221.
45. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным...
46. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 222.
47. Ревин И.А. Социально-исторический статус неказачьего населения станиц войска Донского (по материалам актов донских церквей 1763–1868 годов)... С. 18.
48. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным... С. 223.
49. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 83.
50. Карасев А.А. Донские крестьяне...
51. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 84–85.
52. Перегятыко А.Ю. Искусственное сохранение сложившегося уклада донского казачества в 1860 гг.: проблемы и достижения // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 97–104.
53. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 83–89.
54. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 89.
55. Карасев А.А. Донские крестьяне...

56. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 19–21.
57. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 88–89.
58. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска... С. 16–17, 77–80.
59. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 199.
60. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 228.
61. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 88.
62. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 19–21.
63. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 230.
64. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 32–33.
65. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
66. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 31.
67. Агафонов А.И. Донская дворянская геральдика // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. С. 83.
68. Савельев Е.П. Очерки по истории торговли на Дону. Новочеркасск: Тип. В.И. Бабенко, 1904. С. 36.
69. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 199.
70. Ревин И.А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период... С. 20–23.
71. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 85–88.
72. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 34.
73. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 13. № 3. С. 14.
74. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 231–232.
75. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы)... С. 16.
76. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860–1870-е годы)... С. 17.
77. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 85–86.
78. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 86.
79. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 103–104.
80. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 109.
81. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 113.
82. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 110.
83. Карасев А.А. Донские крестьяне... С. 86.
84. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска... С. 49.
85. Агафонов А.И. Донская дворянская геральдика... С. 84.
86. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XXVIII.
87. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 78.
88. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 115.
89. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XXVII–XXVIII.
90. Тимощенко И.В. Урюпинская станица и прилегающие к ней местности // Труды областного Войска Донского статистического комитета, вып. 2. Новочеркасск: Типография Области Войска Донского, 1874. С. 9, 35.
91. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
92. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 44–45.
93. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
94. ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 677. Л. 135–136.
95. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
96. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права... С. XVIII.
97. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Изд. Обл. правления ОВД, 1884. С. 280.

98. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского... С. 280.
99. Х.И. Мысли казака о казачестве, по поводу современных слухов // Донские областные ведомости. 1863. № 20. С. 144–149.
100. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 9–10.
101. Перетягко А.Ю. Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. II. С. 122–125.
102. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.)... С. 139.
103. Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX – нач. XX в.)... С. 139.
104. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882)... С. 49–58.
105. Волвенко А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882–1917 гг.)... С. 51–59.
106. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 836. Л. 1.
107. Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864–1882)... С. 50–57.
108. РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 111.
109. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 116.
110. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 117.
111. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века... С. 117–118.
112. Перетягко А.Ю. Формирование казачьей идентичности во второй половине XIX века: ранняя стадия национального движения по схеме Мирослава Хроха... С. 123–124.
113. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1909. С. 478.
114. Пронштейн А.П., Гаврилова В.Е. Документы по истории Донского казачества (Обзор фонда Войскового штаба войска Донского) // Архивы – общественным наукам. Сборник обзоров, вып. 2. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 1981. С. 7.
115. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 507. Л. 96–100.
116. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского... С. 338.
117. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского... С. 338–339.
118. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
119. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
120. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского... С. 78.
121. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
122. Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. Область Войска Донского... С. 48–49.
123. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского... С. 216.
124. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 48–49.
125. Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим... С. 58–59.
126. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)... С. 83.
127. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)... С. 85.
128. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. (1909–1914)...
129. А.Г. Казачий национализм // Голос казачества. 1912. № 35.
130. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. (1909–1914)... С. 204–205.
131. Холмский С.А. Выборы в казачестве // Голос казачества. 1912. № 47. С. 518.
132. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
133. Кринко Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. С. 47.
134. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.
135. Галкин Ю. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области... С. 22.

References:

1. Tikidzhyan R.G. Sistema transformatsii donsogo kazachestva v sisteme rossiyskogo yugovostochnogo pogranchya v 16–20 vv. // Granitsy i pogranchye v yuzhnorossiyskoy istorii: materialy

- Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.). Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2014. S. 546.
2. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossii i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti. M.: Scherbinskaya tipografiya, 2007. 60 s.
 3. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (9). Is. 3. P. 204–219.
 4. Krinko E.F., Medvedev M.V. “...To Elect a Parity Commission”: Documents about the Transfer of Taganrog and Shakhty Districts to the RSFSR in 1924–1925 (Ending. Beginning in issue 3 (9), 2015, *Russkii Arkhiv*) // *Russkii Arkhiv*. 2015. Vol. (10). Is. 4. P. 288–295.
 5. Krinko E.F. Formirovanie rossiysko-ukrainskoy granitsy v Priazovye i Donbasse v 1920–1924 gg. // *Strategicheskoe planirovanie v polietnichnom makroregione v usloviyakh neravnomernogo razvitiya i rosta napryazhennosti: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 3–4 oktyabrya 2013 g.) / otv. red. G.G. Matishov*. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2013. S. 44–48.
 6. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossii i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
 7. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M.: Tipografiya M.P. Schepkina, 1885. S. XXVIII.
 8. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo. SPb.: Tip. Generalnogo shtaba, 1863. S. 230.
 9. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska. SPb.: Voennaya tipografiya, 1870. S. 51.
 10. Oblast voyska Donskogo po perepisi 1873 goda. Vyp. 1. Novoherkassk: Oblastnaya Voyska Donskogo tipografiya, 1879. S. 420.
 11. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVA). F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 2–3.
 12. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo. [B.m.]: Tip. kn. V.P. Mescherskogo, 1905. S. 78.
 13. Karasev A.A. Donskie krestyane // *Trudy Donskogo Voyskovogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. I. Novoherkassk: Tip. gazety “Donskoy vestnik”, 1867. S. 69–121.
 14. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo...
 15. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim. Novoherkassk: Donskaya eparkhialnaya tipografiya, 1917. 80 s.
 16. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava...
 17. Krasnov S.Yu. Nakazanie vinovnykh po obychnomu pravu donskikh kazakov vo vtoroy polovine XIX veka // *Kazachestvo: proshloe i nastoyashee*. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. S. 126–143.
 18. Revin I.A. Stanovlenie krestyanskogo sosloviya na Donu i v Priazovye: vtoraya polovina 18 v. – 1861 g. Rostov n/D: Izd-vo: SKNTs VSh, 2005. 188 s.
 19. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882) // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 1998. № 1. S. 49–58.
 20. Volvenko A.A. Vosstanovlenie Donskogo zemstva: upuschennyye vozmozhnosti (1882–1917 gg.) // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 2003. № 4. S. 51–59.
 21. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovo kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.) // *Rossiyskoe kazachestvo: istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya: materialy vserossiyskoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar: Traditsiya, 2012. S. 138–140.
 22. Kornienko B.S. Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914). SPb.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2013. 232 s.
 23. O utverzhdenii v voyske Donskom novoy kazachey stanitsy na urochische krivoy Kosy na beregu Azovskogo morya. № 23 368, 4 iyulya 1849 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobranie II. T. XXIV. Otd. I. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1851. S. 368–369.
 24. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 73.
 25. Revin I.A. Stanovlenie krestyanskogo sosloviya na Donu i v Priazovye: vtoraya polovina 18 v. – 1861 g...
 26. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo. Novoherkassk: Tipografiya upravleniya artillerii V.V.D., 1919. S. 497.
 27. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 72–74.
 28. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 73.
 29. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 25.
 30. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformennyy period: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novoherkassk, 2005. S. 15–21.
 31. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 77.
 32. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 193–194.

33. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 72–77.
34. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 193–194.
35. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 82.
36. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 32.
37. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2009. Vyp. 29. № 4. S. 18.
38. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (dalee – GARO). F. 226. Op. 19. D. 691. L. 28–35.
39. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov)... S. 17.
40. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 79.
41. Markov K.V. Krestyane na Donu // Sbornik Oblasti voyska Donskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 13. Novocherkassk: Voyskovaya tipografiya, 1915. S. 87–89.
42. Markov K.V. Krestyane na Donu...
43. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym. T. 3. Novocherkassk: tip. A.A. Karaseva, 1894. S. 219.
44. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 221.
45. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym...
46. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 222.
47. Revin I.A. Sotsialno-istoricheskiy status nekazachego naseleniya stanits voyska Donskogo (po materialam aktov donskikh tserkvey 1763–1868 godov)... S. 18.
48. Akty, odnosyaschiesya k Istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A.A. Lishinym... S. 223.
49. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 83.
50. Karasev A.A. Donskie krestyane...
51. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 84–85.
52. Peretyatko A.Yu. Iskusstvennoe sokhranenie slozhivshegosya ukлада donskogo kazachestva v 1860 gg.: problemy i dostizheniya // Nauchnaya mysl Kavkaza. 2014. № 3. S. 97–104.
53. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 83–89.
54. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 89.
55. Karasev A.A. Donskie krestyane...
56. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 19–21.
57. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 88–89.
58. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska... S. 16–17, 77–80.
59. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 199.
60. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 228.
61. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 88.
62. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 19–21.
63. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 230.
64. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 32–33.
65. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
66. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 31.
67. Agafonov A.I. Donskaya dvoryanskaya geraldika // Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashee. Rostov n/D: YuNTs RAN, 2010. S. 83.
68. Savelyev E.P. Ocherki po istorii trgovli na Donu. Novocherkassk: Tip. V.I. Babenko, 1904. S. 36.
69. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 199.
70. Revin I.A. Krestyanstvo Dona i Priazovya v doreformenny period... S. 20–23.
71. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 85–88.
72. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 34.
73. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi “velikikh reform” (1860–1870-e gody) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2014. T. 13. № 3. S. 14.
74. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 231–232.

75. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi "velikikh reform" (1860–1870-e gody)... S. 16.
76. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitelstvennoy politike epokhi "velikikh reform" (1860–1870-e gody)... S. 17.
77. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 85–86.
78. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 86.
79. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 103–104.
80. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 109.
81. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 113.
82. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 110.
83. Karasev A.A. Donskie krestyane... S. 86.
84. Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voyska... S. 49.
85. Agafonov A.I. Donskaya dvoryanskaya geraldika... S. 84.
86. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XXVIII.
87. Peretyatko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voyska Donskogo vo vtoroy polovine 19 v. Rostov n/D: SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 78.
88. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka // Kazachestvo: proshloe i nastoyashee. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000. S. 115.
89. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XXVII–XXVIII.
90. Timoschenkov I.V. Uryupinskaya stanitsa i prilegayushchie k ney mestnosti // Trudy oblastnogo Voyska Donskogo statisticheskogo komiteta, vyp. 2. Novocherkassk: Tipografiya Oblasti Voyska Donskogo, 1874. S. 9, 35.
91. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
92. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 44–45.
93. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
94. GARO. F. 338. Op. 2. D. 677. L. 135–136.
95. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
96. Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obschinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava... S. XVIII.
97. Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voyska Donskogo. Novocherkassk: Izd. Obl. pravleniya OVD, 1884. S. 280.
98. Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Voyska Donskogo... S. 280.
99. Kh.I. Mysli kazaka o kazachestve, po povodu sovremennykh slukhov // Donskie oblastnye vedomosti. 1863. № 20. S. 144–149.
100. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 9–10.
101. Peretyatko A.Yu. Formirovanie kazachey identichnosti vo vtoroy polovine 19 veka: rannyya stadiya natsionalnogo dvizheniya po skheme Miroslava Khrokha // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 10. Ch. 2. S. 122–125.
102. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovoe kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.)... S. 139.
103. Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voyskovoe kazachye soslovie (19 – nach. 20 v.)... S. 139.
104. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882)... S. 49–58.
105. Volvenko A.A. Vosstanovlenie Donskogo zemstva: upuschnyye vozmozhnosti (1882–1917 gg.)... S. 51–59.
106. GARO. F. 55. Op. 1. D. 836. L. 1.
107. Volvenko A.A. Zemskaya reforma v Oblasti voyska Donskogo (1864–1882)... S. 50–57.
108. RGVIA. F. 330. Op. 1. D. 111.
109. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 116.
110. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 117.
111. Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposcheniya kazakov v 19 – nachale 20 veka... S. 117–118.
112. Peretyatko A.Yu. Formirovanie kazachey identichnosti vo vtoroy polovine 19 veka: rannyya stadiya natsionalnogo dvizheniya po skheme Miroslava Khrokha... S. 123–124.
113. Krasnov P.N. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. SPb.: Tovarischestvo Golike i Vilborg, 1909. S. 478.
114. Pronshteyn A.P., Gavrilova V.E. Dokumenty po istorii Donskogo kazachestva (Obzor fonda Voyskovogo shtaba voyska Donskogo) // Arkhivy – obschestvennym naukam. Sbornik obzorov, vyp. 2. Rostov-na-Donu: [B.i.], 1981. S. 7.
115. RGVIA. F. 970. Op. 3. D. 507. L. 96–100.

116. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo... S. 338.
 117. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Voyska Donskogo... S. 338–339.
 118. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
 119. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 120. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo... S. 78.
 121. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 122. Pervaya vseobschaya perepis naseleniya, 1897 g. Oblast Voyska Donskogo... S. 48–49.
 123. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo... S. 216.
 124. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 48–49.
 125. Savelyev E.P. Krestyanskiy vopros na Donu v svyazi s kazachim... S. 58–59.
 126. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)... S. 83.
 127. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)... S. 85.
 128. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. (1909–1914)...
 129. A.G. Kazachiy natsionalizm // Golos kazachestva. 1912. № 35.
 130. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. (1909–1914)... S. 204–205.
 131. Kholmский S.A. Vybory v kazachestve // Golos kazachestva. 1912. № 47. S. 518.
 132. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
 133. Krinko E.F. Formirovanie rossiysko-ukrainskoy granitsy v Priazovye i Donbasse v 1920–1924 gg. S. 47.
 134. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.
 135. Galkin Yu. Sbornik dokumentov o pogranichnom spore mezhdru Rossiei i Ukrainoy v 1920–1925 gg. za Taganrogsko-Shakhtinskuyu territoriyu Donskoy oblasti... S. 22.

УДК 93/94

**Русские и украинцы на территории Области Войска Донского в 1763–1917 гг.:
 предыстория раздела Донецкого и Таганрогского округов между РСФСР и УССР**

Артем Юрьевич Перетяtko

Дом детского творчества Железнодорожного района
 города Ростова-на-Дону, Российская Федерация
 344101, Ростов-на-Дону, улица Верещагина, 10
 Кандидат исторических наук
 E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена предыстории передачи части западных округов ОВД в 1920-е гг. в состав УССР. На основании анализа многочисленных свидетельств современников, а также литературы о крестьянской колонизации Дона автор делает вывод, что на этих территориях с XVIII в. преобладало малороссийское население. В то же время донские крестьяне-малороссы были в значительной степени ассимилированы, а сам термин «малоросс» стал означать не только этноним, но и сословную принадлежность к коренному крестьянству, в том числе и великорусскому. В статье анализируются и те аспекты русско-украинских отношений на Дону, которые носили общий характер, в частности, о причинах более позитивного отношения казаков к малороссам, чем к великороссам. Результатом исследования являются выводы о том, что для ОВД была характерна путаница этнических и сословных маркеров, о том, что обострение межэтнических отношений на Дону произошло только в 1870-е гг., и о том, что территория западных округов осваивалась в предшествующий период при тесной кооперации казаков и малороссов. В подобных условиях, по мнению автора, проведение исторически бесспорной границы между Россией и Украиной на бывшей территории ОВД в принципе невозможно.

Ключевые слова: Донецкий округ, казаки, казачий национализм, малороссы, межэтнические отношения, Миусский округ, Область Войска Донского, русские, Таганрогский округ.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 283–295, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.283
www.ejournal15.com

UDC 94(47).571.1

Trade and Market Position of the Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – the Early 20th Centuries

Igor S. Tomilov

Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation
15, Y. Osipov Street, Tobolsk, Tyumen Region, 626152
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Abstract

Trade is a kind of practical expression of effective development of economy, a reflection of its performance. The change in commodity circulation, export and import, financial institutions, the number of wholesale and retail locations for sales and some other indicators provide the basis to judge the rise or fall of agricultural and industrial characteristics, as well as to assess the level of welfare of the population. This article attempted to review the trading and market condition in the Tobolsk province in the second half of 19th – early 20th centuries. This period saw the approval of a new stage of social development that gave impetus to economic development of the whole country and its separate regions. The study, based on analysis of archival, statistical, economic and other data, will reflect the dynamics of important factors and elements of trade in the province of Tobolsk with expansion of transport infrastructure, the change of export-import balance, expanding of the fair network, the growth of credit and banking sector among them. Altogether, the obtained results allow to judge the nationwide impact of industrial growth on the development of the retail industry in the region under study in the designated time frame.

Keywords: Tobolsk region, trade, city, market, bank, lines of communication.

Введение

Развитие капиталистических отношений во второй половине XIX – начале XX вв. способствовало формированию единого общероссийского рынка, в составе которого с течением времени оказалась и сибирская сеть. Расширение внутреннего рынка стало возможным благодаря росту торгово-промышленного (в первую очередь городского) населения, импульсами для развития торговли являлись интенсивное усиление товарно-денежных отношений, начавшиеся процессы разложения патриархального крестьянского быта, а также значительное увеличение доли промыслов и товарного земледелия. Настоящая работа посвящена рассмотрению динамики названных процессов в Тобольской губернии.

Материалы и методы

В качестве исторических материалов в работе используются сведения из статистических изданий, экономических обзоров, архивных данных. Теоретические

и методологические основы исследования связаны с теорией общественного быта. В основу исследования заложены принципы исторического познания: историзм, комплексность, объективность и научная достоверность. Системный подход в рамках данного исследования находит применение при анализе торговли и рынка как единого комплекса со взаимосвязанными компонентами. Сложность изучаемого объекта, не позволяющая провести исследование в рамках только исторической науки, обуславливает использование междисциплинарного подхода, наработок в области социологии, политологии, демографии, культурологии и других дисциплин.

Метод периодизации используется для выявления изменений объекта (торгово-промышленное положение губернии) во времени, при установлении условий и моментов его трансформации. При обработке количественных данных потребовалось привлечь статистические методы (группировку, составление статистических таблиц, вычисление средних значений, показателей вариации и т.д.).

Обсуждение

Основным сухопутным путем, соединявшим Сибирь с европейской частью России, считался так называемый Московский (Сибирский) тракт. По сути, до середины XIX в. это была единственная крупномасштабная трасса для пассажирско-грузового потока. К 1850–1860-м гг. относится возникновение пароходства в бассейне реки Оби, крупнейшей артерии Западной Сибири. В Обь-Иртышской системе начали работу товарищества пароходовладельцев Рязанова, Поклевского, Решетникова и др. К началу 1860-х гг. по рекам региона ходило свыше 20 пароходов и мелких судов, которые принадлежали различным частным компаниям. К середине 1880 гг. их число возросло до 57, к 1892 г. достигло 102 [1]. Проведенная несколько позднее Сибирская железная дорога фактически нивелировала торговое значение главного сухопутного тракта и в значительной мере подорвала позиции водной навигации. Так, только в 1901 г. в Тюмени 12 пароходов было пришвартовано у пристани на постоянную стоянку из-за недобора пассажиров и грузов, часть судов была переведена на реку Иртыш. В результате этих изменений крупнейшее общество края – «Товарищество Западно-Сибирского пароходства» – понесло огромные потери вследствие простоя своих судов. На территории районов, обделенных железной дорогой и пароходным сообщением, были проложены почтовые тракты. Летом проезд по таким грунтовыми дорогам являлся относительно удобным и беспрепятственным, но с наступлением осенне-зимнего и весеннего периодов движение становилось затруднительным, а зачастую – вообще невозможным.

Этот фактор играл важную роль как в торговом и пассажирском обороте внутри Тобольской губернии, так и в сообщении края с другими регионами страны. В лесистых районах отсутствовали даже такие дороги: передвижение здесь осуществлялось посредством малоизвестных вьючных троп, а в тундровой местности оно было возможно лишь с выпадением снежного покрова и установлением зимника.

Ввиду отсутствия (вплоть до конца XIX в.) железных путей, неблагоустроенности существующих дорог и нехватки иных путей сообщения, а также в силу оторванности от крупных европейских центров России, огромное значение в Тобольской губернии имела ярмарочная (иначе – торжковая, развозная или базарная) торговля. К началу XX в. роль многих традиционных торжков изменилась: часть городов утратила свое торговое значение, одновременно ряд сельских поселений обогнал по промышленно-торговой деятельности некоторые из городских населенных пунктов. Органы общественного самоуправления были обязаны, согласно городским положениям 1870 и 1892 гг., содействовать торгово-промышленному развитию вверенного им муниципалитета и поэтому стремились содействовать организации и проведению ярмарок: выделяли земельные участки для размещения торговцев и их продукции, предоставляли в аренду палатки и лавки, устанавливали правила осуществления товарооборота, определяли время и дату предстоящих торжков и т.д. Рассмотрим подробнее, как складывалась ярмарочная торговля в конкретных населенных пунктах Западной Сибири.

Занятия населения Тобольского округа были смешанными – от рыболовства и звероловства до хлебопашества и скотоводства, что сказывалось на развитии товарооборота. Если с XVII и до первой половины XIX в. Тобольск имел в Сибири

главенствующее торговое значение, то к началу XX в., благодаря постройке Сибирской магистрали, остался в стороне от оживленных трасс и лишился прежнего преимущества.

Уже с 1860-х гг. современники констатировали весомое падение в городе оборотов торговли, уровня промышленности, состояния почтового сообщения, а также фиксировали отсутствие значительных финансовых капиталов. В середине XIX в. официально в Тобольске было зарегистрировано 24 промышленных заведения. Торговые отношения губернского центра, прежде всего, были ограничены территорией самого округа и северными районами, торгово-промышленная жизнь постепенно смещается к югу. Торговый оборот крупной Троицкой ярмарки к началу XIX в. достигал 100 тыс. руб., к началу 1860-х гг. этот показатель упал в 5 раз. Другой знаменитый местный торжок – Михайловский – в это же время набирал до 50 тыс. руб. оборотного капитала, к 1900 г. – не более 8 тыс. Кризис в оптовой торговле Тобольска был вызван его дистанцированностью от южных маршрутов, на севере губернии функционировали местные небольшие торжки, в целом удовлетворявшие все потребности местных жителей.

Наряду с этим еще в 1830-х гг. город отдал в Омск целый ряд рычагов административно-столичного (гражданского) и военного управления Западной Сибири. Это обстоятельство также не способствовало интенсификации его экономической жизни – поток представителей торговых кругов, направлявшийся ранее в Тобольск, теперь стремился в Омск. Вдобавок город оказался вне системы ведущих сухопутных артерий края. «Отсюда тогда погнало народ нарядный как помелом в Омск... В Тобольске стало просторно и тихо...» [2]. Столица губернии все больше воспринималась как духовный, исторический центр, «памятник былых побед» и все в меньшей мере – как административно-экономический оплот. Тем не менее он продолжал находиться в лидерах по темпам роста розничной торговли, а также оставался сырьевой базой видных рыбопромышленников, обеспечивая рыбные промыслы в Нижнем Приобье требующимися рабочей силой и оборудованием. К началу 1890-х гг. в Тобольске насчитывалось около 4,3 тыс. лошадей, почти 3 тыс. голов крупного рогатого скота и порядка 900 голов другого скота. Часто домохозяева занимались огородничеством, выращивая продукты как для собственного употребления, так и для реализации [3].

Гораздо успешнее шло развитие ярмарочно-торжковой торговли в Тюмени. Здесь в период навигации начинался (по Туре, затем – Тоболу и Оби) путь до Томска, издавна через Тюмень проходил важнейший Московско-Сибирский тракт. Уже в 1885 г. город был соединен с Пермью железнодорожной веткой, продолжая динамично развиваться и имея многообещающий потенциал. Пересечение различных путей способствовало развитию извозного промысла, ремесла и мелкой промышленности. Широкую известность получили тюменские кожа и ковры, судостроение. В 80-х гг. XIX в. был основан местный писчебумажный завод, внесший весомый вклад в развитие сибирской промышленности. По численности активных представителей торгово-промышленных кругов Тюмень находилась на первых позициях в Западной Сибири.

Тюменские ярмарки, возникшие еще в первой половине XIX в., первоначально имели небольшие обороты ввиду влияния расположенной рядом Ирбитской ярмарки. Но, являясь перевалочным пунктом для импортируемой продукции из европейской части России, а также благодаря развитию солидного парка парохозяйства, растущей предприимчивости населения и выгодному соседству с перспективным Уралом, Тюмень фактически превратилась в центр ярмарочной торговли региона: крупнейшие Васильевская, Ильинская, Спасская ярмарки во второй трети XIX в. имели стабильный оборот порядка 1 млн руб. Позднее благоприятно отразилось на развитии местного торжкового дела проведение Уральской и Сибирской железных дорог: значительно выросли торговые обороты тюменских ярмарок и, наоборот, упали показатели Ирбитской – в Сибирь выгоднее стало ввозить товары, минуя Ирбит. К концу XIX в. через Тюмень проходило уже до 3/4 всех торговых грузов, отправляемых по рекам Западной Сибири [4].

Во второй половине XIX в. заметное место в развозном товарообороте занял Ишим. Город был расположен в районе, благоприятном для занятия скотоводством и земледелием [5]. Ежегодно он принимал Никольскую ярмарку, одну из известнейших в Сибири, на которую в период расцвета съезжалось до 2 тыс. купцов (в т.ч. из Москвы, Таганрога, Одессы и др.), а также 2 постоянные местные. За 3 десятилетия (1853–1884) официальный

товарооборот Никольской ярмарки увеличился почти в 10 раз – с 537 тыс. до 6,1 млн руб. (без учета так называемой возовой продажи, подсчет показателей которой невозможен). В первую очередь Ишим служил пунктом сбыта продуктов скотоводства (масла, сала, кожи, мехов и др.), сдаваемых населением степных районов. Вплоть до середины XIX в. по р. Ишим сплавлялся лес из северных районов губернии, однако возведение громоздких водяных мельниц и засорение русла жителями в конце концов привели к невозможности использования в дальнейшем навигационного потенциала реки [6].

К таким же оживленным торгово-промышленным городам губернии относился Курган. Здесь начинался путь по судоходному Тоболу, интенсивно реализовывались продукты скотоводства и земледелия (зерно, хлеб, сало, мука и т.д.). В начале 1860-х гг. в черте города было размещено 17 заведений промышленно-заводского типа, в большинстве своем с салотопленным производством. Среди крупных можно отметить крупчатый завод Вагина, который своими вспомогательными постройками существенно мешал нормальному судоходству по Тоболу. Современники отмечали малоэффективное использование местных водных ресурсов: углубление и очищение реки позволило бы осуществлять доставку необходимых товаров в больших объемах и на более дальние расстояния, вплоть до Березовского и Туринского округов, и обратно в южные районы – деревянные изделия и лес [7]. В середине XIX в. в Кургане проходило 3 регулярные ярмарки (Рождественская, Дмитриевская и Алексеевская) с общим товарооборотом более 400 тыс. руб. В целом в Курганском округе проводилось около 8 ярмарок, набравших оборотов до 700 тыс. руб. в денежном эквиваленте.

К числу малых торговых городов локального значения относился Ялуторовск. Находясь в благоприятном в плане земледелия районе, город играл большую роль для аграриев и весомо способствовал продаже их продукции. Вместе с территорией округа Ялуторовск размещался в зоне роста строевого леса. В силу этого местное население активно занималось производством разных деревянных товаров и строительством добротных жилищ. Уезд принадлежал к центрам сельской ярмарочной торговли: к исходу 1850-х гг. обороты 32 торжков (из них 4 – в самом окружном городе) достигли 2,3 млн руб. В основном здесь реализовывались продукты растениеводства и животноводства, деревянная мебель, посуда, домашняя птица и др. Огромное значение имели кожевенные и салотопленные заводы. Однако по качеству выпускаемой продукции они отставали от аналогичных предприятий соседних регионов Сибири. Такой поток базарного люда позволял современникам событий считать Ялуторовск лидером по «торговому духу» и малой промышленности, во всяком случае, до начала интенсивного развития его ближайших соседей и строительства сибирской железной дороги. Техническое переоснащение производственных мощностей включало на тот момент до 700 ветряных и 200 водяных мельниц.

Туринский округ был расположен среди непроходимых болот и лесов, поэтому испытывал недостаток в пахотных землях. В силу этого основными занятиями его жителей являлись сбор дикоросов, рыболовство и звероловство. Местная ярмарочная торговля не достигла масштабов южных районов. Тем не менее она позволяла в достаточной мере удовлетворять потребности окрестного населения. В середине XIX в. из 9 небольших, но регулярных торжков 1 приходился на окружной Туринск, а их суммарный торговый оборот перманентно не превышал 100 тыс. руб. Ранее через Верхотурье проходил оживленный московско-сибирский тракт, с течением времени сместившийся южнее – на Тюмень и Екатеринбург. Таким образом, ко второй половине XIX в. значимые коммерческие пути прошли мимо Туринского края и не могли заметно стимулировать его промышленное развитие. Туринск был знаменит золотошвейным мастерством, старинной школой иконописи, а также мелкими слесарно-железными изделиями, отличавшимися довольно высоким качеством. Что же касается промышленности, то в 1850-е гг. в городе насчитывалось до 15 мыловаренных, свечных и прочих предприятий.

Сургут и Березов являлись административными центрами самых обширных, но малолюдных округов региона. Свои регулярные ярмарки в исследуемый период имели Сургут и Обдорск. Здесь участие в торговле продуктами собирательства, охоты, оленеводства и рыболовства активно принимали инородцы. Заметное место занимала Обдорская ярмарка, собиравшая в годы расцвета до 10 тыс. человек, в основном – представителей

коренных народов Тобольского Севера. Характерной особенностью торжка было то, что товары доставлялись заранее, где-то за несколько месяцев до открытия. Русские торговцы на ярмарку привозили посуду, табак, муку и пр. и бартерно обменивали их у инородцев (почти без задействования денег) на одежду, шкуры зверей, кость мамонта и т.д. Совокупный оборот находился в границах 50–200 тыс. руб. и по причине падения цен к концу XIX в. снизился в несколько раз. Еще 3 ярмарки получили известность в сельской местности северных округов губернии.

Специфическими чертами северной ярмарочной торговли являлись: преимущественно меновой характер, невысокое качество относительно дорогих привозных товаров, монополизм крупных предпринимателей, спаивание и повсеместное закабаление коренного населения (как правило в период торгов). Основными занятиями местного населения были охота и рыболовство, фактически остававшиеся единственными на протяжении практически всего имперского периода. В силу разных факторов здесь не получила развитие промышленность: отсутствовали предприятия фабрично-заводского типа, исключая несколько рыболовных отделений. Однако добыча рыбы не считалась в полной мере эффективной: рыбопромышленники использовали далеко не все преимущества природного сырья. Так, по свидетельству очевидца, «если бы муксуна умели готовить здесь, как голландскую сельдь, он бы вытеснил эту последнюю с Ирбитского рынка и нашел бы огромный сбыт не только в Сибири, но и в России» [8].

Аналогичные трудности испытывал и звероловный промысел (слабое развитие отрасли и хищнический способ ловли). Среди других слабоиспользуемых промыслов северного края значились забой морского зверя и морское (приморское) рыболовство. Для развития этих отраслей не имелось в достаточном количестве специальных судов и снастей, а короткий навигационный период не позволял выйти на промыслы и вернуться обратно до наступления ненастья. В целом Тобольский Север на рубеже веков, даже с началом экономического подъема, не был охвачен промышленным производством, повседневность обывателей во многом сохраняла традиционно-патриархальные черты [9].

Тара являлась центром подтаежного Прииртышья. В оценке современников округ представлялся как «счастливое соединение всех достоинств этого интересного края – отражение всей Тобольской губернии» [10]. Своеобразным ремеслом района считалось пчеловодство. Наряду с этим край славился звериными и рыбными промыслами, липовыми лесами, а благодаря мягким почвенно-климатическим условиям содействовал развитию скотоводства и хлебопашества. В силу этих обстоятельств округ у современников получил наименование «сибирской Австралии». Однако положение уезда не способствовало развитию товарного земледелия, отсутствие собственного производства – установлению торговых связей с другими областями. Горожане, вследствие ограниченности земли, мало занимались хлебопашеством, считая более выгодным покупать продукты у сельского населения [11]. По сравнению с XVII–XVIII вв. значение торговли здесь, как и в губернском городе, постепенно падало: Тара оказалась оторвана от Большого Сибирского тракта; в результате этого существенно снизились рынок и объемы торговли, находившейся «в подчинении от таких центров торговли, как Ишим и Курган» [12]. Поэтому все чаще тарские предприниматели переносили свое дело в другие, более многообещающие районы страны. Местное население товары получало через город, а 4 здешние ярмарки (Екатерининская, Рождественская, Соборная, Тихвинская) удовлетворяли нужды обывателей Тары и сельской округи. К началу XX в. они полностью ориентировались на обеспечение местных запросов, к 1897 г. оборот ярмарок достиг 43 тыс. руб., в 1915 г. – уже 140 тыс. руб.

Торговому развитию таких небольших городов, как Тара, содействовал рост численности переселенцев, оседавших в разных районах Западной Сибири. Так, только в 1907 г. на территорию Тобольской губернии переселилось до 27 тыс. жителей Европейской России. Появление новых и эволюция старожильческих поселений в крае служили характерным показателем относительного успеха переселенческой политики и сельскохозяйственной колонизации сибирских земель в пореформенное время [13]. Вследствие этого та же Тара становится своего рода торгово-распределительным пунктом, центром снабжения села продуктами и перевалочной базой для поставки товаров сельского хозяйства на региональные рынки. Также укреплению торгового значения города в течение

некоторого времени способствовало пароходство. Наряду с этим увеличивались обороты стационарных торговых заведений, среди них лидировали текстильные производители. Кроме них в Таре к рубежу веков, судя по документам, работали хозяева кожевенных заводов, бакалейных, винных и иных предприятий, действовали представители 6 всероссийских страховых обществ и городской общественной банк.

Промышленность в городе развивалась динамично. К 1858 г. в Таре числилось до 14 салотопленых, кожевенных и иных заведений с небольшим штатом (от 1 до 3 работников), за 5 лет их число увеличилось до 20. Важное место занимало винокурение: первые предприятия отрасли появились здесь уже в XVIII в. Во второй половине 1870-х гг. тарское производство обеспечивалось 19 промышленными заведениями (в т.ч. по 4 свечных, кирпичных и кожевенных, а также 1 стекольный) с общим штатом в 139 человек, округ включал 34 предприятия, на которых трудился 151 человек. Суммарная стоимость всей произведенной продукции 53 компаний Тарского уезда достигла 145 тыс. руб. К концу XIX в. товары одних только городских предприятий оценивались в 126 тыс. руб., объем продукции к 1915 г. вырос почти в 2,5 раза (326 тыс.). Однако локомотивов промышленности – крупных предприятий – в Таре было мало. К 1914 г. их насчитывалось всего 4: кожевенный завод П.В. Седелникова, пивоваренный Я.И. Ржиги, винокуренный А.И. Щербакова и Торговый дом Ахунова-Инаятова. Несмотря на внушительные природные запасы леса, тарские дельцы в области лесопромышленности активизировались лишь на рубеже веков. Торговые круги вывозили лес в другие районы, где его использовали для различных нужд: обрабатывали для изготовления изделий в последующем, заготавливали как сырье для дровяного отопления, использовали при производстве шпал для нужд строящейся железной дороги. Кустарничество продолжало играть важную роль в повседневности городских обывателей: к началу 60-х гг. XIX в. численность официально зарегистрированных ремесленников превысила 300 человек. Наибольшей популярностью пользовались тарские сапожники, кузнецы, стекольщики, мастера по дереву, плотники и пр. [14]. В целом современники событий считали экономическую жизнь в Таре довольно благополучной, способствующей улучшению состояния городского быта [15].

Основным занятием жителей Тюкалинского округа оставалось сельское хозяйство, распространению которого благоприятствовали климатические условия. В период подъема (начало XX в.) в уездном центре содержалось порядка 1,8 тыс. голов домашнего скота (в т.ч. 693 лошади, 689 голов крупного рогатого скота, 297 овец и др.) и множество домашней птицы [16]. В отношении промышленности Тюкалинск также отставал от лидеров тобольского региона: 6 кожевенных заводов и отчасти немногочисленные кузницы указывали на довольно слабое положение ремесленного дела. В справочных изданиях часто отмечали, что Тюкалинск «не имеет ни промышленного, ни торгового значения и, скорее, походит на большое село» [17]. К началу XX в., после уменьшения востребованности старого Сибирского тракта, снижается и торгово-промышленная значимость города. В период активной фазы проведения Транссибирской железной дороги общественность Тюкалинска неоднократно предпринимала попытки связать город веткой с возводимым путем Омск – Тюмень. Действительно, в случае реализации этот проект смог бы кардинально повлиять на улучшение местной экономики и социокультурного положения окружного центра, тем не менее он не был воплощен на практике.

Обобщая, отметим, что из 79 ярмарок, проводившихся в Тобольской губернии к 1861 г., почти четверть (19) приходилась на города. К 1895 г. число ярмарок значительно возросло (до 507), но количество городских при этом осталось практически без изменений (21). Однако, несмотря на уменьшение своего удельного веса, обороты городских базаров составляли более половины всех ярмарочных обращений края. Так, в 1858 г. 77 ярмарок Тобольской губернии (включая омские) аккумулировали в себе стоимость привезенных и реализованных товаров на сумму 7,3 млн руб. Из этого числа 3,6 млн (49 %) было набрано на 19 городских, к 1895 г. этот показатель увеличился до 9,1 млн. руб. (54 %) [18]. Эффективному развитию базарной торговли благоприятствовало выгодное географическое положение губернии, находившейся на транзитных путях посреди Европы и Азии. Существенную роль играл также посреднический товарооборот с соседними регионами. Наряду с этим, по сравнению с Томской губернией, Тобольская практически не ощутила отрицательного воздействия проводимой Кабинетом политики в направлении своих земель.

Согласно используемой общепринятой классификации, ярмарки по классу торговых оборотов (итоговая сумма привезенной или реализованной продукции в денежном эквиваленте) дифференцировались на мелкие (до 10 тыс. руб.), средние (от 10 до 100 тыс. руб.) и крупные (свыше 100 тыс. руб.). Среди деревенских базаров региона, чей денежный оборот превышал 1 млн руб. на протяжении длительного периода, выделялся Мокроусовский (Ялуторовский округ). Свыше 500 тыс. регулярного товарооборота набирали ярмарки в Курганском (с. Иковское), Ишимском (с. Абатское, с. Усть-Ламинское), Ялуторовском (с. Омутинское) уездах и др. [19]. На севере продолжала господствовать меновая (бартерная) форма торговых отношений.

Городская торговля занимала ведущее место в товарных отношениях. Для Тобольской губернии характерными были разные ее формы, наряду с ярмарочной, подробно рассматриваемой в данной статье, действовали магазинная, розничная, оптовая, экспортная, стационарная и др. Торговля осуществлялась как между городами, так и между городами и сельскими поселениями. Первые при этом являлись особыми коллекторами товаров и в то же время (но не всегда) – центрами уездной торговой сети. К 1858 г. в 42 населенных пунктах края (в т.ч. 12 городах, включая Петропавловск и Омск) ежегодно открывалось 75 ярмарок с совокупным оборотом в 7,3 млн руб.

К исходу XIX столетия губерния занимала абсолютное лидирующее положение в Сибири по уровню универсализации ярмарочной торговли: в крае официально было зарегистрировано 567 торжков (к примеру в Томской губернии насчитывалось только 68, Иркутской – 12, Енисейской – 13, Забайкалье – 3 и Якутской области – 5), чей совокупный денежный оборот превысил 10,3 млн руб. При этом общий оборот ярмарочной торговли Сибири достигал 33 млн руб. (25–35 %) [20]. К началу второго десятилетия XX в. годовой товарооборот только 13 городских ярмарок края превысил сумму в 23 млн руб.

В первую очередь успех базарной торговли зависел от степени урожайности сельскохозяйственных культур (этот показатель напрямую влиял на покупательскую способность населения), а также от конъюнктуры на крупнейших ярмарках страны (Ирбитская, Нижегородская) и положения внешней торговли России в тот или иной момент ее развития. Стоит также заметить, что ярмарки – это явление сезонное, и в иное время торгового оживления во многих городах не отмечалось.

Таким образом, руководствуясь географическим положением, существующим конъюнктурным спросом, а также занимаемым местом на рынке и потенциалом самой территории, можно определить три типа ярмарок, организованных в губернии в пореформенное и позднеимперское время. К первой категории относились торжки с узконаправленными специализированными товарами. Они располагались, как правило, в труднодоступных районах с компактным проживанием представителей коренного населения (например, Сургутская, Березовская ярмарки), где предпочтение отдавалось бартерной (меновый) форме товарных отношений: дикоросы, пушнина, рыба и другие продукты обменивались на продукцию промышленно-мануфактурного производства. В целом масштабы таких ярмарок были низкими (обычно, несколько десятков тыс. руб.).

Другой тип включал торги уездных и заштатных городов с традиционным универсальным характером торговли, имевшие местное сборно-распределительное значение (в Тобольске, Таре, Туринске). Малое участие в товарообмене между районами, суровые климатические условия обусловили традиционное относительно невысокое торговое развитие городов такого типа. Например, находившийся в болотисто-лесной местности Туринск был известен охотой и рыбной ловлей, стимулирующими в большей степени розничную торговлю, чем оптовую. Расположенная по соседству Ирбитская ярмарка была гораздо популярнее и представлялась более привлекательным местом для приезжих торговцев. В том числе и по этой причине оборот туринских базаров (Покровская, Престольная, Никольская и прочие ярмарки) был невысок, суммарно не превышая даже в период расцвета порога в 50–70 тыс. руб. Для Тары также было не свойственно массовое товарное производство: продукция из сырья лесных промыслов и скотоводства не отличалась разнообразием, не способствуя привлечению проезжающих предпринимателей. Весенняя, Вознесенская, Тихвинская, Екатерининская и некоторые иные тарские ярмарки также не отличались весомыми оборотами: к концу XIX в. в совокупности они составляли не более 23 тыс. руб. Местные торгово-промышленные круги, находившиеся в аналогичных

с туринскими коллегами условиях, стремились реализовывать и приобретать товары на более масштабных ишимских ярмарках.

Наконец, последнюю группу составляли торжки, организованные в южных районах с более мягкими климатическими условиями, плодородными почвами и хорошей урожайностью. Здесь стремительно возрастали воспроизводство животных и производительность растительных продуктов, нуждающихся в проведении обширных и регулярных торговых мероприятий. В связи с этим в отношении объемов часть местных городских поселений (Тюмень, Курган, Ялуторовск, позднее – Тюкалинск) были на порядок солиднее и «взрослее», нежели некоторые крупные сибирские и высокоразвитые города Европейской России. Одновременно некоторые установили прочные всероссийские и международные экономические связи, выйдя за пределы межрегионального и внутрисибирского рынков. Предлагаемая продукция пользовалась устойчивым и всевозрастающим спросом, что также благоприятствовало налаживанию новых торгово-промышленных контактов.

Таким образом, если центр губернии к концу XIX в. находился в упадке, то города – административные столицы сельскохозяйственных районов, – наоборот, получили стимул к расширению и с появлением вокруг них значимых деревенских ярмарок становились крупными экономическими пунктами. Торговые операции на малых торжках производились в массе своей в бартерной форме, крупные базары характеризовались оптовыми (партионными) сделками по сбыту продукции [21]. Выстроенный многоступенчатый товарооборот (местечковый – междуездный – межрегиональный – общероссийский) обеспечивал возрастающий темп роста оборотов продукции, определенную степень целостности тобольских рынков, а также развитие всероссийского рынка. Ярмарки заняли органичное место в торговле региона, однако значимыми из них стали лишь те, которые сумели приспособиться к растущей специализации хозяйства и адаптировались к появляющимся условиям рынка.

Разумеется, приведенные различные суммы товарооборота (привоза и реализации продукции) стоит считать условными. Это объясняется тем, что подсчет подобных показателей на практике трудоемок, а стоимость привезенного и сбытого товара является весьма непостоянной величиной, неподдающейся объективному учету. В силу этого относительность числовых значений является не более чем отражением значимости местной экономики в роли очередного рынка сбыта.

Органы городского самоуправления стремились стимулировать торговую деятельность. Одним из таких мероприятий стало учреждение в 1910 г. товарной биржи (или биржевого общества) в Тюмени (открылась в январе 1911 г.). Функциями нового учреждения стали: сосредоточение сделок по всем отраслям сельского хозяйства, торговли и промышленности; облегчение механизма взаимных сношений; предоставление актуальной информации о торговых параметрах продукции на рынке, включая отслеживание котировок цен; в ближайшей перспективе – содействие в упорядочении многоуровневой экономики. В реальности биржа также включала в себя круг обязанностей по посредничеству и представительству. Ввиду кратковременности работы сложно судить о степени ее влияния и вкладе в торгово-экономическое состояние края. Но очевидно, что это было знаковое событие для Тобольской губернии: как минимум один город смог достичь уровня сознательной и материальной зрелости, получив права единого торгового регулирования, которое обычно осуществлялось органами государственного управления (обороты торговли, пункт сосредоточения важных транзитных путей, уровень состояния финансово-кредитных учреждений, масштаб промышленного производства, приемы ведения дел и пр.).

Результаты

Рост территории и численности населенных пунктов губернии, естественно, давал импульс для торгового развития, однако вплоть до Октябрьской революции ни один из городов так и не превратился в промышленный центр. Внешняя региональная и сибирская торговля, изначально проходившие по основным речным транспортным артериям, были затруднены значительными пошлинами и неблагоприятными географо-климатическими особенностями транзита.

Отмена крепостного права придала импульс для установления капиталистических отношений. Вторая половина XIX в. характеризуется распространением сфер господства общественно-экономической формации на новые территории, коснувшимся и Сибири. Здесь специфика заключалась в отсутствии помещичьего землевладения, интенсивном переселенческом процессе, агрессивных приемах в присвоении угодий и наличии значительного количества свободной земли. Сложившаяся экономически активная прослойка населения предпочитала торговлю промышленному предпринимательству: последнее требовало более значительных затрат и времени для развертывания и получения прибыли. Кроме этого, среди факторов, обусловивших слабость отраслей сибирской промышленности, также значились малая заселенность и колонизация огромного региона, значительная отдаленность от крупных производственных центров и негативное состояние транспортной инфраструктуры. Медленность и дороговизна доставки грузов, машинных установок изначально приводили к убыточности и повышенной себестоимости готовых товаров. Удовлетворяя свои потребности, жители предпочитали сеть лавочной и развозной торговли.

Среди искусственных причин отсталости промышленности Сибири было торможение буржуазными кругами европейских губерний экономической и потенциальной мощи провинциальных земель. Преследовалась цель устранить возможную конкуренцию, установить выгодные условия сбыта своей продукции на сибирском рынке, а также осуществить скупку ценного сырья (золото, пушнина и др.) по заниженной стоимости. В.И. Ленин писал: «Возьмем, например, текстильную индустрию в начале пореформенной эпохи. Будучи довольно высокоразвитой в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику), она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизировало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т.д.» [22]. А.П. Щапов, продолжая обсуждать проблему несправедливости в торговых отношениях, утверждал, что «буржуазное сословие» по своей сущности не допустит равноправия в обществе, экономического равновесия промышленных категорий и рабочих, «составлявших источник их обогащения, предмет их эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды» [23]. Н.М. Ядринцев в качестве причин, обуславливающих девиантное экономическое развитие Сибири, выделял исторически сложившиеся условия, отдаленность края, повсеместные произвол и беззаконие, культурную отсталость и отсутствие собственного циклического производства [24].

С другой стороны, причинами промышленного отставания и производственной задержки современники считали нехватку опытных капиталистов (для создания фабрик) и мастеровых рабочих (для функционирования мануфактур). Местная обработка своего сырья как создала бы новые рабочие места, так и способствовала бы повышению цены природных богатств и распространению известности готовых товаров. Сущность же производства и торговли строилась на сбыте почти за бесценок сырьевых ресурсов, а в последующем – на приобретении импортируемых в Зауралье готовых удороженных товаров. В итоге собственная произведенная продукция не пользовалась популярностью, возникла зависимость края, влиявшая в разной мере на весь ход социально-экономической жизни населения. Согласно меткому выражению классика, «Сибирь... задыхается под туком¹ плодов своих за неимением сбыта», «вся находится в положении инородца к торговцу» [25].

Согласно финансовым представлениям, рыночному развитию тобольских городов, его стабилизации смог бы содействовать денежный кредит. Но сеть кредитных учреждений в Сибири была развита слабо. Так, Тобольский общественный банк открылся в 1868 г. со стартовым капиталом в 10 тыс. руб. К 1875 г. этот показатель вырос в 3 раза (32 тыс. руб.). Чуть ранее (1864 г.) со стартовым капиталом в 13 тыс. руб. начал работу Тюменский городской банк. На средства купечества были основаны банки в Кургане (с 1866 г., общий капитал – около 20 тыс. руб.) и Таре (1873 г., 35 тыс. руб.). В XIX в. одними из последних были образованы ишимский (1875 г., 10 тыс. руб.) и тюкалинский (1882 г., 10 тыс. руб.) банки.

¹ Тук – диал. сало, жир, тучность, дородство.

Независимо от степени участия меценатов и первоначального источника финансирования общественные банки становились городской собственностью, их правления избирались депутатами местных дум на каждое четырехлетие, что подлежало обязательному утверждению губернатора. Как правило, в состав органа банковского управления входили опытные и авторитетные предприниматели. Благодаря своему юридическому статусу, банк часто оказывал помощь городским властям: выделял кредиты для текущих потребностей на выгодных условиях, хранил капиталы и способствовал их увеличению под высокие процентные ставки и т.д. По прошествии времени обороты денежных средств, капиталы и прибыль банков увеличивались. Так, к концу XIX в. самым успешным считался Тюменский: его основной капитал превышал 270 тыс. руб., финансовый оборот в течение года достигал 3,7 млн руб., а чистая годовая прибыль – 65 тыс. руб. Суммарно 6 банков губернии накопили более 710 тыс. основных и 190 тыс. запасных денежных средств, оборот их капиталов составлял 6,6 млн руб., прибыль превышала 160 тыс. руб. К основанным во второй половине XIX в. городским банкам прибавился в начале следующего столетия лишь Туринский (основан в 1915 г. на выделенную ссуду в 75 тыс. руб.) [26]. К этому времени участились затяжные финансово-экономические кризисы и ряд неурожайных лет. Несколько позднее началась Первая мировая война. Все эти обстоятельства значительно повлияли на работу банков, снизив их операционную деятельность. В первую очередь, это выразилось в интенсификации выдачи ссуд, повлекших за собой рост задолженности основных дебиторов (городских бюджетов) перед их кредиторами (общественными банками).

В определенной мере достойную конкуренцию местным финансово-кредитным учреждениям могли составить отделения Сибирского и Государственного банков, открывшиеся на рубеже веков в некоторых городах губернии. Однако обслуживание в них стоило дороже. Поэтому выбор горожан чаще останавливался на «своих» общественных учреждениях: их выгодными услугами обыватели пользовались на протяжении длительного времени, что выработало к банкам определенную степень доверия.

Выводы

К началу XX столетия в Сибири еще не произошло разделение капитала на промышленный и торговый: предприниматель по-прежнему продолжал совмещать в себе одновременно черты буржуа и купца, при этом прибыли от торговли намного превышали производственные доходы. Поэтому в крае действовали торговые дома и фирмы, осуществлявшие комбинированные ростовщические, транспортные и промышленные операции. Например, компания «М. Плотников и сыновья» фактически монополизировала легко-пассажирское и буксирно-пассажирское пароходство на реках Западной Сибири. Используя этот фактор, торговый дом одновременно занимался успешной продажей хлеба, орехов и разнообразной рыбной продукции собственного производства. Наряду с этим, администрация края стимулировала развитие крупного монополизма: ограниченному кругу купцов предоставлялись выгодные подряды, право участвовать в важных заседаниях по хозяйственным делам, а также льготные кредиты в отделениях Госбанка.

Таким образом, позднеимперский период ознаменовался колоссальными изменениями в торгово-рыночном положении страны. Сибирь все больше втягивалась в общее русло становления новой стадии капитализма – империализма. Главные циклические процессы в промышленности зависели, в первую очередь, от требований и конъюнктуры всероссийского рынка, устанавливающих и экономические потребности для исследуемого региона. Мировой кризис 1900–1903 гг. привел к значительному спаду российского производства. После революционных событий 1905–1907 гг. по Сибири прошла волна промышленного подъема, за которой последовал спад к началу Первой мировой войны.

Последнее десятилетие XIX в. ознаменовалось торгово-экономическим расцветом для Тобольской губернии, во многом вызванным к рубежу столетий строительством Транссибирской железнодорожной магистрали. В промышленном отношении регион считался отсталой слабоколонируемой территорией, где неэффективно и недостаточно использовались гидроэнергетические ресурсы и природные богатства. Отрицательное сальдо торгового баланса привело к увеличению экспорта необработанного сырья,

а ввозимые в губернию товары (до строительства и ввода в эксплуатацию основных веток сибирской железной дороги) стоили дороже. Внутренняя торговля процветала, благодаря разветвленной сети ярмарочных мероприятий. Одновременно межрегиональный внешнеторговый дефицит региона продолжал расти, став одним из последствий несбалансированной политики как администрации края, так и государства в целом.

Примечания:

1. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Ч. 1: Население. Экономика. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 190.
2. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. С. 60.
3. 400 лет Тобольску: сб. документов и материалов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. С. 75, 78.
4. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв... С. 201.
5. Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск: Тобольская губернская типография, 1914. С. 5–6.
6. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: Типография Грачева и комп., 1862. С. 175.
7. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири... С. 193.
8. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири... С. 297.
9. Список населенных мест Тобольской губернии по сведениям на 1868–1869 гг. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1871. С. 226–233.
10. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири... С. 337–338.
11. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 417. Оп. 1. Д. 517. Л. 264.
12. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVIII – первая половина XIX вв.). М.: Географгиз, 1949. С. 195–196.
13. Борисенко М.В. Сведения переселенческого управления о поселениях Тарского уезда конца XIX – начала XX вв. (по материалам РГИА в С.-Петербурге) // Тара – 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири: мат. науч.-практ. конф. Ч. 1. История и краеведение. Тара и города Сибири и России. Омск: Издатель, 1994. С. 177.
14. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Аз Бука, 2006. С. 120–129.
15. Вольский З.Д. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб.: Электротпечатня Я. Левенштейн, 1908. С. 383.
16. Колесников А.Д. Заре навстречу. Из истории заселения Тюкалинского района // Время и мы. 1994. № 4. С. 7.
17. От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича / сост. Центральным статистическим комитетом МВД. СПб.: Типо-Хромо-Литография Т-ва А. Траншель, 1891. С. 31.
18. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв... С. 195.
19. Щеглова Т.К. Городские ярмарки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв.: сб. науч. трудов. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2001. С. 99–113.
20. История Сибири: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / А.П. Окладников, В.И. Шунков и др. Л.: Наука, 1968. С. 57.
21. История Сибири...
22. Ленин В.И. Значение окраин. Внутренний или внешний рынок? // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 592.
23. Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Щапов А.П. Сочинения. Т. III. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. С. 670–671.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 307.
25. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении... С. 274.
26. Храмов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX вв. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. С. 151–158.

References:

1. Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 vv. Ch. 1: Naselenie. Ekonomika. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2003. S. 190.
2. Kopylov D.I., Pribylskiy Yu.P. Tobolsk. 2-e izd. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1975. S. 60.
3. 400 let Tobolsku: sb. dokumentov i materialov. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1987. S. 75, 78.
4. Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 vv... S. 201.
5. Pamyatnaya knizhka Tobolskoy gubernii na 1914 g. Tobolsk: Tobolskaya gubernskaya tipografiya, 1914. S. 5–6.
6. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoy Sibiri. M.: Tipografiya Gracheva i komp., 1862. S. 175.
7. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoy Sibiri... S. 193.
8. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoy Sibiri... S. 297.
9. Spisok naselennykh mest Tobolskoy gubernii po svedeniyam na 1868–1869 gg. SPb.: Izd. Tsentralnogo statisticheskogo komiteta MVD, 1871. S. 226–233.
10. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoy Sibiri... S. 337–338.
11. Gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie Tyumenskoy oblasti “Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske”. F. 417. Op. 1. D. 517. L. 264.
12. Kabo R.M. Goroda Zapadnoy Sibiri: ocherki istoriko-ekonomicheskoy geografii (18 – pervaya polovina 19 vv.). M.: Geografiz, 1949. S. 195–196.
13. Borisenko M.V. Svedeniya pereselencheskogo upravleniya o poseleniyakh Tarskogo uezda kontsa 19 – nachala 20 vv. (po materialam RGIA v S.-Peterburge) // Tare – 400 let. Problemy sotsialno-ekonomicheskogo osvoeniya Sibiri: mat. nauch.-prakt. konf. Ch. 1. Istoriya i kraevedenie. Tara i goroda Sibiri i Rossii. Omsk: Izdatel, 1994. S. 177.
14. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. Ocherki istorii goroda Tary kontsa 16 – nachala 20 vv. Barnaul: Az Buka, 2006. S. 120–129.
15. Volskiy Z.D. Vsyaya Sibir. Spravochnaya kniga po vsem otraslyam kulturnoy i torgovo-promyshlennoy zhizni Sibiri. SPb.: Elektropechatnaya Ya. Levenshteyn, 1908. S. 383.
16. Kolesnikov A.D. Zare navstrechu. Iz istorii zaseleniya Tyukalinskogo rayona // Vremya i my. 1994. № 4. S. 7.
17. Ot Vladivostoka do Uralska. Putevoditel k puteshestviyu Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha / sost. Tsentralnym statisticheskim komitetom MVD. SPb.: Tipo-Khromolitografiya T-va A. Transhel, 1891. S. 31.
18. Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 vv... S. 195.
19. Scheglova T.K. Gorodskie yarmarki Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine 19 v. // Goroda Sibiri 18 – nachala 20 vv.: sb. nauch. trudov. Barnaul: Izdatelstvo Altayskogo universiteta, 2001. S. 99–113.
20. Istoriya Sibiri: v 5 t. T. 3. Sibir v epokhu kapitalizma / A.P. Okladnikov, V.I. Shunkov i dr. L.: Nauka, 1968. S. 57.
21. Istoriya Sibiri...
22. Lenin V.I. Znachenie okrain. Vnutrenniy ili vneshniy rynek? // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. Izd. 5. T. 3. M.: Politizdat, 1971. S. 592.
23. Schapov A.P. Sibirskoe obschestvo do Speranskogo // Schapov A.P. Sochineniya. T. III. SPb.: Izd. M.V. Pirozhkova, 1908. S. 670–671.
24. Yadrintsev N.M. Sibir kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2003. S. 307.
25. Yadrintsev N.M. Sibir kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii... S. 274.
26. Khramtsov A.B. Vlast i obschestvo v gorodakh Tobolskoy gubernii kontsa 19 – nachala 20 vv. Tyumen: RIO TyumGASU, 2010. S. 151–158.

УДК 94(47).571.1

**Торгово-рыночное положение Тобольской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Игорь Сергеевич Томилов

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения РАН, Российская Федерация
626152, Тюменская область, Тобольск, улица Ю. Осипова, 15
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Аннотация. Торговля является своего рода практическим выразителем эффективного развития экономики, отражением ее показателей. Именно на основе изменения товарооборота, экспорта и импорта, финансово-кредитных учреждений, количества оптово-розничных мест для реализации продукции и некоторых иных показателей можно судить о подъеме или спаде сельскохозяйственных и промышленных характеристик, а также оценивать уровень благосостояния населения. В данной статье предпринята попытка изучить торгово-рыночное состояние в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Этот период характеризуется утверждением новой стадии общественного развития, придавшего стимул экономическому росту как всей страны, так и ее отдельных регионов. На основе архивных, статистических, экономических и других данных в работе будет отражена динамика таких важных факторов и элементов торговли Тобольской губернии, как расширение транспортной инфраструктуры, изменение экспортно-импортного баланса, разветвление ярмарочно-торжковой сети, рост кредитно-банковского сектора и т.д. В целом полученные результаты позволят судить о влиянии общероссийского промышленного подъема на становление торговой индустрии исследуемого региона в обозначенных временных рамках.

Ключевые слова: Тобольская губерния, торговля, город, рынок, банк, пути сообщения.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 296–302, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.296
www.ejournal15.com

UDC 39:334.712/714-032.5(477.43/44/72)“19/20”

Trading Interconnections of Podillia and Kherson Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries (The Case of Stone Cutting Production)

Vitaliy R. Ivanchyshen

Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology Named after M. Rylsky
National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
4, Grushevskogo Street, Kyiv, 01001
E-mail: kilatiw@gmail.com

Abstract

The article considers a poorly studied problem of stone cutting as the component of Ukrainian traditional culture. The stone cutting has gained considerable development during the 19th – early 20th centuries. The presence of local stone cutting workshops in the territory of Odesa district of Kherson province is noted in the article. But the local craftsmen because of their fewness were not able to provide the economic and functional demands of the inhabitants. Trading interconnections of historical and ethnographic regions of the Eastern Podillia and Southern Ukraine in the field of stone cutting production are elucidated and analyzed in the article on the example of both regions. The wide usage of stone cutting goods is also explained with their household necessity. The place of stone cutting production in the trading operations of chumaky (Ukrainian oxcart drivers) in the late 19th – early 20th centuries is also one of the important aspects of the problem. It is also noted that the sacral folk praxises in ritual and custom sphere, connected with stone goods, have been transferred gradually from Podillia to the territory of Kherson province, that has undoubtedly assisted the formation of inner market and the united social and cultural areal.

Keywords: Kherson province, Podillia province, stone cutting, stone goods, trading interconnections, traditional culture.

Введение

Система ремесел и промыслов является очень важным, необходимым компонентом традиционной культуры этноса. Материальная традиционная культура предоставляет возможность определить экономическое состояние жителей, выявить место традиционных хозяйственных занятий в бытовой и обрядово-ритуальной сферах жизни.

Научно-технический прогресс ускоряет «отмирание» традиционных ремесел и промыслов, а потому необходимость исследования традиционного хозяйственного опыта является актуальным в современной этнологии. Особенно это касается узкорегинальных, зачастую локальных промыслов, которые сформировались под действием природно-сырьевых и атмосферно-климатических факторов исследуемого региона, поэтому они одни из первых исчезают из хозяйственного уклада жителей, а также из исторической памяти.

Важной составляющей системы ремесел и других видов хозяйственной деятельности жителей Подольской и Херсонской губерний является каменотесный промысел, изучение которого придает целостность и полноту воспроизведению всей гаммы традиционной материальной и духовной культуры украинцев. Наиболее значительное развитие кустарная обработка камня в Украине получила на территории Восточного Подолья в XIX – начале XX вв. Особенно это касается территории Ямпольского и Брацлавского уездов (современные Ямпольский, части Могилев-Подольского, Томашпольского и Черновицкого районов Винницкой области), а также Ново-Ушицкого уезда (современные Ново-Ушицкий и Дунаевецкий, части Каменец-Подольского районов Хмельницкой области). В Херсонской губернии промысел был распространен непосредственно в городе Одесса и в деревнях Коренихской, Рорбахской, Ильинской и Кубанской волостей Одесского уезда (современные деревни Веселиновского и Новосветловского районов Одесской области и пригороды Николаева) [1].

Целью данной статьи является исследование и характеристика торговых взаимосвязей жителей Подольской и Херсонской губерний в конце XIX – начале XX в. на примере купли-продажи каменотесной продукции.

Материалы и методы

Накануне Первой мировой войны на территории Подольской губернии по инициативе местной земской администрации были проведены «корреспондентские» исследования с целью выявления основных ремесел и кустарных промыслов. Впоследствии были опубликованы труды Ю. Александровича, А. Прусевича и А. Карапута, которые являются весьма ценными с этнографической точки зрения и позволяют реконструировать реальную картину развития каменотесного промысла и рынков его сбыта.

В частности, Ю. Александрович в своем исследовании «Каменотесы-кустари и ремесленники Подольской губернии» отмечает, что одним из важнейших рынков сбыта каменных изделий была территория Херсонской губернии [2]. А. Прусевич приводит перечень деревень Ямпольского уезда, продукция которых специально изготавливалась для вывоза на территорию Херсонской губернии [3]. А. Карапут, рассматривая проблему создания ремесленных мастерских с целью усиления роли ремесел и промыслов в экономическом укладе региона, указывал, что нужно больше осваивать в торговом плане территории соседних губерний, особенно Херсонской, где спрос на изделия был и остается стабильно высоким [4]. Чрезвычайно ценной для изучения данной темы является научная разведка В. Гомилевского, один из разделов которой посвящен рассмотрению промышленной обработки камня на территории Херсонской губернии [5]. Важными также представляются экономическо-хозяйственные и этнографические материалы, которые помещены в труде «Ремесла и промыслы Херсонской губернии». В частности, обработку камня авторы считают одним из важнейших занятий населения, пытаются восстановить производственную цепочку от добычи каменной породы до продажи изделий на рынках [6]. Частично раскрывают проблему исследования каменотесного промысла монографии П. Столпянского [7] и Д. Григорьева [8]. К сожалению, указанные работы имеют в значительной степени описательно-этнографический характер, что не позволяет комплексно реконструировать картину динамики существования промысла в пределах хозяйственного уклада и системы жизнеобеспечения жителей Подольской и Херсонской губерний.

В работе известного украинского искусствоведа К. Широцкого помещена ценная с этнографической точки зрения классификация каменных крестов, что позволяет осуществить сравнительный анализ этих памятников в различных регионах Украины [9]. Важно отметить также археологические и этнографические работы И. Сапожникова, в которых автор попытался создать перечень кладбищ и каталог разнотипных каменных крестов, которые сохранились на территории Одесской области [10, 11]. Из современных исследований по проблеме каменотесного промысла заслуживают внимания научные труды В. Малины. В своей работе «Каменные кресты в Украине XVIII–XX вв...» он приводит черты сходства каменных крестов Южной Украины, регионов Подолья и частично Буковины. Еще одной немаловажной заслугой этой книги является представленный в ней

значительный иллюстративный каталог-перечень, позволяющий анализировать распространение каменотесного промысла в южных губерниях [12].

Источниковедческую базу исследования составляет собранный автором полевой этнографический материал, записанный от респондентов и полученный из музейных этнографических коллекций. К сожалению, в наши дни сохранился незначительный массив архивных письменных источников, освещающих использование и перемещения каменных изделий между губерниями, что непосредственно увеличивает научное значение полевых этнографических материалов и записей.

Обсуждение и результаты

Каменотесный промысел был и остается одним из традиционных вспомогательных хозяйственных занятий жителей Восточного Подолья. Специфика распространения промысла напрямую зависит от наличия каменных залежей, физические свойства которых позволяют ручную обработку породы с помощью набора простых и относительно дешевых инструментов. На территории Подольской и Херсонской губерний были распространены и обрабатывались местными мастерами разные виды каменных пород, среди которых наиболее распространенными являются песчаники, различные типы известняков и гранитов.

Можно предположить, что наиболее значительными темпами каменотесный промысел развивался в течение XIX – начала XX вв. Это связано с тем, что именно в указанный исторический период жители Восточного Подолья и частично Херсонской губернии имели возможность перенимать иностранные более совершенные технологии обработки камня (а именно от итальянских и – в редких случаях – немецких каменотесов), что впоследствии значительно ускорило работу и повысило качество продукции. Еще одним существенным фактором роста спроса на каменные изделия стало расширение рынков сбыта продукции за счет новоприсоединенных территорий южных регионов Украины в конце XVIII в. По мнению подольского краеведа А. Задорожнюка, вопрос кустарных промыслов был значительно актуализирован после крестьянской реформы 1861 г., т.к. доходы от ведения сельского хозяйства не покрывали расходов по выкупным платежам [13].

Каменные изделия преимущественно изготавливались в деревнях Ямпольского уезда на Подолье – Бандишовка, Мервинцы, Буша, Дзыгов-Брод, Русава и Стена [14]. Затем их перевозили и продавали в Херсонской губернии. Ассортимент изделий, которые вывозились в Херсонскую губернию, был достаточно значительным. Обычно на ярмарках и рынках Херсона, Николаева, Одессы и других городов продавали ручные каменные жернова и жерновые камни для водяных и ветряных мельниц, каменные кресты и памятники, точила и дымовые трубы. Наибольшей популярностью пользовались самые необходимые изделия, например точила, которые были необходимы крестьянам в течение всего календарного года и в то же время имели невысокую цену.

Земский «корреспондент» В. Гомилевский также обнаружил, что каменотесы Одесского уезда Херсонской губернии изготавливали надгробные памятники, дымовые трубы и *катки* – изделия, которые имели в поперечном разрезе форму пятилучевой звезды и были предназначены для обмолота запаса зерновых [15].

Касаясь вопроса центров промысла, В. Гомилевский называет деревни Большая Корениха, Ильинка, Мариновка, Августовка, немецкое поселение Рорбах и болгарское поселение Кубанка Одесского уезда [16]. Важно подчеркнуть сходство ассортимента изделий каменотесов обоих регионов. Но очевидным является тот факт, что херсонские каменотесы из-за своей малочисленности не могли обеспечить хозяйственно-функциональные потребности жителей территориально большой Херсонской губернии. Можно предположить, что указанный фактор обеспечил довольно значительный рынок сбыта для мастеров-каменотесов из соседней Подольской губернии. В противовес подольским краеведам и «корреспондентам» Ю. Александровичу и А. Прусевичу, которые видели в соседних регионах рынок сбыта для каменных изделий сугубо для подольских каменотесов, В. Гомилевский верно отметил, что «вследствие быстро подвигающегося истребления лесов в соседних уездах и губерниях и дороговизны как дровяного строительного материала, так и искусственного кирпича – явится спрос и с этих местностей на пыльный камень Одесского уезда» [17].

Сохранились также сведения о том, что каменотесные изделия были традиционными в ассортименте товаров чумаческой культуры как специфического явления традиционной

культуры украинцев. Так, по воспоминаниям Н.Е. Гикавчук, жительницы села Буши (Ямпольский район, Винницкая область), нами были зафиксированы сведения о Василие Морозюке (1860-е гг. – 1936), который сам мастером-каменотесом не был, а только возил и перепродавал каменные изделия в южных регионах Украины, обменивал их на соль и рыбу [18]. Стоит также отметить, что транспортировка каменных изделий была делом затратным, поэтому перевозчики пытались продать свой товар ближе к собственному дому (очевидно, что территория соседней Херсонской губернии была наиболее удобной с торгово-экономической точки зрения). Если же товар не удавалось продать, то подольские перевозчики везли изделия из камня в Крым. Указанные данные фактически подтверждают, что каменотесная продукция была важным элементом чумаческой культуры. С. Проскурова, исследуя чумачество как социальное явление, высказывает мнение, что в XIX в. одновременно с концентрацией торгового капитала на местах состоялась постепенная трансформация чумаков из перевозчиков собственного товара в перевозчиков чужого [19]. Все это мы можем проследить на примере транспортировки подольских каменных товаров. Также этот вывод подтверждается на основе собранного нами полевого материала.

Ю. Александрович в своем исследовании указывает на наличие особой группы людей – *крестовозов*, – которые в определенный календарный сезон по спекулятивным ценам скупали и перепродавали каменные изделия [20]. Вполне целесообразно предположить, что Василий Морозюк, житель села Буши Подольской губернии, был одним из них.

Широкое применение каменных изделий объяснялось их хозяйственной необходимостью. Например, каменные точила, по мнению мастера-каменотеса Василия Заиченко (село Нижний Ольчедаев Могилев-Подольского района Винницкой области), были едва ли не самыми необходимыми [21]. Во-первых, точила нужны в течение всего календарного года (для заточки косы, топора и др.). Во-вторых, изготовление точил возможно было только из особого вида песчаника, что локализовало этот процесс в вышеупомянутых центрах.

Каменные ручные жернова позволяли перемалывать незначительную часть зерна и не платить *мирчук* (часть продукции в пользу мельника, которая, как правило, составляла десятую часть от перемолотой продукции). Простота в использовании обеспечила жерновам значительное применение, т.к. молотье умел каждый из членов крестьянской семьи. Каменные жернова из песчаника были практически вечными и требовали только дополнительной *насечки* раз в 3–4 месяца, которую можно было легко выполнить в домашних условиях. Согласно исследованиям В. Горленко и О. Боряк, каменные ручные жернова использовались для обмолота зерна для обрядового свадебного печенья [22].

Самым дорогим видом продукции были каменные кресты и памятники. По данным Ю. Александровича, в среднем крест стоил около 9 руб., что было значительной суммой в условиях Российской империи конца XIX – начала XX вв. Например, для установки памятного или придорожного креста средства собирались жителями всего прихода или даже соседних сел или деревень. Перевозка крестов была очень затратным и длительным процессом. Опираясь на свидетельства большинства респондентов, можем констатировать, что на одной телеге могли перевезти не более трех крестов (при условии, что размеры их не превышали 1,5 м). Место между крестами выкладывали соломой и материалами из дерева. В подавляющем большинстве случаев на одной телеге могли перевозить один-два креста, а продолжительность транспортировки между Ямпольским уездом Подольской губернии и центральными уездами Херсонской губернии составляла около двух недель. Обычно продукцию продавали осенью, когда был собран урожай. По мнению Ю. Александровича, в октябре-ноябре крестьяне и устанавливали надгробные кресты и памятники [23].

Установить надгробный крест или памятник могли позволить себе только состоятельные крестьяне. Важно отметить ярко выраженную тенденцию: если на каменном кресте была надпись, которая отражала сведения о покойном, то крест заказывали непосредственно у мастера-каменотеса, который владел специальными навыками по гравировке букв и других символов на камне. Если же установленный крест был безымянным, то покупался он, скорее всего, с телеги *крестовозов* или других людей, которые занимались перепродажей.

Наиболее утонченной работой каменотеса было изготовление каменного дымохода. Можно встретить несколько названий этого изделия: *труба*, *коминок*, *коменок*. Дымовая

труба – это каменное изделие, которое имело форму правильного параллелепипеда. Оно состояло из трех частей. Нижняя устанавливалась непосредственно в дымоход. Второй деталью был *поясок*, который был утолщенным с целью закрепить изделие, не пропускать влаги в дымоход. Третья часть (*шапочка*) изготавливалась в зависимости от предпочтений мастера или заказчика и имела декоративное предназначение. Как правило, с четырех сторон пробивались отверстия, для того чтобы при любом направлении ветра дым выходил с подветренной стороны. В. Гомилевский описал некоторые отличия между дымовыми трубами регионов Подольской и Херсонской губерний. В частности, херсонские каменотесы изготавливали дымовые трубы, которые имели следующие составляющие: *столжик*, тумба, *поясок* и *карниз*. Также В. Гомилевский отмечал, что дымовая труба – это изделие, которое устанавливалось только над крышей жилого сооружения [24]. Тогда как в Подольской губернии есть варианты установки внутренней части, т.е. дымовой шахты.

Перевозкой и продажей каменных каминов занимались опытные *скупицики* и продавцы. Детали этого изделия очень тонкие, декорированные, поэтому одним неосторожным движением его можно было повредить. Стоимость дымовой трубы на подольских рынках колебалась от 1 до 4 руб. Сведений о ценах на ярмарках и рынках Херсонской губернии не обнаружено, но очевидно, что они были выше подольских, учитывая затраты на транспортировку.

Сохранились сведения о перевозке строительного камня в обратном направлении, т.е. в Подольскую губернию. В частности, в одном из выпусков «Трудов Подольского епархиального комитета» размещены следующие сведения: «Рассказывают, что священник Иаков Костецкий так заготавливал на церковь камень: едут, бывало, чрез Пассат [село Балтского уезда на Подолье. – В.И.] чумаки с хлебом в Одессу, священник и просит их взять оттуда камня на свои возы, что чумаки и делали, считая это делом богоугодным; если ехали в Одессу пасатяне, отец Иаков их обязывал не брать из Одессы иной клади, кроме камней для своей церкви, и прихожане свято исполняли приказания уважаемого пастыря; так и навезли на церковь камня» [25].

Одной из самых больших проблем исследования каменотесного промысла является анонимность мастеров, ведь фактически ни на одном из каменных крестов или памятников не выявлено каких-либо сведений о них. Изготавливая кресты и памятники на продажу перекупщикам, мастера часто даже не наносили эпитафии, поскольку не общались с покупателями. Стоит заметить, что автором в ходе экспедиционных выездов на исследованных территориях были зафиксированы типологически сходные по строению и структурным деталям, а также идентичные в отношении каменной породы кресты, которые предположительно изготавливались в селе Дзыгов-Брод Ямпольского уезда. Впрочем, убедительных доказательств пока не обнаружено, поэтому данное рассуждение оставим на уровне предположения.

Выводы

В конце XIX – начале XX вв. каменотесный промысел, по-нашему мнению, находился на вершине своего развития, что можно подтвердить весьма значительными торгово-экономическими взаимосвязями между соседними историко-этнографическими регионами Украины. Каменным изделиям, которые были изготовлены преимущественно на территории Восточного Подолья, легко отыскивался рынок сбыта на территории не только Херсонской губернии, но всей Южной Украины, Киевской, Волынской и Бессарабской губерний. Среди каталога изделий, которые продавались на рынках Херсона, Николаева и Одессы, наибольшим спросом пользовались каменные кресты и памятники (надгробные, придорожные), каменные жернова, точила и дымовые трубы. Эти изделия занимали важное место в системе жизнеобеспечения и хозяйственного уклада жителей Подолья и Херсонской губернии, использовались в обрядовых практиках, что, безусловно, способствовало образованию не только внутреннего экономического рынка, но и единого социокультурного ареала.

Примечания:

1. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1882. Вып. VIII. С. 1756.

2. Александрович Ю. Каменотесы-кустари и ремесленники Подольской губернии // Кустарные промыслы Подольской губернии. Киев: [Б.и.], 1916. С. 465–501.
3. Прусевич А. Обзор данных о кустарных промыслах Подольской губернии // Экономическая жизнь Подолии. 1913. № 13. С. 37–49.
4. Карапут А. Ремесленное образование и его возможные перспективы для Подольской губернии // Экономическая жизнь Подолии. 1915. № 10. С. 25–43.
5. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии... С. 1756–1786.
6. Ремесла и промыслы Херсонской губернии. Издание Херсонской губернской земской управы. Херсон: Паровая типография О.Д. Ходушной, 1905. С. 95–99.
7. Столпянский П. Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб.: Типография Гогенфельдена, 1866. С. 194, 256–269.
8. Григор'єв-Наш Д. Поділля. Географічно-історичний нарис. Кам'янець-Подільський: Друкарня Подільського губернського правління, 1918. С. 26–29, 41.
9. Широцький К. Надгробні хрести на Україні // Невичерпні джерела пам'яті. Т.1. Надмогильні хрести запорозьких козаків. Одеса: ОКФА, 1998. С. 140–165.
10. Сапожников И. Каменные кресты предместий Одессы (конец XVIII-XIX в.). Ильичевск: «Элтон-2»-«Гратек», 1999. С. 3–73.
11. Сапожников І., Кушнір В., Островерхов А. Кам'яні хрести Одещини (З матеріалів розвідок) // Старожитності Причорномор'я. 1995. Вип. 2. С. 48–63.
12. Малина В. Кам'яні хрести в Україні XVIII–XX ст.: Онтологія. Типологія. Символіка. Функція. Миколаїв: Артіль «Художній крам», 2009. С. 269–371.
13. Задорожнюк А. Кустарні промисли в містах та містечках Поділля у другій половині XIX – на початку XX ст. // Київська старовина. 2005. №4. С. 41–42.
14. Прусевич А. Обзор данных о кустарных промыслах Подольской губернии... С. 44–48.
15. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии... С. 1757–1760.
16. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии... С. 1756.
17. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии... С. 1762.
18. Респондент: Гикавчук Н.Е., 1964 г.р. Интервьюер: В.Р. Иванчишен. Место проведения: село Буша Ямпольского района Винницкой области (Украина). Запись 12 августа 2014 г.
19. Проскурова С. Чумацтво як українське соціокультурне явище: автореф. дис... канд. істор. наук: 09.00.12. Київ, 2001. С. 8–9.
20. Александрович Ю. Каменотесы-кустари и ремесленники Подольской губернии... С. 497–499.
21. Респондент: Заиченко В.Г., 1942 г.р. Интервьюер: В.Р. Иванчишен. Место проведения: село Нижний Ольчедаев Могилев-Подольского района Винницкой области (Украина). Запись 18 июля 2014 г.
22. Горленко В., Боряк О. Ремесла і промисли // Українська минувшина. Ілюстровано-етнографічний довідник. Київ: Либідь, 1996. С. 68–69.
23. Александрович Ю. Каменотесы-кустари и ремесленники Подольской губернии... С. 470–481.
24. Гомилевский В. Кустарная промышленность в Херсонской губернии... С. 1761–1762.
25. Приходы и церкви Подольской епархии / под ред. Е. Сицинского // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Каменец-Подольский: [Б.и.], 1901. Вып. 9. С. 12.

References:

1. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii // Trudy Komissii po issledovaniyu kustarnoy promyshlennosti v Rossii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1882. Vyp. 8. S. 1756.
2. Aleksandrovich Yu. Kamenotesy-kustari i remeslenniki Podolskoy gubernii // Kustarnye promysly Podolskoy gubernii. Kiev: [B.i.], 1916. S. 465–501.
3. Prusevich A. Obzor dannyykh o kustarnyykh promyslakh Podolskoy gubernii // Ekonomicheskaya zhizn Podolii. 1913. № 13. S. 37–49.
4. Karaput A. Remeslennoe obrazovanie i ego vozmozhnye perspektivy dlya Podolskoy gubernii // Ekonomicheskaya zhizn Podolii. 1915. № 10. S. 25–43.
5. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii... S. 1756–1786.
6. Remesla i promysly Khersonskoy gubernii. Izdanie Khersonskoy gubernskoy zemskoy upravly. Kherson: Parovaya tipografiya O.D. Khodushnoy, 1905. S. 95–99.
7. Stolpyanskiy P. Devyat guberniy Zapadno-Russkogo kraya v topograficheskom, geognosticheskom, statisticheskom, ekonomicheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh. SPb.: Tipografiya Gogenfeldena, 1866. S. 194, 256–269.
8. Grigoryev-Nash D. Podillya. Geografichno-istorichniy naris. Kamyanets-Podilskiy: Drukarnya Podilskogo gubernskogo pravlinnya, 1918. S. 26–29, 41.
9. Shirotskiy K. Nadgrobni khresty na Ukraini // Nevicherpni dzhherela pamyati. T.1. Nadmogilni khresty zaporozkikh kozakiv. Odessa: OKFA, 1998. S. 140–165.

10. Sapozhnikov I. Kamennye kresty predmestiy Odessy (konets 18–19 v.). Ilichevsk: “Elton-2”-“Gratek”, 1999. S. 3–73.
11. Sapozhnikov I., Kushnir V., Ostroverkhov A. Kamyani khresti Odeshchini (Z materialiv rozvidok) // Starozhitnosti Prichornomorya. 1995. Vip. 2. S. 48–63.
12. Malina V. Kamyani khresti v Ukraïni 18–20 st.: Ontologiya. Tipologiya. Simvolika. Funktsiya. Mikolaiv: Artil “Khudozhniiy kram”, 2009. S. 269–371.
13. Zadorozhnyuk A. Kustarni promisli v mistakh ta mistechkakh Podillya u drugiy polovini 19 – na pochatku 20 st. // Kiivska starovina. 2005. №4. S. 41–42.
14. Prusevich A. Obzor dannykh o kustarnykh promyslakh Podolskoy gubernii... S. 44–48.
15. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii... S. 1757–1760.
16. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii... S. 1756.
17. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii... S. 1762.
18. Respondent: Gikavchuk N.E., 1964 g.r. Intervyuer: V.R. Ivanchishen. Mesto provedeniya: selo Busha Yampolskogo rayona Vinnitskoy oblasti (Ukraina). Zapis 12 avgusta 2014 g.
19. Proskurova S. Chumatstvo yak ukrainske sotsiokulturne yavische: avtoref. dis... kand. istor. nauk: 09.00.12. Kiiiv, 2001. S. 8–9.
20. Aleksandrovich Yu. Kamenotesy-kustari i remeslenniki Podolskoy gubernii... S. 497–499.
21. Respondent: Zaichenko V.G., 1942 g.r. Intervyuer: V.R. Ivanchishen. Mesto provedeniya: selo Nizhniy Olchedaev Mogilev-Podolskogo rayona Vinnitskoy oblasti (Ukraina). Zapis 18 iyulya 2014 g.
22. Gorlenko V., Boryak O. Remesla i promisli // Ukrainska minuvshina. Ilyustrovano-etnografichniy dovidnik. Kiiiv: Libid, 1996. S. 68–69.
23. Aleksandrovich Yu. Kamenotesy-kustari i remeslenniki Podolskoy gubernii... S. 470–481.
24. Gomilevskiy V. Kustarnaya promyshlennost v Khersonskoy gubernii... S. 1761–1762.
25. Prikhody i tserkvi Podolskoy eparkhii / pod red. E. Sitsinskogo // Trudy Podolskogo eparkhialnogo istoriko-statisticheskogo komiteta. Kamenets-Podolskiy: [B.i.], 1901. Vyp. 9. S. 12.

УДК 39:334.712/714-032.5(477.43/44/72)“19/20”

Торговые взаимосвязи жителей Подольской и Херсонской губерний в конце XIX – в начале XX вв. (на примере каменотесной продукции)

Виталий Романович Иванчишен

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии
им. М. Рылского НАН Украины, Украина
01001, Киев, улица Грушевского, 4
E-mail: kilatiw@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению малоизученной проблемы каменотесного промысла как компонента традиционной культуры украинцев. Наиболее значительное развитие промысла обработки камня происходило в течение XIX – начала XX вв. Отмечено наличие каменотесного промысла на территории Одесского уезда Херсонской губернии, однако местные мастера из-за своей малочисленности не могли обеспечить хозяйственно-функциональные потребности жителей. На примере историко-этнографических регионов Восточного Подолья и Южной Украины в работе освещены и проанализированы торговые взаимосвязи обоих регионов в области каменотесных промыслов. Широкое применение каменных изделий объясняется их хозяйственной необходимостью. Важным аспектом проблемы является место каменотесной продукции в торговых операциях чумаков конца XIX – начала XX вв. Также отмечено, что на территорию Херсонской губернии постепенно переносились из Подолья сакральные народные практики в обрядово-ритуальной сфере, связанные с каменными изделиями, что, безусловно, способствовало образованию внутреннего рынка и единого общеукраинского социокультурного ареала.

Ключевые слова: каменные изделия, каменотесный промысел, Подольская губерния, торговые взаимосвязи, традиционная культура, Херсонская губерния.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 303–308, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.303
www.ejournal15.com

UDC 94(47)“1942/1943”

The Tragedy of the Soviet Prisoners of War in the Big Bend of the Don River (1942–1943)

Tatyana G. Kurbat

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: t.kurbat86@gmail.com

Abstract

The article reveals the tragic fate of the Soviet prisoners of war during the fighting in the big bend of the Don River in the 1942–1943. The lack of food and health care, infectious diseases, and adverse weather conditions led to high mortality among the Soviet soldiers and commanders. It grew out of the use of the Soviet war prisoners for hard work, and also because of the systematic beatings and shootings. The article is written on the basis of documents of the State Archives of the Russian Federation and the Documentation Center of the Modern History of the Rostov Region.

Keywords: Big bend of the Don River, Rostov region, Soviet prisoners of war, Stalingrad region.

Введение

Летом 1942 г. немецко-фашистские войска перешли в широкомасштабное наступление на юге России [1]. В результате тяжелых и кровопролитных боев 24 июля превосходящие силы вермахта захватили Ростов-на-Дону и прорвались на Кавказ. Другая группировка противника наступала на Сталинград. В конце осени 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление, разгромив захватчиков и на Волге, и на Кавказе. Эти победы «затмили» летние поражения советских войск в большой излучине Дона. Несмотря на появление первых специальных исследований, события, происходившие на этой территории, остаются недостаточно изученными [2]. К одной из наименее известных проблем относится и судьба советских военнопленных.

Материалы и методы

Статья подготовлена на материалах двух российских архивов – Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Это документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК), а также

Ростовской областной комиссии содействия ЧГК. Им предоставлялось право поручать надлежащим органам производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать показания и другие данные о преступных действиях оккупантов и их сообщников на территории СССР. В фондах ЧГК хранятся многочисленные свидетельства бесчеловечного отношения оккупантов к захваченным в плен солдатам и командирам РККА. Статья опирается на принципы историзма и научной объективности, предопределившие необходимость изучения судеб советских военнопленных в контексте определенной исторической ситуации на основе всех имеющихся в распоряжении исследователей источников.

Обсуждение и результаты

В период нацистской оккупации на территории Ростовской и Сталинградской областей захватчиками были созданы 50 лагерей для советских военнопленных. 15 – в Ростовской области и 35 – в Сталинградской. Лагеря делились по категориям на сортировочные, концентрационные и рабочие. Изначально все военнопленные попадали в сортировочные лагеря, откуда впоследствии распределялись либо в концентрационные лагеря, где обычно погибали в результате голода, инфекционных болезней, расстрелов, либо в рабочие лагеря. Здесь они использовались на работах по восстановлению разрушенных коммуникаций и промышленности захваченной территории.

Первые лагеря на территории Ростовской области появились уже в июле 1942 г. Наиболее крупный сортировочный лагерь – «Дулаг 125» – был организован в городе Миллерово и у местных жителей получил название «Миллеровская яма». Он представлял собой образовавшийся естественным путем овраг, обнесенный колючей проволокой и вышками. Военнопленные находились под открытым небом с июля по декабрь 1942 г. [3]. Их почти не кормили, отсутствовала медицинская помощь, а также практически каждый день проводили расстрелы. Точную цифру содержащихся и погибших в лагере военнопленных установить не представляется возможным. По разным данным, здесь погибло от 40 до 200 тыс. человек [4].

Во второй половине августа после оккупации Дубовского района немцы начали приводить сюда пленных бойцов и командиров РККА, захваченных на территории соседней Сталинградской области. На месте молочно-товарной фермы колхоза им. Карла Маркса колючей проволокой была огорожена первоначально небольшая территория для содержания военнопленных, но в связи с постоянным увеличением их количества она также выросла до 2 кв. км. Согласно рассказам очевидцев и самих военнопленных, их количество в лагере достигало 12 тыс. чел.

С использованием труда военнопленных в лагере началось строительство бараков, при этом весь материал советские бойцы и командиры носили на себе: камыш – с расстояния в 7–10 км, саманный кирпич – 3–4 км. Рабочий день длился с 4 часов утра до поздней ночи. Обессилевших и больных пленных нацистские надсмотрщики избивали, принуждая работать, а тех, кто уже не мог передвигаться, пристреливали.

Питание в лагере состояло из практически непригодных к употреблению продуктов. Два раза в сутки военнопленным выдавали по 1 л баланды, приготовленной из шелухи проса, отрубей, мороженого картофеля, отбросов капусты и 50–100 г черного хлеба. Часто в пищу употреблялось отварное зерно разных культур, мясо павших животных.

Несмотря на развернувшееся строительство бараков, охрана лагеря держала пленных под открытым небом. В октябре пошли сильные дожди, начались заморозки. Так как советские бойцы и командиры имели только летнее обмундирование, это привело к росту смертности. По свидетельствам колхозников артели им. Карла Маркса, военнопленные, «находясь под открытым небом, насквозь промокали от дождей и ночью при заморозках замерзали». В ночь на 14 октября умерли 217 чел. [5]. Высокую смертность вызывали и инфекционные заболевания. Кухня и бараки находились в антисанитарном состоянии, для приготовления лагерной баланды использовали воду из пруда, «которая совершенно была непригодна к употреблению», больных тифом размещали вместе с ранеными, не оказывая им никакой медицинской помощи [6].

Местные жители стали свидетелями издевательств нацистов над советскими военнопленными. В своих показаниях они описывали, как десятки красноармейцев

погибали ежедневно от сильных избиений. Кроме того, в лагере существовал так называемый «барак пыток», где пленных подвергали систематическим издевательствам и избиениям. Были дни, когда хоронили по 380 человек [7]. Всего за время существования лагеря с августа 1942 г. по январь 1943 г. здесь погибло от болезней, голода, холода, непосильного труда и было расстреляно свыше 5000 бойцов и командиров Красной армии.

На территории Ростовской области были созданы и рабочие лагеря, в которых одним из инструментов уничтожения военнопленных стал принудительный труд. Так, в хуторе Алексеевка граничащего со Сталинградской областью Обливского района в период оккупации немцы строили узкоколейную железную дорогу. Для этого был создан лагерь, в котором постоянно находилось до 1000 советских военнопленных, при этом вместо умерших и расстрелянных сюда ежедневно поступали новые группы [8].

Условия содержания военнопленных ухудшались тяжелым физическим трудом, во время которого людей постоянно избивали немецкие надсмотрщики. Советских солдат и офицеров заставляли заниматься земляными работами, рыть канавы в песчаном грунте. Часто происходили обвалы, и обессиленные люди не могли выбраться из ям, а конвоиры пресекали попытки товарищей помочь им.

Для строительства узкоколейки привлекались и местные жители, которые работали вместе с военнопленными. Немцы избивали военнопленных до потери сознания за общение с колхозниками и получение от них продуктов. С наступлением морозов, несмотря на то что пленные не имели теплой одежды, людей продолжали использовать на земляных работах. А перед отступлением немцы согнали в лагерь пленных, которые не могли передвигаться, и подожгли его. Все, кто в нем находился, погиб, остальные были уведены в глубокий тыл.

На территории оккупированных районов Сталинградской области захватчиками также были организованы лагеря военнопленных. Зачастую они располагались в населенных пунктах. Порой их территория находилась непосредственно в личных хозяйствах колхозников или рядом с ними, что позволяло мирному населению наблюдать, насколько жестоко захватчики обращались с пленными бойцами Красной армии. Это отразили свидетельские показания жителей хутора Вертячего Городищенского района Сталинградской области М.С. Богачевой, К.Ф. Ермоленко (проживал в 150 м от лагеря), М.К. Антоновой (граница лагеря проходила по ее двору), А.С. Глазковой (в ее доме размещался штаб коменданта Вертячего). Они рассказывали о бесчеловечных условиях содержания пленных. Пока сохранялась жаркая погода, пленные содержались в закрытом помещении, в так называемом «народном доме» хутора Вертячего, в большой тесноте и скученности. С наступлением холодов они были переведены в сам лагерь и содержались на улице, где не было никакого укрытия. По показаниям свидетелей, смертность все время была высокой, как в «народном доме», так и в лагере. В день хоронили по 15–20 чел. [9].

Кроме этого, красноармейцы постоянно подвергались избиениям, как в лагере, так и на принудительных работах. По рассказам К.Ф. Ермоленко, каждое утро пленных принудительно ставили на колени перед немцами, приходившими в лагерь с заявками на работу. После распределения обессиленные и полуголодные бойцы подвергались избиениям «без всякого повода: одних за то, что не слишком быстро поднимались с коленей, других за плохую выправку перед немцами» [10].

Пленные бойцы и командиры в хуторе Вертячем использовались на оборонительных работах: на рытье окопов и строительстве блиндажей. Зачастую они работали бок о бок с местными жителями, которые стали свидетелями жестоких избиений, а порой и убийств. Так, И.И. Чеботарева по приказу коменданта хутора работала вместе с пленными на строительстве блиндажей, и на ее глазах произошло зверское убийство двух обессиленных военнопленных. Военнопленный В.С. Левшин «в изнеможении от голода и непосильной работы, длившейся 9 часов, сел на землю». Подбежавший к нему охранник потребовал встать и продолжить работу, но тот не смог этого сделать. В результате чего охранник «выхватил кинжал и отрезал Левшину ухо, нос, а потом застрелил» [11]. Точно так же он поступил и с другим пленным бойцом, который не смог продолжать работу. Все пленные работали с 6 часов утра и до 8 часов вечера, а после еще два часа на территории лагеря.

Несмотря на тяжелый труд, военнопленные практически не получали пищи. Местный житель М.Р. Фролов рассказывал, что от пленных он узнал о том, как их кормили в лагере: «В течение суток давали пищу всего один раз по одному половнику несоленого, постного

супа» [12]. По свидетельствам К.Ф. Ермоленко, военнопленным выдавали раз в сутки 100 г пареной ржи и кусочек конины (как правило, мясо павшей лошади), а больных и раненых не кормили вообще [13]. При раздаче пищи охранники лагеря прямо издевались над пленными. Некоторых отгоняли от места раздачи пищи, у других отнимали котелки с похлебкой и выливали еду. Поэтому во время совместной работы с гражданским населением военнопленные выпрашивали у жителей «кусочки хлеба и с жадностью набрасывались на них» [14].

После отступления немецко-фашистских захватчиков с территории хутора Вертячего жители обнаружили 87 трупов замученных красноармейцев, которых они похоронили, остальные заключенные были угнаны захватчиками. Трагедии советских военнопленных в хуторе Вертячем было посвящено несколько статей в центральных и местных газетах, в том числе в газете «Сталинградская правда» [15].

В хуторе Вертячем был также уничтожен госпиталь с ранеными советскими солдатами. 23 августа 1942 г. в хутор приехал немецкий танк с шестью военнослужащими вермахта. Несмотря на то что на доме, в котором находился госпиталь, висел красный крест, они открыли по нему стрельбу. Двое выскочивших из дома советских военнопленных закричали, что это госпиталь, но были расстреляны. После этого оккупанты облили дом керосином, обложили сеном и подожгли. Военнопленные, которые могли передвигаться, попытались выбраться из горящего здания, но были расстреляны неподалеку. В результате жестокой расправы сгорело заживо около 180 человек и еще 20 человек были расстреляны. Кроме бойцов немцы убили врача и фельдшера [16].

Нередко советские бойцы, оказавшиеся в плену в результате неудачных военных действий, уничтожались сразу, на месте, не попадая в лагерь. Так, в Кагальницком районе Ростовской области 8 августа 1942 г. была захвачена группа бойцов вместе с командиром, который тут же был расстрелян [17]. На хутор Хрящи Константиновского района была направлена разведка 88-го гвардейского полка 133-й гвардейской дивизии в количестве 30 человек, которая попала в засаду. На предложение немцев сдаться от советских бойцов ответа не последовало. С боем часть разведчиков ушла, оставшихся раненых солдат подвергли пыткам, а после расстреляли [18].

В Сталинградской области военнопленные уничтожались во время долгих и изнурительных маршей вглубь немецкого тыла. Жители оккупированных районов области стали свидетельствами зверств немецких конвоиров. Так, председатель Зрянинского сельского совета Кагановичевского района в своих показаниях рассказывал о том, что при перегоне советских военнопленных отставших и обессилевших «привязывали к подводе и волочили по земле. Многие от таких пыток умирали» [19]. И.Т. Панкратова, проживавшая на хуторе Лысово Кагановичевского района, рассказывала, что через их населенный пункт несколько раз прогонялись колонны с большим количеством военнопленных. Жители стали свидетелями того, что тех, кто не мог идти дальше, избивали палками, плетью и топтали лошадьми [20].

Стоит отметить, что большой опасности подвергалось и местное население, проживавшее в оккупированных районах. При виде измученных, голодных и раненых солдат жители старались облегчить их страдания. Но все попытки накормить или оказать помощь военнопленным в лагере или на марше грозили избиением, а порой и расстрелом жителей. Так, в Волошинском районе Ростовской области была убита разрывной пулей колхозница С., которая, «видя их [военнопленных. – Т.К.] малосилие, хотела помочь им питанием» [21]. Жительнице хутора Вертячего комендант пригрозил физической расправой, заметив, что та перевязывала рану военнопленного [22]. Колхозница хутора Больше-Осиновского Кагановичевского района Е.Т. Пешкова была избита гофрированной трубкой от противогАЗа до потери сознания за то, что «передала хлеба и воды военнопленному красноармейцу» [23].

Выводы

Анализ свидетельских показаний жителей Ростовской и Сталинградской областей, зафиксированных в актах и протоколах ЧГК, позволяет представить, как немецко-фашистские захватчики обращались с советскими военнопленными. На основании данных документов можно сделать выводы о том, что захватчиками была выработана четкая

и слаженная система уничтожения бойцов Красной армии. Отсутствие питания, медицинской помощи, инфекционные болезни, неблагоприятные погодные условия приводили к большой смертности, которая возрастала из-за использования советских военнопленных на тяжелых земляных работах, а также вследствие систематического избиения и расстрелов.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 71.
2. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.
3. Дулаг 125 – Миллеровская яма. URL: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7278> (дата обращения: 25.11.2015).
4. Дулаг 125 – Миллеровская яма...
5. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.
6. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 76об.
7. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.
8. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.
9. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 5.
10. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 3.
11. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 4.
12. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 4.
13. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 3.
14. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 3.
15. Лагерь смерти в х. Вертячий. URL: <http://stalingrad-pravda.narod.ru/1942.html> (дата обращения 25.11.2015).
16. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 19.
17. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
18. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
19. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
20. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.
21. ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
22. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 2. Л. 3.
23. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 45. Д. 4. Л. 36.

References:

1. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voyna. Yug. Perelom. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2012. S. 71.
2. Krinko E.F. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya Velikoy Otechestvennoy voyny: itogi dvukh desyatiletii // Bylye gody. 2009. № 4 (14). S. 6–19.
3. Dulag 125 – Millerovskaya yama. URL: <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7278> (data obrascheniya: 25.11.2015).
4. Dulag 125 – Millerovskaya yama...
5. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 1. L. 76.
6. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 1. L. 76ob.
7. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 1. L. 77.
8. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 7. L. 38.
9. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 5.
10. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 3.
11. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 4.
12. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 4.
13. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 3.
14. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 3.
15. Lager smerti v kh. Vertyachiy. URL: <http://stalingrad-pravda.narod.ru/1942.html> (data obrascheniya 25.11.2015).
16. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 19.

17. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 2. L. 23.
18. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 2. L. 31.
19. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 2. L. 31.
20. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 2. L. 55.
21. TsDNIRO. F. 1886. Op. 1. D. 1. L. 31.
22. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 2. L. 3.
23. GARF. F. 7021. Op. 45. D. 4. L. 36.

УДК 94(47)“1942/1943”

**Трагедия советских военнопленных в большой излучине Дона
(1942–1943 гг.)**

Татьяна Георгиевна Курбат

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: t.kurbat86@gmail.com

Аннотация. Статья раскрывает трагическую судьбу советских военнопленных в период боевых действий в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. Отсутствие питания, медицинской помощи, инфекционные болезни, неблагоприятные погодные условия приводили к большой смертности среди советских бойцов и командиров. Она возростала из-за использования советских военнопленных на тяжелых работах, а также вследствие систематического избиения и расстрелов. Статья написана на основе документов Государственного архива Российской Федерации и Центра документации новейшей истории Ростовской области.

Ключевые слова: большая излучина Дона, Ростовская область, советские военнопленные, Сталинградская область.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 16, Is. 4, pp. 309–316, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.16.309
www.ejournal15.com

Casus: The History of Russia in the Small Peas

UDC 94(470.620)

Duels Between Officers of the Kuban Cossack Host (The Late 19th – Early 20th Centuries)

Aleksandra V. Gayvoronskaya

Research Centre for Traditional Culture
Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Krai
Kuban Cossack Choir, Russian Federation
16, Klubnaya Street, Krasnodar, 350051
PhD (History)
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Abstract

The article is based on the analysis of the court documents and presents the reconstruction of the conflict cases among the officers of the Kuban Cossack Host. I consequently characterize the reasons for the officers' duels, options of conflict resolution, and results of the court proceedings concerning the issues of honour. I characterize files kept in the State Archive of the Krasnosar Krai about the cases of duels appointed but been resolved peacefully; the cases of the duels, which took place and ended with the conciliation of participants or one's death. As a result of the research, I draw a conclusion on the regulations of the officers' relations regarding conflicts and on factors, which influences the officer's choice of the options to vindicate honour.

Keywords: conflict, court proceedings, duel, honour, Kuban Cossack Host, officer.

Введение

Реконструкция офицерского конфликта предполагает обращение исследовательского внимания к различным аспектам ссоры, важнейшим из которых представляется ее разрешение путем назначенного поединка. Исследование традиции дуэли в соотношении с реальной практикой поединков офицеров Кубанского казачьего войска позволит обозначить факторы, влияющие на поведение офицера, оказавшегося в условиях дуэльной ситуации, и определить место дуэли в жизни офицерского сообщества в заданный период времени.

Материалы

Источниковая база изучения конфликтов, происходивших в офицерской среде войска и разрешаемых поединками, представлена официальными документами, основу которых составили материалы судебного делопроизводства – рапорты офицеров, свидетельские показания очевидцев офицерских ссор, приговоры судов общества офицеров, приказы, условия поединков, протоколы допросов.

Обсуждение и результаты

Вопросы нравственного воспитания офицерского состава армии с регулярной постоянностью поднимались на страницах дореволюционных периодических изданий и широко обсуждались в военной среде. Авторами выносились на обсуждение проблемы патриотического воспитания, чувства долга, товарищества, верности воинскому долгу, чести.

Одна из мер, выбранных правительством для распространения в офицерской среде общего уровня понятий об офицерских чести и достоинстве, а именно утверждение в 1894 г. «Правил о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», стала предметом развернувшейся дискуссии на страницах военных периодических изданий. Следствием появления нового закона явилось противоречивое отношение к нему всего общества и самой офицерской среды. Тема оставалась обсуждаемой вплоть до начала революции и привлекала к себе внимание военных публицистов и писателей, а в 1970–1980-е гг. была актуализирована Ю.М. Лотманом [1]. В постсоветское время дуэльной традиции в России, ее роли в формировании офицерских характеров, представлений о чести и достоинстве, принятых в офицерской среде, были посвящены работы отечественных исследователей А.В. Вострикова [2], Я.А. Гордина [3], А.В. Кацурсы [4], А.Н. Кулинского [5], Е.Д. Шелковниковой [6].

Поводы ко многим офицерским дуэлям, на первый взгляд, ничтожны, если не принимать во внимание часто встречающуюся в объяснительных рапортах оговорку о существовании между конфликтующими сторонами давнишних разногласий, обостряющими при случае каждое новое столкновение, но оставляющими за рамками судебных разбирательств истинные причины поединков. Достоянием общественности становились тогда описанные очевидцами ссор подробности взаимных оскорблений противников, выразившиеся в «разных бранных словах» и публичном обвинении друг друга в поступках и поведении, недостойных офицерского звания. Так, свидетели ссоры между подъясаулами Сосновским и Галушко во время карточной игры в лагерном сборе под станцией Кавказской в 1911 г. затруднялись определить причину конфликта и не могли назвать того, «кто первый дал повод на такое оскорбление», вспоминая лишь, что поссорились офицеры из-за одного рубля. В заключении военно-прокурорского надзора Кавказского военно-окружного суда значились подробности ссоры, указанные самим подъясаулом Галушкой: «Подъясаул Сосновский, обращаясь к подъясаулу Галушке, заявил: “Вы не поставили одного рубля”. Он, Галушка, был в то время в состоянии опьянения и, предполагая, что Сосновский забыл, что проигранный рубль он, Галушка, уже уплатил и ошибочно требует с него именно этот рубль, заявил, что он уже поставил. После троекратного утверждения Сосновского, что он, Галушка, рубля не поставил, и такого же троекратного возражения со стороны его, обвиняемого, Сосновский встал со стола, забрал деньги и стал уходить. Чувствуя, что подъясаул Сосновский, с которым у него и ранее бывали столкновения, не сосчитав денег, лишил его, Галушку, возможности доказать свою правоту и придя вследствие этого в возбужденное состояние, он бросил вслед уходившего Сосновского: “Так что, значит, я вор и мошенник! Сам ты вор и мошенник!” После этого тут же между ними произошло, при свидетелях, взаимное словесное оскорбление» [7].

Публичность столкновения и серьезность нанесенных обид требовала особого разрешения конфликта. Степени и оттенки оскорблений разъяснялись статьями дуэльных кодексов, в том числе приведенных в «Пособии для ведения дел чести в офицерской среде» И. Микулина: «Ст. 36. Обида неумышленная, нанесенная по легкомыслию, необдуманности, неосмотрительности, рассеянности, упущению, ошибке, заблуждению или неведению, является, по своему существу – легкой обидой; ст. 39. Оскорбление, имеющее особую силу и значение, в смысле унижения личного достоинства офицера или члена его семьи, как, например, оскорбление действием, площадная брань, публичное обвинение офицера в лжи, бесчестном или неблагородном поступке, трусости или недобросовестном отношении к своему служебному долгу, обольщение его жены или дочери, именуется – тяжким оскорблением; ст. 41. Оскорбление действием, измена данному слову, предательство, злоупотребление чувством доверия, дружбы или любви, публичность обиды или оскорбления, неизгладимость их следов, присутствие при нанесении обиды или оскорбления лиц, которые по своему положению обязаны оказывать особое уважение

обиженному или оскорбленному офицеру, обдуманность и расчет – признаются обстоятельствами, увеличивающими силу и значение оскорбления или обиды в пределах одной и той же степени их» [8]. Каждый из таких случаев должен был рассматриваться судом общества офицеров, а позже судом чести. На основании дисциплинарного устава в ведении этих судов находились «поступки офицеров и генералов, несовместимые с доблестью офицерского звания, воинской чести, нравственностью и благородством» [9], а также ссоры, случающиеся между офицерами [10].

Разбирательство дел офицерским судом носило конфиденциальный характер, даже в том случае, когда суть вопроса была достоинством всей воинской части. Статьи устава в этом отношении были предельно ясны – заседание суда чести происходило при закрытых дверях, а разглашение происходившего на суде признавалось поступком, предусмотренным ст. 130 сего Устава [11]. На рассмотрение дела в суде и постановление приговора полагалось не более суток [12], и даже письменное производство проводилось без участия писарей [13]. Соблюдались ли эти правила повсеместно или тщательное исполнение их было исключением, судить трудно. В официальной переписке неизменно подчеркивался статус особой секретности подобных разбирательств, причем не только на время работы суда чести, но и после принятия и исполнения приговора.

Итогом рассмотрения дела об офицерском конфликте в суде чести могло стать решение о возможности примирения офицеров или постановление о поединке как единственном средстве удовлетворения чести оскорбленной стороны.

Условием исполнения вынесенного приговора о поединке являлось взаимное согласие на него обеих сторон конфликта. Признание обществом офицеров дуэли единственным способом восстановления чести не имело обязательной силы, а потому за каждым офицером сохранялась полная свобода выбора – драться на дуэли или оставить службу [14]. Нежелание оскорбленной стороны требовать вызова так же, как и отказ иной стороны принять его, означали для офицера завершение службы, как того требовали правила Приложения 1894 г.: «Если в течение двух недель по объявлении решения суда общества офицеров поединок не состоится и отказавшийся от поединка офицер не подаст просьбы об увольнении от службы, то командир полка входит по команде с представлением об его увольнении без прошения» [15]. Более того, офицеры, уволенные по приговору суда общества офицеров, не имели права обжаловать его решение и обращаться с просьбой о предании суду для доказательств своей невиновности [16].

Среди случаев, связанных с назначением поединка, но разрешенных мирным путем без его проведения, выделяется случай улаживания офицерского конфликта путем принесения извинений. Известно, что, в 1909 г., рассматривая дело о ссоре офицеров 2-го Хоперского полка, когда «в полковой библиотеке [...] подьесаул Калаушин [...] в присутствии других офицеров в сторону сотника Потапова сказал: “Какой он адъютант, он мальчишка и не соответствует занимаемой должности”», суд общества офицеров посчитал, что «для удовлетворения оскорбленной чести сотника Потапова вполне было бы достаточно извинения, принесенного подьесаулом Калаушиным в присутствии всех гг. офицеров» [17], и в течение трех часов пытался склонить стороны к примирению, но из-за несогласия на этот исход оскорбленной стороны вынес постановление о поединке. Командир полка, «находя эту меру крайне жестокой и несоответствующей обстоятельствам дела», вынужден был вмешаться и путем воздействия на подчиненных «склонил офицеров к примирению [...], при чем подьесаул Калаушин извинился перед сотником Потаповом и дал слово оставить Хоперский полк» [18]. Доводы, которыми командир воспользовался, убеждая подьесаула Калаушина принести извинения, а сотника Потапова – принять их, остались за рамками судебного разбирательства. Примечательно, что ни командир полка, воспользовавшийся своим правом отмены приговора, ни офицеры не пожелали впоследствии видеть подьесаула Калаушина своим товарищем и продолжать с ним дальнейшую службу, что подтверждается ходатайством командующего о переводе офицера «в какую-либо другую часть» [19].

Примером излишней медлительности в выборе способа защиты чести и достоинства служит поведение офицера 2-го Кавказского полка есаула Ловягина, волею случая узнавшего об измене жены. Чувствуя себя оскорбленным тем, что его товарищ, подьесаул Буткевич, «вторгся в мою семью, разрушил ее, обесчестил мою жену и не выполнил честного

слова офицера в отношении возвращения писем моей жены и кроме того показывал эти письма посторонним лицам, рассказывал им об отношениях его с моею женою, отзываясь при этом о ней с самой дурной стороны» [20], Ловягин, прибегнув к разным вариантам демонстрации своего возмущения, согласился удовольствоваться публичным извинением нарушителя своего семейного спокойствия «в присутствии офицеров Кавказского гарнизона и всех дам». Так и не дождавшись извинений, офицер оказался в неловком положении обманутого супруга, не сумевшего достойным образом разрешить сложившуюся семейную ситуацию. На прямой вопрос, почему, узнав о связи своей жены с Буткевичем, он не вызвал его на дуэль, Ловягин заявлял, что, «не желая марасть чести своей жены, предложил подъесаулу Буткевичу прекратить всякое знакомство с его женой и сам лично также прекратил с ним знакомство» [21].

Чувство недоумения окружающих, наблюдавших за нерешительностью оскорбленного офицера, уклонявшегося от возможности воспользоваться законным правом на поединок, сменилось бы явным осуждением иной стороны в случае ее отказа от вызова. Стремлением оградить свое имя от обвинения в отказе от дуэли и желанием сохранить расположение сослуживцев выглядит попытка второго участника конфликта подъесаула Буткевича, предпринятая им спустя время после вынесения и вступления в силу приговора офицерского суда чести: «Покидая навсегда Кубанское казачье войско и товарищей офицеров 4-го Кубанского пластунского батальона, с которыми прослужил 9 лет, лучшую пору своей жизни, с которыми бывал в боях и которые не видят в моем поступке позорящее, и я не хотел разочаровывать их в том мнении, которое они обо мне составили в продолжении всей нашей совместной службы. В станице Кавказской распространился слух, что есаул Ловягин вызвал меня на дуэль и я отказался, что и послужило главной причиною моего удаления и оставления на службе упомянутого есаула. Так как подобного предложения я ни от атамана отдела, ни от есаула Ловягина сверх всякого ожидания не получал, а существующий слух об этом, безусловно, сильно подрывает доброе расположение ко мне моих товарищей, я убедительно прошу Ваше Превосходительство успокоить меня, и так потерявшего все, и сообщить, имеется ли в деле моем с есаулом Ловягиным какой-либо намек на дуэль» [22].

История повторного разбирательства завершилась увольнением подъесаула Буткевича в «порядке дисциплинарном». Поведение обоих офицеров критично оценивалось начальством, и в заключении по делу о супружеской измене атаман Кавказского отдела неодобрительно высказывался о его главных героях: «Подъесаул Буткевич допустил поступки и отношения к жене офицера нетерпимые в офицерской среде, а затем, распознав госп. Ловягину, не проявил в отношении последней присущего офицеру джентльменства, а свои к ней отношения сделал достоянием других. Есаул Ловягин, узнавши о близких отношениях подъесаула Буткевича к своей жене, не принял тотчас же надлежащих мер к охране чести своей и своей семьи и лишь после того, как подъесаул Буткевич написал ему угрожающее письмо, проявил некоторую деятельность при содействии своих однополчан» [23]. Затянувшееся расследование подтолкнуло в конце концов обе стороны к размышлениям о возможности дуэли, выразившимся в текстах писем и телеграмм. Тем не менее вызова ни от одного из офицеров не последовало.

Тяжесть последствий отказа офицера от поединка требовала точного документального подтверждения подобного поступка. Так, в декабре 1894 г. суд общества офицеров 2-го Хоперского конного полка в составе есаула Фисенко, подъесаулов Толстова и Абухова и сотников Некрасова и Бруснева, разобрав ссору, произошедшую между офицерами 7 мая в табльдоте в лагере под станицей Баталпашинской между есаулом Безпаловым и сотником Четверкиным, нашел их виновными: «есаула Безпалова – в нанесении оскорбления на словах товарищу в присутствии гг. офицеров в выражениях, несоответствующих званию офицера, и в неприятии вызова на поединок, посланного ему сотником Четверкиным, а сотника Четверкина – в нанесении оскорбления на словах товарищу в присутствии гг. офицеров, также в выражениях, несоответствующих званию офицера, в оклеветании товарища с целью повредить ему в глазах гг. офицеров и в том, что, несмотря на предупреждение товарищей, он не прекратил ссору, будучи инициатором этой ссоры, – а потому на основании 156 ст. Дисц. Устава изд. 1888 г. постановил: есаула Безпалова и сотника Четверкина удалить из полка» [24].

Обвинение в отказе дать удовлетворение по вызову на поединок было болезненно воспринято есаулом Безпаловым, что отразилось в его рапорте, поданном командующему полком на следующий день после вынесения приговора судом общества офицеров. Офицер признавал факт вызова и, указывая на нарушение правил его процедуры, подчеркивал, что «вызов сделан был сотником Четверткиным не через товарищей и не с соблюдением установившагося на этот предмет обычая, а запиской, посланной с вестовым казаком» [25], но собственный отказ от дуэли Безпалов категорически отрицал. Причиной того, что поединок, несмотря на сделанный вызов, не состоялся, есаул Безпалов называл решение суда общества офицеров, а точнее, его отсутствие по поводу сделанного вызова и возможной дуэли.

В начале следующего года, после приказа командира полка вновь пересмотреть дело и выяснить точно «факт вызова на поединок последним первого», обнаружились новые свидетельства, подтверждающие, что «вызов на поединок сотником Четверткиным есаула Безпалова был сделан в то время, когда производилось дознание о названной ссоре, и что есаул Безпалов от дуэли категорически не отказывался» [26]. Согласно новому приговору, оставившему в силе решение по поводу увольнения сотника Четверкина, есаулу Безпалову «за оскорбление товарища на словах, хотя и вынужденное, но в выражениях не соответствующих звания офицера» [27], было сделано внушение, обвинение в отказе от вызова было снято.

Подробности состоявшихся поединков между офицерами Кубанского казачьего войска – редкость. Таким исключением можно считать материалы предварительного следствия Ростовского-на-Дону окружного суда 2-го участка Ейского отдела дела о дуэли между уже упоминаемыми подьесаулами Сосновским и Галушко. Серьезность брошенных во время ссоры между офицерами обвинений послужила поводом к сделанному подьесаулом Сосновским вызову, одобренному, по его показаниям, судом общества офицеров 4-го Кубанского пластунского батальона и с ведома Войскового начальства Войска Кубанского и принятому подьесаулом Галушко.

Центральными документами следствия стали представленные с рапортом распорядителя секунданта дуэли подьесаула Голяховского три протокола и условие дуэли. Секундантами дуэлянтов стали: «со стороны Сосновского – 4-го Кубанского пластунского батальона сотник Шепелев и сотник Пивоваров и со стороны Галушка – 5-го Кубанского пластунского батальона подьесаулы Голяховский и Тищенко» [28].

Согласно первому из протоколов, подписанных секундантами накануне дуэли, после неудачных попыток «улаживания дела мирным путем», присутствующими было выработано условие самой дуэли, состоящее в следующем: «1) Место дуэли: на южной окраине станицы Уманской за полотном железной дороги в овраге; 2) На месте дуэли быть ровно в 7 1/2 часов утра, выехать из станицы одновременно каждому дуэлянту со своими секундантами 26 октября сего года; 3) Поединок должен состояться на дуэльных пистолетах, гладкоствольных, с дула заряжающихся пистонных за № 1 и 2; 4) Дуэлистам стрелять в промежутках времени между командою “огонь” и последним словом счета “раз, два, три”, которые будут произнесены распорядителем секундантом с сопровождением ударами в ладоши каждого счета; следовательно, каждый из противников по команде “огонь” взводит курок и производит один выстрел до счета “три”. После произнесения слова “три” выстрела быть не должно. Промежуток между счетом должен быть в (1) одну секунду; 5) Стрелять с места на дистанции тридцать пять (35) шагов; 6) Сделать по одному выстрелу, при чем осечка считается за произведенный выстрел; 7) Дуэлисты должны быть без шапек, газырей, кинжалов, часов, портсигаров и других предметов, могущих оказать сопротивление пули; 8) По окончании дуэли противники должны подать друг другу руки; 9) Дуэлисты должны беспрекословно подчиняться правилам сего условия и дать в этом честное слово» [29].

Вторым протоколом обозначались особенности предстоящей дуэли, проводимой «при условиях, не предусмотренных в неофициальном издании», с целью оградить секундантов от ответственности за возможные ошибки и недоразумения. Особенности поединка секунданты называли место и время его проведения. Подчеркивалось, что ссора офицеров произошла весной 1911 г. во время лагерного сбора в станице Кавказской, а разбирательство дела судом общества офицеров, постановление о поединке и вызов происходили уже осенью

в городе Елисаветполе. Сама дуэль состоялась спустя двое с половиной суток после вызова в станице Уманской.

Согласованное и одобренное обеими сторонами условие дуэли было таково, что вряд ли ее участниками предполагался смертельный исход. По завершении поединка присутствующими на нем по приглашению секундантов врача Розенштейна и фельдшера Шеремета был подписан протокол «в том, что оба упомянутые дуэлянта после обмена выстрелами не получили никаких поражений» [30]. Факт примирения противников был зафиксирован сразу же протоколом о примирении, подписи под которым поставили дуэлянты и секунданты. Бескровность поединка, если не говорить о счастливом стечении обстоятельств, могла трактоваться окружающими как демонстрация готовности конфликтующих к поединку, соблюдение определенной формальности, призванной дать сторонам удовлетворение без намерения нанести друг другу ранение и пролить кровь, а искусное владение оружием лишь облегчало задачу дуэлянтов (например в послужном списке подьесаула Сосновского дважды упоминалось о наградах за состязательную стрельбу на меткость).

Смертельный исход поединка зачастую был predetermined заведомо жестким условием предстоящей дуэли, соответствующим высокой степени нанесенных оскорблений. Стечением обстоятельств выглядит трагический финал поединка совершенно незнакомых до столкновения людей. Офицер конвоя сотник А.В. Витгенштейн был хорошо известен современникам тем, что в 1889 г. ранил на улице Петербурга студента Н. Островского, ударившего женщину. В другой раз имя князя «прозвучало» в 1901 г., когда, вновь отстаивая честь дамы, он был ранен отставным полковником Максимовым и вскоре скончался [31].

Подробности последнего смертельного поединка, основанные на материалах дела о дуэли, рассмотренного Петербургским окружным судом, были приведены спустя год на страницах военного периодического издания. Из обвинительного акта следовало, что излишнее внимание Максимова к спутницам князя Витгенштейна, французенкам Мюгэ, Грюкер, Бера и Краво, во время случайного соседства офицеров в отделении вагона II класса привело к дуэли, условием которой стали: «оружие – пистолет, дистанция 25 шагов, по одному выстрелу, стрелять по желанию в промежуток четырех секунд, между счетом “раз, два, три, стой”» [32]. Несмотря на усилия секундантов обеих сторон примирение не состоялось и «1-го августа, около 8 часов вечера, близ станции Стрельна Балтийской железной дороги между князем Витгенштейном и Максимовым в присутствии секундантов и старшего врача Полякова состоялся на вышеприведенных условиях поединок, во время которого после счета “раз” выстрелил князь Витгенштейн, но промахнулся; после счета “два” выстрелил Максимов, и князь, раненый в живот, опустился на траву» [33].

Обмен выстрелами не ставил точку в поединке. Участие в дуэли, согласно законодательству Российской империи, было наказуемо, но офицерский поединок, одобренный судом чести, должен был рассматриваться в особом порядке, и дуэлянты могли рассчитывать на высочайшее помилование. Именно так весной 1913 г. завершилось дело о дуэли подьесаулов Сосновского и Галушки: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Военным Министром об обстоятельствах следственного дела о поединке между подьесаулами, Сосновским и Галушка, в 27-й день сего апреля Высочайше повелеть соизволил: дальнейшее производство по сему делу прекратить с освобождением от уголовной ответственности лиц, привлеченных в качестве обвиняемых» [34]. С момента дуэли прошло больше года.

Выводы

Таким образом, легализация офицерской дуэли, произошедшая с принятием «Правил о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», не только утвердила право офицера на поединок, но и обязала офицера следовать этому правилу. С этого времени неизбежность поединка и вероятность отставки выступали в роли регуляторов конфликтного взаимодействия офицеров. Определяющим фактором, оказывающим несомненное влияние на выбор офицером способа защиты чести и сохраняющим свое влияние в новых условиях, оставалось отношение к конфликту офицерского сообщества.

Примечания:

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПБ, 2006. 413 с.
2. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. СПб.: Азбука-классика, 2004. 317 с.
3. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. 288 с.
4. Кацура А.В. Дуэль в истории России. М.: Радуга, 2006. 388 с.
5. Кулинский А.Н. Дуэли. Оружие, мастера, факты. СПб.: Атлант, 2008. 192 с.
6. Шелковникова Е.Д. Дуэли. Честь и любовь. СПб.: Атлант, 2008. 252 с.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 430. Л. 115.
8. Кацура А.В. Дуэль в истории России... С. 364.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 91.
10. Дисциплинарный устав (высочайше утвержденный 28 мая 1888 г.) / сост. А. Анисимов. Изд. 4-е испр. СПб.: Издатель В. Березовский, 1895. С. 74.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 92.
12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 92.
13. Дисциплинарный устав (высочайше утвержденный 28 мая 1888 г.)... С. 79.
14. Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках Российской армии. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1898. С. 71.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб.: Государственная типография, 1898. Т. 14. С. 259.
16. Дисциплинарный устав (высочайше утвержденный 28 мая 1888 г.)... С. 82.
17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 32.
18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 32.
19. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9901. Л. 32.
20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 5.
21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 83.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 121.
23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10634. Л. 102.
24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6759. Л. 26.
25. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6759. Л. 28.
26. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6759. Л. 38.
27. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6759. Л. 38.
28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 430. Л. 115.
29. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 430. Л. 10.
30. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 430. Л. 15.
31. Ключков Д.А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества Конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: Славия, 2007. С. 439.
32. Заметки // Разведчик. 1902. № 600. С. 373.
33. Заметки...
34. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10 430. Л. 115.

References:

1. Lotman Yu.M. Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (18 – nachalo 19 veka). 2-e izd., dop. SPb.: Iskustvo-SPB, 2006. 413 s.
2. Vostrikov A.V. Kniga o russkoy dueli. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 317 s.
3. Gordin Ya.A. Dueli i duelyanty: panorama stolichnoy zhizni. SPb.: Pushkinskiy fond, 1996. 288 s.
4. Katsura A.V. Duel v istorii Rossii. M.: Raduga, 2006. 388 s.
5. Kulinskiy A.N. Dueli. Oruzhie, mastera, fakty. SPb.: Atlant, 2008. 192 s.
6. Shelkovnikova E.D. Dueli. Chest i lyubov. SPb.: Atlant, 2008. 252 s.
7. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee – GAKK). F. 396. Op. 1. D. 10 430. L. 115.
8. Katsura A.V. Duel v istorii Rossii... S. 364.
9. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 91.
10. Distsiplinarnyy ustav (vysochayshe utverzhdenyy 28 maya 1888 g.) / sost. A. Anisimov. Izd. 4-e ispr. SPb.: Izdatel V. Berезovskiy, 1895. S. 74.
11. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 92.
12. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 92.
13. Distsiplinarnyy ustav (vysochayshe utverzhdenyy 28 maya 1888 g.)... S. 79.
14. Shveykovskiy P.A. Sud obshchestva ofitserov i duel v voyskakh Rossiyskoy armii. SPb.: Tip. E. Arngolda, 1898. S. 71.

15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1898. T. 14. S. 259.
16. Distsiplinarnyy ustav (vysochayshe utverzhdenyy 28 maya 1888 g.)... S. 82.
17. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 32.
18. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 32.
19. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 9901. L. 32.
20. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 5.
21. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 83.
22. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 121.
23. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10634. L. 102.
24. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 6759. L. 26.
25. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 6759. L. 28.
26. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 6759. L. 38.
27. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 6759. L. 38.
28. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 430. L. 115.
29. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 430. L. 10.
30. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 430. L. 15.
31. Klochkov D.A. "Otlichnye khrabrostyu..." Sobstvennyy Ego Imperatorskogo Velichestva Konvoy. 1829–1917. Istoriya, obmundirovanie, vooruzhenie, regalii. SPb.: Slaviya, 2007. S. 439.
32. Zametki // Razvedchik. 1902. № 600. S. 373.
33. Zametki...
34. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 10 430. L. 115.

УДК 94(470.620)

**Дуэли в офицерской среде Кубанского казачьего войска
(конец XIX – начало XX вв.)**

Александра Владимировна Гайворонская

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350051, Краснодар, улица Клубная, 16
Кандидат исторических наук
E-mail: krasnodar-23@newmail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов судебного делопроизводства осуществляется реконструкция вариантов конфликтных ситуаций в среде офицеров Кубанского казачьего войска. Автор последовательно рассматривает поводы к офицерским дуэлям, варианты разрешения конфликта, результаты рассмотрения дел об офицерских ссорах в суде чести. Автор характеризует отложившиеся в Государственном архиве Краснодарского края дела о случаях, связанных с назначением поединка, разрешенных мирным путем; о состоявшихся поединках, закончившихся примирением участников или смертью одного из офицеров. В результате проведенного исследования автор делает выводы о регуляторах конфликтного взаимодействия офицеров и факторах, влиявших на выбор офицером способа защиты чести.

Ключевые слова: дуэль, конфликт, Кубанское казачье войско, офицер, судебное делопроизводство, честь.